

Давид КУГУЛЬТИНОВ

ЯВЛЕНИЕ СЛОВА

Давид Кугультинов

Явление слова

D. Kuyumov

Давид Кугультинов

Явление слова

Избранное
в двух томах

Том I

Перевод с калмыцкого

Элиста
Калмыцкое книжное издательство
2007

УДК 82-1 (470.47)
ББК 84 (2Р37)
К 886

**Федеральная целевая программа
«Культура России»**

ISBN 978-5-7539-0561-1

© Кугультинов Д. Н., 2007
© Оформление.
ГУ «Калмыцкое книжное
издательство», 2007

Стихотворения

Весенняя ночь

Весенней ночи теплота
Над нашей степью разлита.
Простор прозрачен и далек.
Порою легкий ветерок,
Слетев с подзвездной высоты,
Колышет сонные цветы,
Ковыль волнует молодой...
Туманной тихою водой
Канавы светятся вдали,
И сладкой свежестью земли
По балкам воздух напоен,
Деревьев чуток полусон.
Кол золотой¹ в листве сквозной
Мерцает бледной желтизной,
Маралы² блещут серебром,
И Семь бурханов³ за бугром,
На час-другой прервав свой путь,
В бурьян садятся отдохнуть.
Как воздух чист! Как ночь светла!
Как степь родная расцвела!
В равнине выжженных песков,
Где столько сгинуло веков,
Воздвигся город молодой.

¹ *Кол золотой* – Полярная звезда.

² *Маралы* – созвездие Орион.

³ *Семь бурханов* – Большая Медведица.

И над песками чередой
Встают, нарядны и свежи,
За этажами этажи.
Веселым светом залита,
В ночи сияет Элиста.
Там, сквер прохладною поя,
Журчит фонтанная струя,
Сижу с подругою своей...
Звезды полуночной светлей
Ее глаза: в тиши степной
Тегряш любимая со мной.
Кипя, ликуя и спеша,
Вновь накаляется душа
Стихом лучисто-золотым,
Певучей силой налитым.

1939

Девушка-джангарчи¹

*Много лет тому назад
Та, что не была женой,
Спела «Джангар», говорят,
В нашей стороне степной.*

Где вечер красной поволокою
Повил сгущавшуюся тьму,
Предстала девушка далекая
Воображенью моему.

Не звездный свет, а теплый, жизненный
Мерцал в глазах ее. Она
Цвела красой безукоризненной,
Была на диво сложена.

В сапожки красные обутая,
Взяла домбру. И в тишине
Услышал песню в ту минуту я,
Что сквозь века неслась ко мне.

В доспехах времени походного,
Как будто пред лицом зари,
Собрались Джангра благородного
Пред девушкой богатыри.

¹ *Джангарчи* – исполнитель калмыцкого эпоса «Джангар».

Стоявшие в кольчугах кованых,
С красавицы степной они
Глаз не сводили очарованных,
Как будто бы с Рагни-Дагни¹,

И отражалась в их наружности
Суровость воинской страды;
Были ими недруг бит в окружности
Примерно годовой езды.

И пела девушка умеючи
О них, что в седлах рождены.
И воины той песней девичьей
Впервые были пленены.

И удивлялись смуглоликие:
«Да неужели это мы?»
Вблизи качали ветры дикие
Ковыль, взбегавший на холмы.

Припомнив радости и горести,
Им пела девушка о том,
Что пятен нет у них на совести,
А души чищены огнем.

И чувство, схожее с наитием,
Явилось к сыновьям степей.
И песня стала вдруг открытием:
Они себя познали в ней.

1940

¹ *Рагни-Дагни* – сказочная красавица.

Джангарчи

Творцу-исполину, чей голос живой
Звенит в переборах домбры вековой.

Кто древних батыров, овейанных славой,
Воспел громкозвучной строкой величавой,

Творцу, чье простое и меткое слово
Кипело, играло струей родниковой,

Питомцу великому степи родной,
Веками сокрытому, как пеленой,

Создателю «Джангра» восторженно шлю я
Приветствие и благодарность большую.

Издравле творенье твое бережет
В груди, как святыню, калмыцкий народ.

В строках, где бурлит неумное пламя,
Батыры степные проходят пред нами.

Из дальних столетий, из дальних краев
К нам в душу доносится грохот боев.

Певец-исполин, сединой убеленный,
Послушай! К тебе из страны обновленной

Горячую речь обращаю свою:
Меня и друзей молодую семью

На славу родная отчизна взрастила.
В степях, где лишь ветры свистели уныло,

Веселая жизнь молодая взошла,
И песни звенят без конца, без числа!

Не властвуют больше невзгоды над нами;
Сияют счастливые годы над нами.

Под солнцем советским, цветуща, ясна,
В бескрайние дали шагает страна,

Где неборимым батырам числа нет,
Тот день недалек, — он, я верю, настанет.

И бронзовый, в раззолоченной резьбе,
Мы памятник дивный воздвигнем тебе.

И к памятнику песнопевца родного
Страна принесет благодарное слово.

И если бы даже скакун Аранзал¹,
Ретив, легконог, что есть сил побежал,

¹ *Аранзал* — легендарный конь богатыря Джангра, героя эпоса.

Он славы твоей не обгонит, я знаю,
И тысячеустая, с края до края,

Молва о великом твореньи твоём
По миру пройдет, как торжественный гром.

И славить и благодарить неустанно
Калмыкию станут далекие страны.

1940

Весна

Сегодня мир омыт весной,
Как взгляд младенца, светел,
И талой, синей новизной
Ошеломляет ветер.
Журчат ручьи, поля залив,
В артериях сугробов.
Несложен древний их мотив,
Но повтори попробуй!
Сосулек тонкий перезвон
Зовет воспоминанья,
И кажется родной хотон¹
Вершиною желанья,
Трамваи ползают, звеня,
А я в печали стыну,
И степь калмыцкая меня
Зовет к себе, как сына.

1940

¹*Хотон* – калмыцкое село.

Яблоко

– Лови, лови же – это от меня! –
Вдруг яблоко в окно швырнула мне
И промелькнула, смехом зазвenea,
Как смутный сон в распахнутом окне.
Я выглянул... Да где там!.. Егоза
Уже укрылась меж густых ветвей...

Лишь озорные черные глаза
Еще смеялись в памяти моей!

А дядя мой, – на шутки он мастак! – .
Конечно, был такой проделке рад.
– Ну как?– он подмигнул мне...
– Что «ну как»? –

А он глазами указал на сад.
И хитро улыбнулся:
– Утро как?
Сегодняшнее утро, говорю...

А я молчу...
Ее вниманья знак!..
Я весь горю, я трепетно горю!..
Что мне сказать?
Лежит передо мной,
Охваченное розовым огнем,

То яблоко!

В нем бродит сок земной,
Весь аромат, вся сладость солнца – в нем!

Как будто утро в дом весь сад внесло,
Пахучий сад – в раскрытое окно.
И в мире так чудесно и светло!
И это утро радости полно!

Само ли утро, что звенит в саду,
Иль яблоко причиною тому?
Но с нетерпеньем вечера я жду,
Волнуясь, сам не зная почему!..

1940

* * *

Над Волгой отпылал закат,
А за кормой кипел бурун...
Я так богат был, так богат –
Май цвел и пел, а я был юн!
Дробилась, цвенькая, вода,
Луна качалась на волне.
Впервые, может быть, тогда
Я вдруг почувствовал:

во мне,

Как в почке вызревший листок,
Возник неведомый росток.
Он рос стремительно, как шквал,
Во мне он дерзко бушевал.
И под мелодию волны
Дарили звезды мне слова.
Коснулся я любви струны –
Вступила песнь в свои права.
В ней были звезды и цветы,
Судьба грядущая моя!
В ней был весь мир наш – я и ты,
Весь мир огромный – ты и я.

1940

* * *

Это явь или сон мой радостный –
До сих пор я не знаю сам?!
Океан, удивительно радужный,
Безгранично льнул к небесам.
То ли небо в него вливалось,
То ли к небу вздымался он –
Все на свете перемешалось,
Непонятно: где явь, где сон?..

Но, мне кажется, наяву
В океане я том плыву.

Я плыву, плыву в синей мгле,
Я гляжу, гляжу поутру,
Как красавица на скале
Поднимает любви домбру.
Песня льется с высоких глыб,
Светит солнце ее лица.
И плывут к ней, как стаи рыб,
Человеческие сердца.
На приманку ее любви
Сколько их у скалы снует!..
Я плыву, тишиной повит,
А она – надо мной поет!
А потом на одной из круч,
Как струну, оборвал мотив,
Застывает, как внешний луч,
Ствол удилица опустив.

Я подплыл...

Я успел едва
От восторга очнуться, – вдруг
Моя юная голова
Закружилась,

и мир вокруг
Завертелся и засверкал,
И – как будто бы в грудь толчок...
Я на удочку к ней попал,
Громким сердцем задев крючок.

Сердце вечно страстей полно!
Сердце ищет свои пути!
И взмолилось тогда оно,
Мое сердце:

«Прошу,пусти!
Я, краса, у тебя в плену.
Что прикажешь моей судьбе?
Хочешь – солнце или луну
Я достану с небес тебе?
Как ты хочешь суди-ряди,
Только ты отпусти!..»

В ответ,
Мое сердце прижав к груди,
Засмеялась красавица: «Нет!
Только ты у моей мечты!
Долгожданное, ты поверь:
Моя сладость и горечь – ты!
Ты со мной навсегда теперь!..»

...Это явь или сон мой радостный?
Лучшей девушкой озарен,
Весь я радости отдан радужной,
Будто это не явь, а сон!

1940

Мой знакомец

Все изведавший,
Все читавший,
Все презревший,
Все растерявший,
В двадцать красных лет
Сердцем старый,
Иронический
И усталый.
Покажу ли что –
Негодует,
Расскажу ли что –
В ус не дует.
Умных умными
Не считает,
Годы скучные
Коротает.
Так за хитростью
Непреложно
Суть хоронится,
Что ничтожна!

1940

Матери-степи

(Из фронтовой тетради)

Степь моя! Степь!
Тому, кто душой тебя понял,
Сердцем тебя полюбил,
Ты открываешь глаза.

Книгой волшебной шуршишь,
Истиной дышишь прекрасной,
Мальчиком юным цветешь,
Мудрым глядишь стариком.

Не через чеховский дар,
Не через горьковский гений
Я полюбил твой зеленый,
Твой бесконечный простор.

И что мне те, кто восторгом
Непониманье скрывает.
Пышно-влюбленной хвалой
Я не тревожил тебя.

Свежий твой ветер вдохнул
Я с молоком материнским.
Тонкие веки едва
Приподнял – увидел тебя.

Вырос на почве твоей.
Но выпали нам испытанья...
Видишь? В тяжелой пыли
С запада движется враг.

Степь! Если в грозном бою,
Струсив, себя запятнаю;
Степь! Если Джангра и Хонгра
Я оскверню имена,—

Кровь мою в гной преврати,
О степь!
И, брезгуя мною,
Тело мое не прими
В лоно святое свое!

1941

Девушке, победившей пустыню

Жестокая дорога длится, длится...
Жара. И жажда наша велика.
Пустыня Гоби лижет наши лица
Палящим ветром, струями песка.

Пыль в сапогах. Она – меж пальцев стертых
Бредем, с трудом преодолевая боль.
На желтых, пропотевших гимнастерках
Налетом белым проступает соль.

Тропинка извивается змеино.
Все нестерпимей желто-серый ад.
«Воды! Воды...»

И валится мужчина,
Видавший виды, опытный солдат.

Ты у него расстегиваешь ворот,
Клонясь над ним, как деревце в степи,
Ты говоришь ему:

– Колодец скоро!
Друг, собери все силы!.. Потерпи!

И ты по капельке вливаешь влагу
Солдату в щель обугленного рта.
И вдруг

с испугом опускаешь флягу:
Ни капли больше!.. Выпита. Пуста.

А в наших фляжках, в каждой – понемногу,
По две-три капли – все же есть на дне.
И ты идешь на хитрость:

– Ради бога!

Глоток воды!.. Напиться дайте мне!
Ну, в чем тебе мы отказать смогли бы?!
Мы все до капли слили вместе: «Пей!»
Но эту воду, прошептав: «Спасибо!»,
Ты отдаешь тому, кто всех слабей.

Бросая вызов скудности и злобе,
Все отдала ему – добра, светла...
...И победили мы пустыню Гоби
Не потому ль,
что с нами ты была?!

1941

Песнь осеннего ветра

Ветер поет,
скользя по штыку граненому.
Песня его
пронзительна и грустна.
В синее тело небес
жестoko вонзенная,
Алая сабля луны
сквозь тучи видна.
Ветер поет,
смутные, но неусыпные
шепчет слова.
Боль, наточив острие, в сердце мое,
в память мою ненасытную,
Слушая песню,
врезывает ее.
Да, я вижу: в небе осеннем, нахмуренном
черные тучи мчатся,
смыкаясь в ряды.
Падают наземь из них
свинцовыми пулями
твердые капли
светлой холодной воды.
Да, я слышу, ветер, твои причитания!
Сердце от скорби
кровью готово истечь,
В сумраке ночи тягостно-долгим стенанием
стонет и корчится
в муках древняя степь.

Нет! Не холодные капли жесткой воды —
Жгучие слезы любимых текут с высоты.

(О, как горит мое сердце!

О, как горит!)

Голос матери старой сквозь шум ковылей
Слышится мне, защиты просит моей.

(О, как горит мое сердце!

О, как горит!)

Нет! Не древняя степь стенает,

корчась во мгле

Ночи осенней, а мертвые стонут в земле.

(О, как горит мое сердце!

О, как горит!)

То погребенные воины-братья к мести зовут.

Жизнь отжив, мечтою о мести живут.

(О, как горит мое сердце!

О, как горит!)

Клянусь! И клятвы своей вовек не нарушу я.

Не убегать от стонов мира,

Не отступать от зовов мира.

Да выдержит сталь оружия:

Я болью своей и гневом буду стрелять!

* * *

О милая, ты, как весна, хороша,
Как наша весна, чья живая душа –

В пленительном трепете травок-ресниц,
В живительном щебете славок, синиц...

Весна прошептала мне успела: «Приди!»
И радость опять закипела в груди...

А ветер щекочет дыханьем цветов,
А воздух – и сочен, и сладко-медов.

Весна меня манит, в просторы зовет...
Но вдруг за холмом затрещал пулемет.

Гудят самолеты. Взлетает земля.
За бомбою бомба взрывает поля.

Кто знает? Быть может, сейчас, на ходу,
Я словно запнусь, я согнусь, упаду...

Останусь навеки меж травами тут,
А может, калекой меня унесут...

Но будет весна и тогда, без меня,
Цветы раскрывать, словно пчелка звеня,

Всем, всем раздавать их, любовью дыша...
О милая! Ты, как весна, хороша.

Но я заклинаю, чтоб в сердце своем
Примера с весны не брала ты во всем.

Приветлива ты, и нежна, и добра,
Но, друг мой, не будь безрассудно щедра,

Подобно весне, что всем людям сродни!..
Ты ласку свою для того сохрани,

Кто полон тобою, и только тобой,
Кто с именем милой бросается в бой,

Чье сердце и нрав на особую статью!..
Не надо, родная, весне подражать!..

Молю тебя, милая, будь мне верна!..
Но – боже мой!– ты хороша, как весна.

1943

* * *

Уже зимы холодной покрывало
Весна с земли своей рукой срывала
И расстелила вновь ковер зеленый
Для юности, свободной и влюбленной,
И птицы, мира трепетного дети,
Щебечут – хорошо им жить на свете!
Они взмывают к поднебесной сини,
Восторженно звенят их песни ныне.

Пусть будет так. На то они и птицы,
Чтоб песни петь и в небесах кружиться.
Они в своих скитаньях неизменных
Не ведают, как мы, тревог военных
И осенью на юг летят, не зная,
Что лишь одна страна у нас родная,
Что не бывать вовек другой отчизне...
Но пусть поют, пусть радуются жизни,
Пусть украшает мир пернатых стая,
И пусть цветы цветут, благоухая.
А нам с тобой, мой друг, теперь осталось
Сжать крепче зубы, побороть усталость,
И взять винтовку, и пойти в сражение
За это щебетание весеннее.

Весна – особенное время года,
Ей, как любви, всегда нужна свобода,
И там, куда пришло освобожденье,
Цветут цветы и слышно птичье пенье.

1943

Над колыбелью мальчика

К деревьям, к грушам, зноем опаленным,
Привязываем мы коней своих,
А там, вдали, за блеклым небосклоном,
Жестокий бой доселе не утих.

Семь долгих суток смены мы не знали,
Порядком потрепали нас бои,
В своих высоких седлах засыпали
Кавалеристы, сверстники мои.

В село, где к седлам лезут ветви сада,
В село, освобожденное вчера,
Вернулись мы: нам стать на отдых надо.
Всем эскадронам отдохнуть пора.

По хатам разошлись мы. В самом деле,
Жилье, хоть нет ни крыши, ни окна!
Ухватами хозяйки загремели
Заплаканные. Радость их грустна.

На малыша гляжу. На необъятный
Мир, трудно избывающий беду...
Потом патрон тяжелый автоматный
Ему в ладошку пухлую кладу.

Шуми, малыш, веселый и победный,
Не унывай, не плачь и не робей!

Твои вихры рыжее гильзы медной,
Глаза фуражек наших голубей!

И я смеюсь. Я вижу утро света.
Я прихожу, с земли сметая зло,
На колыбель, на никель пистолета
Взглянуть сегодня солнце к нам пришло.

Я «зайчиков» пускаю презабавных,
Я с мальчуганом поиграть хочу:
Никелированный сверкает браунинг,
И мальчик в зыбке тянется к лучу.

Трофейной зажигалкой я пощелкал –
К щеке небритой тянется моей,
Мне щеку гладит пухлою ручонкой.
О, как мы любим наших сыновей!

Как сказки им рассказываем длинно,
Как радуют нас лепет и возня.
Нет у меня пока такого сына,
Нет мальчишка такого у меня!..

Война! Война! Как, в седлах спину горбя,
Склонялись мы! В сраженьях сколько дней
Мы пробыли! Какую бездну скорби,
Война, ты принесла любви моей!

Ты грохотом спугнула птичьей стаи,
Огнем, свинцом и смертью крещена,–
Над колыбелью в памяти листаю
Твои страницы, горькая война!

И я целую мальчика украдкой,
Пришедшего к нам в грозах и огне.
И нежности своей стыжусь несладкой,
Несвойственной солдату на войне.

Пусть не моя в нем кровь – та, что тревожит
Сплетение полупрозрачных жил, –
Ту кровь, что завтра я пролью, быть может,
Ему сполна я завещать решил!

И речь веду я, на младенца глядя,
И странно как: он слушает меня.
Басит над зыбкой незнакомый дядя,
Плечистый конник, зыбку накренья!

Расти.
Толстей и крепни,
Шустр и звонок.
Ты, рыженький, ты, жизнь земли моей!
Пусть горестей не ведает ребенок,
Дитя войны, дитя суровых дней.
Будь в жизни справедливым, верным, точным,
Как пуля, что разит наверняка,
Будь в жизни негибаемым и прочным,
Прочней, чем сталь солдатского штыка!

К деревьям, к грушам, зноем опаленным,
Мы привязали лошадей своих.
А там, вдали, за блеклым небосклоном,
Жестокий бой доселе не утих.

1943

Ночью в окопе

Лежим. Не пропадем авось.
Темно на белом свете.
Пронизывает нас насквозь
Весенний черный ветер.

А обувь – мокрая. Она
Дрожь вызывает в теле.
Как лед, винтовка холодна,
Аж руки онемели.

Лежат солдаты на войне,
Их снег с водою топит.
Они не в дыме, не в огне –
Они в степи, в окопе.

А все огни со всей земли
Как будто ветры сдули,
И лишь трассируют вдали
Шальные чьи-то пули.

Солдаты тихо говорят
О новостях из дому,
И от души один солдат
Сочувствует другому.

Невесел, короток рассказ
Солдата пожилого:
«Моя-то пишет, что у нас
Порожня корова...»

А молодой солдат сказал —
И у него забота:
«Темно, а то бы показал
Своей невесты фото».

Мечты о доме, словно сны,
Витают, согревая,
И на мгновение нет войны,
А только жизнь простая...

1943

Любовь Лёля Шапиро

Был весь пехотный батальон
Пленен веселой Лёлею;
Ее улыбку, слово, взор
Любой считал за честь.
Но Лёля всем была сестрой,
Не меньше,
Но не более,
Чтобы кого-то одного
Другому предпочесть.

И даже храбрый капитан,
Во всех боях прославленный,—
Подумать!— сам отважный Дрозд
Ей сердца не задел.
А наш пехотный батальон
Все видел, все улавливал;
У батальона много глаз,
И каждый глаз — глядел.

«Как видно, сердце у нее
Не женское — железное»,—
Говаривали с горечью
Ребята меж собой.
И вдруг открылось тайное,
Узналось неизвестное,
Когда настал решающий
И небывалый бой.

...Порвали воздух на куски
Германские орудия.
Тяжеловесный гром пальбы
Окрестности потряс.
И, встав рядами ровными,
Смертельно-хладнокровными,
Психической атакою
Враги пошли на нас.

– Ждать приближенья! –
Крикнул Дрозд.
На расстоянье близкое,
На двести метров подпустил
Врага. И подал знак.
Утратив первые ряды,
Осела рать фашистская,
Но шла и шла,
Не убыстрив
И не замедлив шаг.

Осколком в руку ранило
Парнишку-пулеметчика.
У пулемета вырос Дрозд;
Плеща огнем,
Взахлеб
Самозабвенно застрочил,
Но не закончил росчерка.
И с пулей в сердце молодом
Спиною сполз в окоп.

И неожиданно для всех
На бруствер Лёля взобралась.

Вперед толкая пулемет,
Она кричала:– Эй!
Давайте Гитлера сюда!
Вы!.. Гады!

...Свет пропал из глаз –
И, без команды, на врага
Мы бросились за ней.
Мы врукопашную дрались,
Мы брали мертвой хваткою.
И вот когда разбили мы
Их всех до одного, –
Над капитаном плакала
Она вдовой-солдаткою
И целовала голову
Холодную его.

И причитала горестно:
– О милый мой!
Прекрасный мой!
Зачем я буду жить теперь?

...А батальон молчал.
Он, вытирая капли слез,
Глядел
На запад пасмурный...
...Никто ей плакать
Не мешал.
Никто не утешал.

Высота

Николаю Санджиеву

Взять высоту был дан приказ.
Враги сдержать пытались нас.
За кукурузными стеблями
Мы залегли. Вперед я звал,
Но с пульей в легком наземь пал.
Под Сарпами то было с нами.

Сознание на короткий срок
Вернул мне свежий ветерок,
И я подумал: «Вероятно,
Истекши кровью, здесь, в бою,
Я и закончу жизнь свою...
О, как бы кровь втолкнуть обратно!»

Уже с жужжанием вокруг
Носился рой зеленых мух,—
Они на кровь мою садились...
И понял я, что смерть близка,
Когда земля и облака
В огонь, казалось, превратились!

Мне в рот холодная вода
Лилась, и я не знал, куда
Тянуться помертвевшим взглядом!
Не проронив ни капли, скуп,

Облизывал я корку губ;
И вдруг, в стеблях, со мною рядом,
В тугом венце сплетенных кос
Увидел девушку. Принес
Мне силу взор ее красивый:
Строга, доверчива, нежна,
Вдруг показалась мне она
Весь мир спасающей Россией!

1945

Зов родного края

Скакун, пленивший взгляд и душу,
Копытом роющий песок,
И неожиданно подувший
Весенний, теплый ветерок,
И звезды, что в степи небесной
Пасутся, как стада овец,
И песня девушки прелестной,
И с книгой худенький юнец,
И облаков ленивых глыбы,
И тени прошлого во сне
Напоминают, где б я ни был,
Мне о родимой стороне.
И, солнце взглядом провожая
За кромку черную лесов,
Я слышу зов родного края,
Могучий, беспредельный зов.

1950

* * *

Жду тебя...

Жгучий ветер, протяжно трубя,
Обжигает лицо...

Жду тебя...

Снег поземкой шуршит, под ногами скрипя...

Жду тебя... Жду тебя... Жду тебя...

Жду тебя...

А мороз, белым просом слепя,
На ресницах застыл...

Жду тебя...

И бросает меня не от холода в дрожь,

А от мысли, что ты не придешь!

1950

* * *

Печь пожарче разожги,
Если телом ты продрог;
Если сердцем – то избеги
К ненаглядной на порог.

1951

* * *

Ты счастье мне пророчишь взглядом,
Не подтверждая взгляд словами.
Нередко ты со мною рядом,
Но будто пропасть между нами.

А через пропасти громадность,
Через молчанье, через холод
От сердца к сердцу грусть и радость
Дугою огненной восходят.

1951

Солнце

Небеса, земные дали
Заслонял туман три дня.
Сосны ветки опускали,
Молчаливо грусть храня.

И росы дрожала россыпь
На травинках и на мху.
И мерещилось, что просто
Кто-то плачет наверху.

Вдруг ручьем золотоносным
Свет полился из-за туч.
Запуршали разом сосны,
Хором славя солнца луч.

Шелестит зеленой песней
Низкий берег луговой,
А за лесом свод небесный
Обнимается с землей.

Мигом мир преобразило
Буйство солнечных лучей...
Так любовь волшебной силой
Изменяет жизнь людей.

1952

* * *

Аллочке

Разве могут жить поэты,
Сердца словом не касаясь?
Разве могут быть запреты
Для таких, как вы, красавиц?

Всюду слышно, что, пожалуй,
Вы всех девушек прелестней.
Популярности немалой
И мои достигли песни.

Женихом я признан всеми, —
Верить я боюсь, признаться...
Говорят, что наши семьи
Меж собой уже роднятся...

Только я при встречах с вами
Молчалив бываю часто, —
Я боюсь спугнуть словами
Зародившееся счастье...

1953

* * *

Ты в глаза мне, как в зеркало, долго смотрела,
Наслаждаясь своей красотой.

«Не уйдет он, – подумала гордо и смело, –
Уж теперь-то, конечно, он мой!»

Но, могучие чары свои расточая,
Позабыла ты скрыть торжество...

Некрасивые мысли, моя дорогая,
Недостойны лица твоего.

1954

Рождение любви

Юная студентка из Москвы
Радовалась вальсам и фокстротам,
В перерывах – шелесту листвы
И смеялась весело острогам...
Полонез Огинского звучал,
И, стараясь обрести уменье,
Я прилежно взглядом изучал
Полонеза хитрые движенья.
В это время подошел мой друг,
Как весна, совсем еще зеленый.
Увидав мою соседку вдруг,
Он застыл на месте, изумленный.
В тот момент – ручаться я готов –
Двух шагов пройти он был не в силах.
Наконец смущенье поборов,
Девушку на танец пригласил он.
Тут и собеседница моя
Мигом растеряла свою смелость.
И, смятения не утая,
Словно маков цвет, она зарделась.
Дрогнули излучины бровей –
Черные, как мрак полночный, крылья,
Длинные ресницы поскорей
Слишком яркий блеск очей прикрыли.
И, боясь спугнуть прекрасный миг,
Драгоценный миг рожденья чувства,
Я к окну внимательно приник.

Вечер за окном. Темно и пусто.
А из сокровеннейших глубин
Ключ воспоминаний вдруг ударил.
Ведь и сам когда-то я любил
И судьбе за это благодарен.

1955

**ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ,
НАПИСАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

*Посвящены жене моей –
Алле Григорьевне Кугультиновой*

* * *

Нет, нет! Я вовсе не жалею
Покой безрадостной тиши,
В опале грустно тяжелея
Безмолвно страждущей души.

В потоке дней чужих, шумливых
Скажу я честно, не тая,
Незванно, робко и стыдливо,
Как будто жил и не жил я.

Но в дреме тягостной, бесстрастной,
Свернувшись в яростный комок,
Вольна, нелжива и всевластна,
Любовь сыскала уголок.

Чужда насилья и притворства,
Она, прекрасна и светла,
С присущим только ей упорством,
Томясь, тебя одну ждала.

Так под корой земли морозной
Весенний цвет в былинках спит,
Но день грядет, и сказкой звездной,
Встряхнув, он душу оживит.

* * *

Гармонию мелодий без звучаний,
Неведомых стихов приветный шум,
Я в тихий край страны своих мечтаний,
Как дар от вас, с собою приношу.

И тихий край, увенчанный цветами,
Который раньше грустно сиротел,
В лучистых звуках, полных только вами,
Во мне, ликуя, радостно запел.

И я забыл про все, про все на свете,
Мне стала жизнь желанна и легка.
Как будто так я много жил столетий
И буду жить я так еще века.

* * *

Улыбкой ласковой привет
Зачем вы часто мне дарите?
Велит ли так вам этикет
Иль песни чувствует наитье?

О, если б мог я чуть раскрыть
Мечтаний ваших ход незримый,
Постичь значенье той тоски,
Что взгляд метнет как будто мимо;

Уверен если б был я в том,
Что вами буду не покинут,
Когда несдержанным огнем,
Горя, слова нежданно хлынут,

Тогда бы все я вам сказал.
«Люблю!» – сказал бы я тревожно...
...Мечте я нынче волю дал,
И невозможное – возможно.

На день рождения

Когда в ликующем апреле
Тебя для жизни мир позвал, –
К нам птицы с юга прилетели,
Зеленый шум в лучах играл.

Тогда все юностью дышало,
Дни были будущим полны.
Ты солнце в кровь свою вбирала
По праву дочери весны.

Чтобы потом, сквозь четверть века,
Его с собою принести
В суровый край ночи и снега
И тем любовь мою спасти.

Лето в Норильске

Третьи сутки всерьез припекает,
Все живое кругом веселя.
Третьи сутки теплынь здесь такая,
Что уже зеленеет земля.

И весна здесь, и лето, и осень
Умещаются месяца в два.
Круглосуточно нежную просинь
Пьют деревья, зверье и трава.

И заметно глазам, как тучнеет
Весь пушной и пернатый народ,
Как становится зелень сочнее, —
Здесь сгущенное время течет.

1955

Непогода

Пурга, пурга!
Всю ночь, давась от злобы,
Хвостами ста песцов мела пурга,
Сметая в воздреватые сугробы
Пронзительно холодные снега.

Автобусы, ходившие к заводам,
Уже ничем нам не могли помочь,
Рожденная полярным небосводом,
Пурга мела, пурга мела всю ночь.

Но, черной лентой путь обозначая,
Сквозь этот белый яростный предел,
Пешком шли на работу норильчане,
И транспортером их поток гудел.

Одолевая вьюжные стихии,
Мы шли к созвездьям заводских огней,
И вновь я понял, что сердца людские
Моторов огнедышащих сильнее!

1955

Голос Москвы

Чтоб у нас могли сердца расцвести,
Как голубка, радостно и смело,
Из Москвы живительная весть
По домам калмыцким полетела.

Были эти русские слова
Точно взяты из волшебной сказки:
«Вечером передает Москва
Музыку калмыков, песни, пляски...»

В комнату Чимде толпа влилась:
Собрались заранее калмыки.
Был приемника зеленый глаз
В этот час для нас как мир великий.

На почетном месте старики,
Семь прожившие десятилетий,
Дальше – девушки и пареньки,
А за ними, между ними – дети.

Те, что родились, росли вдали
От степей, где травы жизнью дышат,
Те, что музыку родной земли
В первый раз по радио услышат...

Что это? Как малый мальчуган,
Рукоплещет старец поседелый.

Это ведь Лиджиева Улан
Песню по-старинному запела!

Это лебедь в озере грустит,
Это ветер мчится в летнем зное,
Таволжник листьями шелестит,
Польхает марево степное.

Это степь волнуется весной,
Буйными тюльпанами покрыта,
Стадо возвращается домой,
И стучат тяжелые копыта.

Отчий край, чьи дали широки,
К тесному приблизился жилищу,
Плачут все: старухи, старики,
Плачу я, как будто лук я чищу.

Не стыдимся мы счастливых слез:
Через реки, города, станицы
Силу жизни нам эфир принес.
Он калмыков имя произнес,
Голос, прозвучавший из столицы.

1956

Поэт

Когда в твоей груди, ища созвучия,
Бушует чувство, как волна, бурля,
Когда в словах мятется мысль кипучая,
Твои сухие губы шевеля;

И всей душою, музыкою взвихренной,
Ты ощущаешь вдохновенный жар,
И гений жизни с щедростью несслыханной
Тебе приносит новый образ в дар;

Когда с неистовым ты ищешь рвением
То вещество, что может запылать,
И дума стать готова откровением,
Чтоб радовать людей и волновать, —

Тогда бумагу, жаждущую истины,
Ты напои, ты жизнь в нее вдохни,
Найди эпитет и глагол единственный
И строки напряженные замкни.

1956

Лицо старого друга

Лиджи Инджев

Лоб твой в морщинах глубоких,
В бороздах прожитых лет...
Это суровые строки,
Клинопись бед и побед.

Парю резких морщинок
Скорь возле рта залегла...
Думаю: что за причина,
Что за тоска их прожгла?

Рядом морщинка другая...
Все в них прочесть я хочу.
Память свою напрягая,
В дальние дали лечу.

Детство... Игра в мушкетеров,
Юность... В ней Пушкин живет...
Но затянуло нас скоро
В грозный круговорот...

В сердце у каждого клятва
Родине мир принести.
Многих кровавая жатва
Так и скосила в пути...

Жизнь, словно скульптор, касалась
Сталью лица твоего.
Горе утрат, мне казалось,
Избороздило его.

Вместо веселого блеска
Мудростью светится взгляд.
В слове спокойном и веском
Мысли большие сквозят.

Чувствую я уваженье
К каждой морщинке твоей.
Трудный твой путь – отраженье
Родины трудных путей.

1956

Награда

Есть Правда мудрая, седая.
Через насилие она
Проходит, облик не меняя,
Самой себе всегда верна.

Она доказывает: «Честно,
Мой друг, ты прожил жизнь свою,
А ложь и ловкость, как известно,
Я, истина, не признаю!

Незрима пусть моя награда,
Но право получают с ней
Спокойным и открытым взглядом
Всегда смотреть в глаза людей».

1956

Рассвет на Ай-Петри

Я по горным поднялся ступеням,
Весь я переполнен изумленьем.

В плотную всмотреться синеву
Разумом, и сердцем, и глазами
Я пытаюсь:

всеми чудесами

Мир прихлынул к взору моему!
Дремлет чистый сиротливый воздух,
Спят орлы в своих могучих гнездах,
Вскормленные горной крутизной.
Слишком утомил их труд дневной.
И на круче дымчатую тенью,
Силуэтами – семья оленья.
Солнца ждут трепещущие лавры
И угрюмых гор ихтиозавры,
Пьющие морскую синеву.
И любой песчинкой желтый берег
Солнца ждет со мной – и верит, верит,
Что увидит скоро наяву!
Предо мной спокойная стихия,
Волны помрачневшие морские,
Пробуждаясь, просветлели вдруг,
Небеса переменялись тоже,
Ясным светом сумрак растревожа, –
Сразу просветлело все вокруг!
Солнце расцвело, зарделись горы,

Вспыхнули небесные просторы,
Маревом раскинулась вода;
Небо поначалу пожелтело,
А потом лазурь заголубела;
Взмыли чайки – и бог весть куда
Шумно полетели птичьи стаи,
Крыльями веселыми блистая;
Ветром нарастающим колеблем,
Небо подпирая алым гребнем,
Озаря водную пыльцу,
Встал рассвет...

 День по планетной шири
Запахал во всем безбрежном мире,
И приникла к моему лицу
Вечность солнца, свет его нетленный,
Свет неумирающих светил, –
Крохотной частицею вселенной
Я себя над морем ощутил!

1956

* * *

По озеру в камышах
С девушкой в лодке скользя,
Ты будешь сидеть не дыша,
Внушая себе: «Нельзя...»

Но вдруг сорвется: «Люблю...»
И станешь от счастья пьян,
И лодочке-кораблю
Откроется океан.

Но, может быть, день-деньской
Любовь будет мучить тебя,
То изводя тоской,
То ревностью беребя.

То мир и светел и тих,
То тьма навалится вдруг...
Но ты мучений своих
Не проклинай, мой друг.

Поверь, пролетят года,
И ляжет морщинам след, —
И станут счастьем тогда
Мучения юных лет.

1956

В оружейной палате

В стране чудес, людского счастья ради,
До наступленья радостных времен
Служивший человеческой отраде,
Великий мастер был на свет рожден.
Чтоб радость заблестала перед нами,
Чтоб мы в ней обрели источник сил,
Он с неба свел живого солнца пламя,
Его лучи сгустил, соединил.
Красу земных сокровищ обнаружив,
Для волшебства кудесник был готов:
Посуды блеск и грозный лоск оружия —
Явился людям дар немых хребтов!
Из мрака огненные камни вынув,
Гранил их мастер ночью при луне,
И красота таинственных рубинов
Напоминает о земном огне;
Уже плывут из векового праха
Рубин, смарагд, мерцающий светло,
Сверкающая шапка Мономаха,
Блистающее золотом седло!

1956

Точная трасса

Я вижу карту. Предо мной открыты
Хребты, и горы, и моря великие.
Отсюда, где белеет Ледовитый,
Я мысленно лечу к степям Калмыкии.

Простор земли яснее понемногу,
День явственней за дымкою туманною,
И счастлив я обдумывать дорогу,
Такую длинную и долгожданную.

Мой путь через Москву по карте мчится.
Задумчиво, как на мечту извечную,
Гляжу на твой кружок, моя столица,
На красную звезду пятиконечную.

И взор мой трассу точную находит
К родному краю, заново цветущему,
И верю я: через Москву проходит
Дорога человечества к грядущему.

1957

Возвращение Ботяна на родную землю

Ботяну за семьдесят лет.
Со своей семьей он в машине,
И вот за Цоросами вслед
Поселки бегут по равнине.

От родины он не отвык.
Домишки привычно дымки разостлали.
Растроганный, смотрит старик
В родные широкие дали.

Он старую песню поет
Над снова увиденным краем:
«Мы красное знамя свое
До синих небес поднимаем!»

Старик на подростка похож,
И юность ему все роднее,
И с песней живет молодежь,
С «Широкой страной моею».

То ль праздник, то ль свадьба в селе...
Калмыка на пир приглашают.
То вновь на родимой земле
Родственники встречают.

Покинув автомобиль,
В сторонку Ботян подается,
Смывает дорожную пыль
Старик у родного колодца.

Живая вода наяву!
Подставил он голову струям,
Он нежно погладил траву,
Он землю накрыл поцелуем.

Все семьдесят лет перед ним
Встают, и до слез он растроган –
Далекого прошлого дым
Поднимается понемногу.

А в небе летят журавли,
Курлычут в полете на север...
Давно уж морозы прошли,
Мечтает земля о посеве.

Просторы родимой земли!
Что может быть ближе калмыку?
И синее небо вдали
Необходимо калмыку.

1957

В Библиотеке имени Ленина

1

В грандиозной библиотеке,
Колыбели всемирных знаний,
Я читал калмыцкие книги,
Пожелтевшие фолианты,
С любопытством листал газеты
Двадцатых годов и тридцатых.
Сохранили черные буквы
Обжигающий ветер века
И рассвет свободы калмыка.
Воскресают перед глазами
Молодые черты былого;
Слово Ленину благодарно,
Словно отклик степей широких,
Шлет наш славный Амур-Санан¹.
И ему говорит Учитель:
«Все калмыки будут свободны...»

2

Строгий облик времен минувших
И размах великих событий

¹ *Амур-Санан (1888–1939)* – выдающийся калмыцкий писатель и общественный деятель.

Сберегли нам старые книги –
Беззакатные очевидцы
Правоты и правды эпохи,
Чья восходит буйная поросль
И уходят под землю корни,
Открывают нам книг страницы
Молодое лицо Победы –
То преображение нищих
В исполинов непобедимых...

О сокровищница!
 Отсюда
Разбегаются золотые,
Искрометные волны света,
Озарившие мирозданье!

1957

Радость

Добрая весть из калмыцких степей –
Может быть, это причина?
Слезы весны на одежде моей –
Может быть, тоже причина?

Хлынула радость волной голубой –
Нет ей границы!
В уши ворвался шуршащий прибой
Желтой пшеницы.

Ветер как ветер. Весенним теплом
Капельку взвинчен.
Мне же симфония радости в нем
Слышится нынче.

Вот бы глотками огромными пить
Счастье, как воздух!
Хочется с неба снимать и дарить
Яркие звезды!

Добрые вести издалика –
Это, наверно, причина,
В первой весенней капели щека –
Тоже, наверно, причина.

1957

Время и желание

«Тик-так, тик-так...» – неумолимый звук,
Все кажется, что спрашивает кто-то:
«Скажи, что сделал ты сегодня, друг?»
«Тик-так, тик-так...» И списан день со счета.

И снова солнце белого коня
Ведет на смену черной кобылице.
И спрашивает время у меня:
«Не кончил ли ты начатой страницы?»

«Тик-так, тик-так...» Летит за годом год.
И звездны календарные дороги.
Делам людским – незримый счетовод –
Подводит время точные итоги.

Звучит «тик-так» порою как укор,
Уж лучше б стрелки превратились в шпоры.
Как мало совершил я до сих пор,
А предо мной задуманного – горы.

И если даже оборвется жизнь,
Не прекратится смена дня и ночи.
«Тик-так, тик-так...» Приятель, торопись!
«Тик-так, тик-так...» Стал отдых мой короче.

1957

В Ессентуках

В южной местности живописной
Три стакана подряд мой друг
Той воды тепловатой и кислой
Выпивает из девичьих рук.

Стоя рядом с красивой и стройной,
Глаз не сводит с девичьих глаз
И с медлительностью пристойной
Пьет глотками едва ли не час.

Начал друг уходить от недуга
Шаг за шагом и день за днем:
Зарумянились щеки у друга,
Загорелись здоровым огнем.

Почему бы науке лечебной
Не добраться до этих лучей,
До неведомой силы волшебной,
Что идет из девичьих очей?

1957

Солнце в Заполярье

Как-то в обеденный перерыв
Мир изменился вдруг.
«Солнце! Солнце!» – дверь отворив,
Мне закричал мой друг.

А телефон, что дремал в тишине,
Вдруг пробудился от сна.
«Солнце восходит!» – кричала мне
По телефону жена.

Бросив дела, восклицая: «Скорей!»,
По коридору толпой
Люди бежали к просвету дверей,
Звали друзей за собой.

Снег веселел, занимался, искрясь;
Быстро светлели дворы.
Солнце всходило не торопясь
Из-за вершины горы.

Словно малиновый месяц, огнем
Тучи раскрашивало.
Как без него мы во мраке живем,
Будто спрашивало.

Вечное счастье для всех и всего,
Данное всем и всему, –

Как я три месяца жил без него,
Право, и сам не пойму.

Солнце! Ты видишь? Мы вытерпели
Долгую, долгую тьму...
Солнце!.. И, словно на митинге, мы
Рукоплескали ему.

1957

* * *

Черное море, играя волной,
Сказку шепча, позабытую мной,
Глядя мне щеки незримой рукой,—
Кажется, нежно баюкает в зыбке.

Встали чинары толпой над холмом,
Каждая машет зеленым платком,
Словно я с ними давно был знаком, —
Кажется, в круг свой меня зазывают.

Щурясь, улегшись на круглых камнях,
В ласковых солнечных греюсь огнях,
Слыша таинственный голос в волнах, —
Кажется, что я забылся блаженно.

Будто нет прошлых и будущих лет,
Будто ни ночи, ни дня уже нет.
Будто бы слился со мною весь свет,
Будто и я существую извечно.

1957

* * *

Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог.
И русская старушка,
Помню,
Мне хлеба сунула кусок.

Затем тайком перекрестила
В моем кармане свой ломоть.
И быстро прочь засеменила,
Шепнув: «Спаси тебя господь!»

Хотелось мне, ее не зная,
Воскликнуть: «Бабушка родная!»
Хотелось петь, кричать «ура!»,
Рукой в кармане ощущая
Существование добра.

1957

Хадрис!¹

Ты извивайся, как змея! Хадрис!
Будь пламенем, будь вихрем и грозой!
Как ласточка, взвивайся и кружись,
Стань гибкою лозой!
Мчись, как тушканчик, не страшись игры
И догони мелодию домбры!

Есть, говорят, чудесная страна,
Край Бумбы² светлоликий,
Там, говорят, извечная весна,
Там счастливы калмыки.

Степным орлом взмой в небеса! Хадрис!
Промчись, как буря, к северу и югу,
Как мотылек, блеснув, перевернись
И вновь пройдишь по кругу.
Дрожи, как зыбь, вздымайся, как волна:
В тебя душа калмычки влюблена.

В степях калмыцких тучные стада,
Им нет конца и края.
Калмык живет для счастья, для труда,
Вновь силы набирая.

¹ *Хадрис!* – восклицание во время пляски.

² *Бумба* – сказочная страна из эпоса «Джангар».

Развейся пылью огненной! Хадрис!
Рассыпья дробью, выпрямись упруго,
Как наша юность, ярко повторишь,
Чтоб вспыхнула подруга.
Ты посмотри, народ стоит вокруг,
А ну-ка, покажи себя, мой друг.

В степях огни веселые горят,
Здесь радостные клики.
Родную партию благодарят
От всей души калмыки.

А ну быстрее, еще быстрее! Хадрис!
Кружись, дрожи, лети, сверкай очами,
На корточки присядь, и пробегись,
И поиграй плечами,
Из крепкой кожи сапоги разбей
И новые купи себе скорей!

1957

* * *

Приму ли ошибку за истину, –
Ну что ж! Свое заблуждение
Сейчас же исправить готов.

Беда ли нагрянет нежданная,
Я зубы сожму – и без жалобы,
Без стога готов умереть.

От двух только бед унеси меня,
От двух наказаний спаси меня,
От двух только, мать моя, Жизнь!

В минуты, для родины трудные,
Минуй меня труса название,
Бегущего зайцем в кусты.

Минуй меня звание черное
Безвинных губившего некогда
Презренного клеветника.

1957

* * *

Газет встревоженные строки
Почти как в прошлом, как тогда;
Нелживой памяти уроки,
Непозабываемые года.

Опять, как в дни сорокового,
Туманом заткан небосклон,
И дымный факел нынче снова
Над всей вселенной занесен!

Пусть сходство есть: мы видим сами,
Что правда правд сильнее свинца, —
Летают голуби над нами,
Как окрыленные сердца.

Земля прозрела и отвергла
Кровавых войн огонь и дым;
И виселицы Нюрнберга
Меж нами и сороковым.

1957

* * *

Как железные кабаны,
Разрывают снега бульдозеры,
Человеком приручены,
Превращают сугробы в озеро.
Оседлав клыкастых машин,
Норильчане,
 солнца помощники,
Снег сонливый растормошив,
Гонят звонкий поток под мостики.

1957

* * *

В аллее парковой не мог
Мой новый стих проснуться,
Как я не мог через песок
Сырой земли коснуться.

И образ мой не шел никак,
Как я, бродил на ощупь.
Но вот растаял гулкий мрак,
И вышел я на площадь.

Полна людей, светла, шумна,
Она заговорила.
Мне сотни образов она
Для песен подарила.

1957

Очищение

Вот, вот оно – о чем так много лет
Я тосковал!.. Самой судьбы расписка...
Отстучала бесстрастно машинистка
Здесь на бумаге: «Не виновен... Нет».

«Нет, не виновен!» ...И громада зла,
Подобная неизлечимой боли,
К которой притерпелся поневоле,
Вдруг поддалась, подтаяла, сползла
С души, хоть к ней, казалось, приросла...

Душа моя!.. Исполнились мечты,
Всё, всё, во что ты верить не устала...
Ужели не обрадуешься ты,
Как радоваться нам теперь пристало?!

Гляди: явилась праздничная весть!..
Что делать, если юная невеста
В пути успела захиреть, отцвесть,
Состарилась, пока дошла до места?..

Пускай она в морщинах, как земля,
И, съёжившись, бормочет что-то глухо,
Запавшими губами шевеля,
Всё ж улыбнуться силится старуха...

Но где же зубы – звезды-жемчуга?
Увы!.. Давно стубила их цинга!

Подернутые синевой и гарью,
Они, как звёзды чёрные, в снега
Скатились... Поглотила их пурга,
Пожрал огонь холодный Заполярья...

И потому я не пускаюсь в пляс
И шапкой оземь не хлещу в кураже,
Как те, кому амнистия сейчас
Так неожиданно простила кражи...

И потому, хоть благодарен я,
Но радость эта стоит мне усилий...
Припомнилась мне молодость моя.
Все десять лет... И вы, мои друзья,
Дождавшиеся правды лишь в могиле...

Баран

На вершине степного кургана
Я однажды увидел барана:
Он взбирался на склоны крутые,
Он полнеба собой заслонил
И рога золотые, витые,
Пыль вздымая, о землю точил.

Возвещал он всей тушей своей:
«Подойди, человек, погляди-ка,
Я один властелин и владыка –
Жизненосная сила степей!»

В этот миг закричал ему: «Двигай!» –
Подбежавший сердитый чабан.
Он взмахнул своей длинной герлыгой,
И в отару поплелся баран.

1957

На смерть друга

*Памяти Пишмана Азыдова,
командира роты разведчиков,
посвящаю*

Тот, кто мыслью мир обнимал,
Детства милого милый друг,
Добрый, внимательный мой Пишман
Умер.

Долго мучили раны его
Самою страшною из мук,
Долго в нем жили куски войны,
Жить не давая...

Умер.

Точно багровый, мохнатый паук,
Ползала боль по его крови,
Сердце нащупала, в жилы вцепилась
Хищными лапами...

Умер.

Гордое сердце, клокочущее,
Остановила, сказав:

«Не живи!»

Смелый,
Мечтательный мой
Пишман,
Юный такой,
Умер.

Да, были молоды мы, Пишман,
Во все на свете нам верилось,
Щедрые были у нас мечты,

Все у нас было щедро...
Год сорок первый упал меж нас,
Дунул – и все развеялось;
Судьбы,

года,

города,

мечты –

Стали добычей ветра.

Не стало тебя,

И я не смог

Поцеловать в последний раз

Высокий, белый твой лоб,

Пишман, –

Я был от тебя далеко.

Черных блестящих волос волну

Не смог погладить в последний раз;

Не смог твоих последних слов

Услышать: я был далеко.

Ты звал меня –

Я прийти не смог.

Над насыпью твоего холма

Не смог, прощаясь, заплакать я:

Я был от тебя

Далеко...

А сколько в мире таких могил,

Где спят

упованье,

счастье,

любовь!

А сколько в мире таких могил –

Далеко от нас,

Далеко...
Не слышал твоих я последних слов,
Но мир единый
Лепил наш мозг.
И знаю:
Не о себе был взлет
Твоей последней мысли.
Подобная плачу скрипки во сне
Или паденью звезды во тьме, —
О нас была эта мысль, Пишман,
Мы вздохом предсмертным были.
...И землю родную увидел ты,
Белые корпуса Элисты,
Нашу весну, и цветы, и листья,
И стадо за тучей пыли...
На затуманенные глаза
Степь опустила свои небеса.
В черном бешмете
Траурный ветер
Тронул волос извивы...
И вдруг, Пишман, ты увидел нас
И улыбнулся в последний раз...
Прощай, мой друг!
Ты в сердце у нас,
А мы, Пишман,
мы живы!

1957

Счастье

Упований людских не пада,
Окруженный гудящей Москвой,
Враг нацелился в сердце вождя
И нажал на крючок спусковой.
Выстрел грянул, но только сильней
Заалели знамена-огни:
Все народы России моей
Воедино сплотились в те дни.

Дай мне счастье такое, судьба,
Чтоб звенело оно, как литье;
Чтобы там, где пылает борьба,
Враг нацелился в сердце мое,
Чтобы хлынула жгучая кровь,
Растопила седые снега.
Заслужить бы мне друга любовь
И свинцовую пулю врага!

1957

День моего рождения

Метель уже не воет и не плачет,
И ясен свод над головою дня.
Тринадцатое марта – это значит,
Что день рожденья нынче у меня.

На лбу легли морщины, как на поле
Рядком ложатся борозды весной.
Мне тридцать пять исполнилось. Давно ли
Осталась где-то юность за спиной?

Давно ли, с ней в неравном поединке,
Победу одержавшие года
Оставить на висках моих сединки
Сумели без особого труда?

Не любит ждать продевший ногу в стремя,
И вот друзья со мною заодно,
Благословляя мчащееся время,
Спешат разлить веселое вино.

«Столетия желаем!» И со звоном
Ударили стаканами в стакан.
Мы пьем вино, а за стеклом оконным
Вздыхает Ледовитый океан.

А за столом, покашливая, просит
Опять к себе вниманья тамада,
Он тут йорел¹ калмыцкий произносит,
Торжественно звучащий, как всегда.

И родина мне счастья пожелала,
Всех сыновей собрав в одну семью,
«Живи»,— сказала. «Радуйся»,— сказала,
Погладив нежно голову мою.

1957

¹ *Йорел* – благое пожелание.

Труд

Слесарь занят своим верстаком,
Словно скрипкою мастер умелый:
Вот напильник запрыгал смычком,
Вот железо струной зазвенело!
Нужной вещью стал грубый металл,
Юный слесарь в глазах моих вырос –
В этом мастере я увидал
Молодого хозяина мира.
Сердце слушало музыки гром,
Отвечая биеньем чуть слышным...
Я себя в этот миг со стыдом
Наблюдателем чувствовал лишним.

С побелевшим от пыли лицом
Встал на мостик комбайнер усталый.
Он отдался труду целиком,
Крепко сжал рукоятку штурвала!
Он мазутом и солнцем пропах,
Вдаль глядел он, не зная покоя,
И казалось, держал он в руках
Непокорное счастье людское.
А колосья искрились кругом
Блеском солнца и золотом пышным...
Я себя в этот миг со стыдом
Наблюдателем чувствовал лишним.

А в калмыцкой степи как-то мне
Повстречался чабан – друг мой старей.

Он скакал на поджаром коне
И толково справлялся с отарой.
Засвистел он и тронул коня,
За отставшим погнавшись бараном,
И, смеясь, ускакал от меня
Этим утром безоблачно-ранним.
В необъятном просторе степном
Был хозяином друг мой давнишний...
Я себя в этот миг со стыдом
Наблюдателем чувствовал лишним.

Но когда за рабочим столом,
За мгновение мир облетая,
Я сижу над заветным стихом,
Стройность формы ему придавая;
Времена, незнакомые мне,
Приближая, читаю, как книгу,
И беседу веду в тишине
Со странною моей великой,
И вхожу по рассветной росе
В коммунизм, для земли непрременный, —
Я такой же работник, как все,
Я такой же хозяин вселенной!

1958

Желание

Если бы владел я силой небывалой,
Я один бы глыбы подымал, пожалуй,
Я возвел бы зданья сам в краях родных,
Дорогих сограждан поселил бы в них!

Если б я родился ливнем светлоликим,
Я б водой весенней двинулся к калмыкам,
Напоил бы землю влагою живой,
Чтобы степь шумела пышною травой!

И, стремясь душою к заповедной цели,
Я б хотел, чтоб степи овцами пестрели,
Чтобы степь сияла снежностью руна,
Чтоб тепло оделась вся моя страна!

Знаю, что желаньем радостным, горячим
Весь мой край калмыцкий в эти дни охвачен,
Знаю, что народ мой в милой стороне
Все исполнит скоро, что мечталось мне.

1958

Золотая земная звезда

Все века в нем себя отразили,
Окрыляя людскую мечту,
Из пределов счастливой России
Устремили его в высоту...

На заре человечества ранней
Были звезды обожествлены,
Сколько жарких людских упований
К ним вздымались, тревоги полны!

Но светила сияли, не зная,
Что, свершая волшебный полет,
Спутник, звездочка наша земная,
Отберет у них прежний почет...

Эпопеей, сказаньем, былиной,
Воплощенной мечтой наяву
Спутник, взмыв над зеленой долиной,
В ледяную плывет синеву.

Все желанья исполнятся скоро!
Потому и взлетела туда,
Словно искорка нашего взора,
Золотая земная звезда!

1958

Аршан-Зельмен¹

С. Липкину

Горячая степь подступает к машине.
Мотор перегрелся, с жарою нет сладу,
Орел – словно точка в распахнутой сини:
Наверное, там отыскал он прохладу.

И пот из-под шляпы соломенной льется
За ворот рубахи моей. А покуда
В пути начинаю мечтать о колодцах, –
Ужели их влаги не хватит для чуда?

На месте барханов желтела бы нива,
И, ветви раскинув вдоль пыльной дороги,
Шепталось бы с ветром зеленое диво
О каждом проезжем, как будто о боге.

Чабан не ругал бы светило дневное.
Герлыгу к стволу прислонив для порядка,
Под деревом пышным, укрывшись от зноя,
Как дома, он мог пообедать бы сладко.

На гребень кургана въезжает машина,
Гляжу я: что это – мираж или чудо?
Сады предо мною, вода и плотина,
И даже прохладою веет оттуда.

¹ *Аршан-Зельмен* – название местности.

Смеется попутчик: «Подъехали к раю!»
Такого в степи не бывало от века.
И я в изумленье глаза протираю
Пред этим творением рук человека!

Отара брела по долине лениво,
И чайки над юной водою кричали...
Холодным арбузом, под листьями ивы,
Нас в этом раю чабаны угощали.

1958

Бахчисарай

...и друг степей калмык.

А. С. Пушкин

Передо мной земля Бахчисарая.
Навек застыли мраморные львы.
Спасть от солнца знойного желая,
Сажусь я под навес густой листвы.

Куда от чувства деться мне живого,
Но странного: мне кажется сейчас,
Что я здесь был, сюда пришел я снова,
Хотя я знаю – здесь я в первый раз.

Не чудо ли, что вспомнить я желаю
Все то, чего не видел никогда,
И все же многое припоминаю,
Как собственные детские года.

Припоминаю: вот на той полянке
Сидел он, Пушкин, и писал о ней,
О грустной полонянке, о славянке,
Которой ненавистен был Гирей.

Чтоб соприродные душе морские
Услышать бури, он скакал в Гурзуф,
И волны, как грядущее России,
Текли к нему, пространство распахнув.

А вечером, в кругу друзей пируя,
Он сам шумел, как моря пенный вал,
И, пламя слов сверкающих даруя,
Столетиям песни дивные слагал.

1958

Орден Босхомджи

Горенье дней, бессонный бег ночей,
Мороз, метель, промозглые дожди –
Все превозмог работою своей,
Все победил Лиджиев Босхомджи.
И вот овец породистых число
В его руках так быстро возросло,
Что от овец на пастбище бело, –
И орден получает Босхомджи.
На встречу с награжденным на вокзал,
Как бы на свадьбу, прибыл весь совхоз.
...Когда к платформе поезд подбежал, –
С народным шумом слился шум колес.
Шумел всех громче дядя Босхомджи –
На радостях подвыпивший Дорджи.
Племянником гордясь от всей души,
Шумел Дорджи шумнее всех колес.
«Племянник мой прилежен с малых лет,
У нас в роду совсем лентяев нет.
Ни для кого, надеюсь, не секрет,
Что весь в родню удался Босхомджи?» –
Подмигивая, говорил Дорджи.
Улыбки скрыв, мы слушали гурьбой,
О чем пастух судачит пожилой,
До той поры, покуда на перрон
Из поезда не вышел наш герой.
Он отвечал на сотни жарких слов
И сотни рук ответно пожимал.

Слепящие снопы степных цветов
От девушек смущенно принимал.
И всем казалось, что не только он,
А весь совхоз сегодня награжден.

1958

Мысль

Травы, увядая, оставляют
Семена для будущих ростков;
Люди, умирая, оставляют
Знания для будущих веков.

Скапливаясь, плотность обретая,
Мысль растет от света и тепла.
И стремится к солнцу, возвращая
Солнцу все, что у него взяла.

Только там,
Где тьма лежит сырая,
Гибнет Мысль,
Сама себя сжирая.

1958

Шпага Городовикова

Вы генерала помните Оку?
Из-под усищ не видно подбородка...
Скуластый, смуглый... Сабля на боку,
Стремительная, легкая походка...
А постарел – стал тяжелее шаг,
По скулам рябь морщинок побежала...

И до сих пор стоит в моих ушах
Чуть хрипловатый голос генерала!

Он говорил. И – словно тишина
Раздвинулась! А меж московских зданий
Зазвякали внезапно стремяна!
И конница его воспоминаний
Нахлынула на нас!.. И генерал
Взглянул помолодевшими глазами,
Как будто вдруг он время занузда,
И, повернув, на полуслове замер.
Потом поднялся медленно и к нам
Вернулся с тростью тоненькой и гибкой.
Она была, как в вязи монограмм,
Вся в серебре.

И, как факир, с улыбкой,
Запрыгавшей в прищуренных глазах,
Как будто нам оказывая милость,
Он шпагу выхватил и сделал взмах,
И – взвизгнула она
и распрямилась!
Из трости – шпагу!.. Голубой металл!..

В испанском городе Толедо кто-то
Ее из лучшей стали отковал,
И стала красотой его работа.
Он не жалел, тот мастер, мастерства.
Он внес в нее весь опыт поколений,
Ликующую жажду естества
И пылкий свой художнический гений.
Он солнце ей нанес на острие
И молнию запрятал в глубь металла,
Чтоб только самый храбрый взял ее,
Чтоб только правдолюбцу силой стала!

И вот она – в руках Оки!.. Гляжу
На чистоту ее, на блеск наряда,
На надпись: «Делу правому служу!»
И думаю:

«Да, торжествует правда!»

Желанье мастера других веков
Исполнилось, пройдя времен преграды, –
Сжимает шпагу

Городовиков!..

Бессмертен тот, кто служит делу правды!

1959

Новая весна

Песня калмыцкая, травка степная,
Ах, до чего же твой праздник хорош!
К солнцу высокие стебли вздымая,
Снова ты воду нещедрую пьешь.

Ножки-травинки, как ножки овечек,
Так и бегут и мелькают вдаль.
Первый цветок, словно первый разведчик,
Жадно глядит на кипенье земли.

Жаворонок, молодой небожитель,
Сматривает на степь, от весны захмелев,
Для облаков, словно мудрый сказитель,
Складывает простодушный напев.

Стадо лежит в стороне от дороги, —
Столько овец не увидишь нигде!
Старая, как ветеран одноногий,
Цапля склонилась к озерной воде.

Быстро машины бегут грузовые, —
Сколько везут драгоценных даров!
Их не боятся орлы кочевые,
Смотрят на них с телеграфных столбов.

Этой весенней волшебной порою
Снова, как прежде, душа молода.

Вот провода зазвенели домброю, —
Песню Москвы мне поют провода.

О, как пристрастен я к этим картинам
Жизни родной и степной новизны!
В сердце сливаются с гимном партийным
Песни природы, рабочей весны.

Путь мой степной! Словно жизнь, ты бескраен.
Травка, дорогу ты мне уступи!
Вот я, всех будущих весен хозяин,
Властно иду по калмыцкой степи.

1959

* * *

На прошлое, на то, что позади,
Мы смотрим странно отрешенным взглядом,
Мы говорим грядущему:

– Приди!

Поторопись и стань со мною рядом!

Но есть «сегодня». Нам оно дано –
Между «вчера» и «завтра» путь открытый –
Нерасторжимой вечности звено,
Оно из наших с вами жизнью слито.

1959

* * *

Когда иссякнут сил моих остатки,
И вопреки рассудку,

вдруг,

Как конь, чей повод в вихре скачки
Наездник выронил из рук,
Любовь моя к тебе рванется,
И речь
Из родников мечты
Освобожденная польется, –
Не испугаешься ли ты?

Как прежде ли, не избегая,
Ты будешь другом звать меня?
Как прежде ль, в тайны, дорогая,
Ты будешь посвящать меня?

И с детской радостью такую
В глаза доверчиво смотреть
И руку маленькой рукою
Мне пожимать в минуты встреч?

...Не надо! Больше не могу!

Мне больно!

Прикованный к доверью твоему,
Кляня другого, делаюсь невольню
Сообщником твоей любви к нему,
И – как без слез порою плачут –
Ревную я
Без права и без слов...

Прошу тебя:
С ним обо мне,
А не о нем со мною
Ты говори, любя иль не любя.
Не мать и не подруга я.
Иные
Ты мне слова и мысли приготовь,
И не вверяй мне
Тайн своих отныне,
И дружбой
Не карай мою любовь.

1959

* * *

Весной ли зовется это,
Если в сердце вдруг столько света?
Судьбой ли это зовется,
Если сердце тревожно бьется?
Счастьем это ли назову,
Если грезятся наяву
Два полуночно-черных глаза –
Искрометные два алмаза?
Если лучшие строчки в стих
Нахожу я в глубинах их?
Если, радуя и маня,
Окрыляют они меня,
Если только они одни
Наполняют весельем дни?

Как же, как же зовется это,
Если сердца так гулок бой,
Если столько тепла и света,
Если мне хорошо с тобой...
В гуле сердца слова ответа:
«Пусть зовется твоей судьбой!..»

1959

* * *

Схватит искру ветер, дик и яр, —
Разгорится яростный пожар.
Пламени бушующего свет
Озарит потемки чьих-то бед.

Бросит искру милой взгляд. И, яр,
В сердце разгорается пожар.
Пламени негаснущего свет
Озарит пути счастливых лет!

1959

* * *

Небо синее внезапно почернело,
Надо мной ударил гром.
Вижу: молния, исполненная гнева,
Хлещет огненным ремнем.

Но опять блеснуло солнце надо мною,
Снова тихо в небесах...
Прав поэт, который небо голубое
Подсмотрел в твоих глазах.

1959

* * *

Размышленьями полон пустыми,
На своем я упорно стою.
Позабыть навсегда твоё имя
Я себе обещаю даю.

Пусть не будет обид без расплаты, –
Я твержу, все в уме перебрал:
Не права, не права, не права ты;
Это я сокрушающе прав!

Слабость, сила... Где грань между ними?
Ты найдешь у меня из ума.
А рука твоё милое имя
На бумаге выводит сама.

1959

* * *

Фанерными щитами прикрываясь,
Оружьем деревянным потрясая,
То отступая, то вперед бросаясь,
В войну играет детвора босая.

Я книгу отложил. Хочу взглядеться
Через окно в перипетии боя.
И незаметно погружаюсь в детство,
В далекое, далекое бывшее.

Минули годы. Годы. Скоро сорок.
Гляжу на детство, грустный и счастливый.
И вспоминаю сверстников веселых:
О, если бы они остались живы!

Гораздо больше было бы, наверно,
Детей играющих на свете...

1959

* * *

Прочел я вашу книгу. Не скрывая,
Скажу правдиво, лестью не греша:
Как в зеркале волшебном, в ней живая
Отражена писателя душа!

1959

Зной

Пот по щекам потек,
Зной забирает круто,
И носовой платок
Влажнеет за минуту.

Как дышит тяжело
Сухая степь на зное!
Нам лица обожгло
Дыхание степное.

И солнце в этот час
Над головой застыло:
Испытывает нас
Небесное светило.

И тонкий звон цикад
Как бы пощады просит,
И этот жаркий ад
Степь молча переносит.

Зверьки округи всей
Спят под землей незримы,
А выводки гусей
Одышкой томимы.

Мчат из конца в конец
Машины в тучах пыли.

И чабаны овец
Водю напоили.

Отсюда слышен мне
Комбайнов рокот слитный.
Здесь солнце на стене
Мерцает глинобитной.

И, зною вопреки,
Усталости не зная,
Здесь косят степняки –
Душа и плоть земная.

1960

Скончался мой друг

Скончался мой друг. Но лишь тело
Исчезло, как рябь на воде,
Лишь куртка его опустела,
Обвиснув на ржавом гвозде.

Лишь речи затихли, хоть мало
Тревожили воздух они.
Земля же просторнее стала
Всего только на две ступни.

Но как велико его место
Во мне! Это знаю лишь я.
Как сердцу безвыходно тесно,
Как сдавлена память моя!

1960

Шторм на море

Внезапно ветер дунул с моря.
Вздохнул... И сделалось темно.
И тут услышал санаторий:
«Купание запрещено»,

«На море – шторм!», «На море – буря!...».
В дни юности

соленый шквал

Я видел только на гравюре...
Но как же я о нем мечтал!

По горьковской бессмертной песне
Мне буря представлялась так:
Над морем реет буревестник,
Как черной молнии зигзаг...

Взглянуть на это чудо въяве
Могу я наконец теперь...
Нет, быть под крышей я не вправе!..
И я скользнул тихонько в дверь...

Я к морю шел...

Навстречу несся

Свирепый и победный рев.
Казалось, у камней утеса
Грызут друг друга сотни львов.

На побережьи – безлюдье
И рев... Но он теперь – знаком.
Я слышу явственно:

орудья

Палят на берегу морском.

Залп... Снова залп... И пены заметь.
Вода взмывает ввысь, пыля...
– Ты вспомнил?– подсказала память.
– Но там взмывала ввысь земля...

А память все зовет куда-то
И душу раздвигает вширь...
Я вижу: движется косматый –
В тяжелых латах – богатырь.

За камнем подымает камень...
Склонился над пучиной вод,
Гороподобными руками
Он море за ворот берет...

Кто он?.. Из эпоса? Иль, может,
Из сказки пушкинской пришел?
А море бьется, море гложет
Свой пояс – каменный свой мол.

И выгибается от злобы,
Пытаясь разломать гранит...
Когда б излить оно могло бы
Ту силу, что его теснит?!

Все потонуло в клубах пара...
Но там, где брезжит окоем,
Там белорунная отара
Мелькает, ринулась бегом...

Как бы спасаясь от погони,
Бараны мчатся напрямик.
Нет, это не бараны – кони!
И каждый сказочно велик.

Несутся кони вскачь, ретиво.
Сломали колья городьбы...
Конь исполинский, белогривый
Прорвался... Взвился на дыбы.

И рухнул. Подбегаю ближе...
Но где он? Больше нет коня –
Собачки беленькие лизут,
Ласкаясь, ноги у меня...

Я наклоняюсь к пенным водам,
Но вновь растет, гремя, накат.
А в воздухе так пахнет йодом!..
Я буре, как мальчишка, рад,

Хоть галькой исхлестало больно,
Хоть все на мне мокро насквозь...
...Но шторм смолкает недовольно.
Притихло море. Улеглось.

И словно задремало, лежа.
Чуть-чуть вскипает на краю.
Сейчас оно точь-в-точь похоже
На степь весеннюю мою.

Оно такое, как вначале,
Когда я свел знакомство с ним.
Ласкает солнышко лучами
Волос его пушистых нимб...

Оно как будто опочило,
Смирилось. Но понятно мне,
Какая бешеная сила
Таится в этой тишине.

И больше нет доверья к тиши:
Вот-вот взорвется, только тронь!
В ней, словно в пушкинском двустийше –
Шутливым даже! – скрыт огонь...

Все ж море дремлет, душу полня
Могучим счастьем бытия...
...Спасибо, море!

Черных молний,
Признаться, не увидел я.

Но прикоснулся на минуту
К хранилищу глубинных сил
И что-то новое как будто
В себе самом я ощутил.

В исток страстей и вдохновений
Поглубже заглянул на миг
И Пушкина всевластный гений
Опять по-новому постиг.

1960

Волга

О Волга вечная!..

Опять

Стою на милом берегу,
Не в силах взгляда оторвать,
Смотрю, поверить не могу,
Что удалось к тебе прийти,
Что, воротясь из дальних стран,
Твою водицу из горсти
Пью, как целительный аршан.

А ты... Все так же ты светла,
Твой ход, как прежде, горделив...
О, скольких, скольких ты спасла,
Своим богатством оделив,
О, скольких смертных на земле!
И нас, калмыков,— в том числе.

Когда в иной бесплодный год
Степь иссыхала, падал скот, —
Не раз калмыки-рыбаки
Кормились у родной реки.

Да, Волга, издавна калмык
Родной тебя считать привык,
И ты была к нему добра,
Как мать, как старшая сестра,
Не меньше, чем ко всем другим
Сынам иль братьям дорогим.

Каких событий, о река,
Ты не видала за века?!
Покуда ты светло текла,
Свершались темные дела.

Нас убеждают старики,
Что «переменны времена».
Случалось, Правде вопреки,
Неправда, что порой сильна,
Вдруг отторгала от тебя
Твоих детей – дробя, губя...

Случалось, горестный твой сын
Бродил без матери, один,
Снедала странника тоска...
Но ты, о любящая мать,
Ты – о река!– издалека
Пыталась сына поддержать.

Ты виделась ему во сне...
Склонялся он к твоей волне.
Твои пушистые пески
Смягчали остроту тоски...

И ободренный, наяву,
Он говорил себе:

«Живу.

И рано ль – поздно, но живой
Увижу край родимый свой...»

Не зря твердили старики,
Что «переменны времена»,

И впрямь – пословица верна.
Я снова у родной реки:
В селение Цаган Аман
Пришел по доброму пути
И пью, как благостный аршан,
Речную воду из горсти.

Опять я сердце отогрел.
И, засучивши рукава,
Тружусь... И вновь ищу слова,
Слагая Времени «йорел».

1960

* * *

Мудреца обычные слова
Так просты, как просто дважды два,
Люди, влив их в памяти сосуд,
Эстафетой в вечность понесут!

Мудрость, изреченная глупцом, –
Как сосуд, наполненный свинцом,
Брошенный в текущие года:
Шумный всплеск – и не найти следа!

1960

* * *

Нежная весенняя трава,
Ты в своем влечении права:
Ясным днем ты тянешься к лучам,
Ты о солнце гредишь по ночам...

Я такое точно же влечение
У всего живого подглядел.
Человек лишь только исключенье:
Человеку солнце – не предел!

1960

Сердцу

Сердце, трудно мне с тобою,
Откровенно говорю,
Но за то, что ты живое,
Я тебя благодарю.
Годы, словно волны моря,
Набегали на меня:
Ты умело даже в горе
Жить, достоинство храня.
В дружбе с истинною сущей,
Сквозь года в конце концов
Справедливости грядущей
Разглядело ты лицо.
Ты сквозь черные наветы
Правды видело зарю.
Прозорливое, за это
Я тебя благодарю.
Ну а если на мгновенье
Ты от правды отойдешь
И поверишь, хоть в сомненье,
В торжествующую ложь,
То тебя, порвав рубаху,
Из груди я вырву сам
И, клянусь тебе, без страха,
Презирая, брошу псам.

1961

Скульптор

Никите Санджиеву

Весь год, весь долгий, напряженный год,
В ночи – и то его не покидали
Наклон плеча, фигуры поворот...
И даже в снах он обсуждал детали...

Но вот работа сделана. Конец
Исканьям страстным, откровеньям трудным.
Последнюю черту провел резец,
Излишек камня осторожно убрал.

И, на свое творение смотря
Придирчиво, но все-таки влюбленно,
Стоит ваятель... Хлынула заря
В окно, смешала с полумглой зеленой

Свой утренний, свой золотистый свет,
Такой телесно-теплый, что как будто
Вздохнул чуть слышно каменный портрет,
Затрепетал и ожил на минуту.

А скульптор вздрогнул... Подался вперед,
Вгляделся... Нет, ему не показалось!..
И в самом деле, перед ним – не тот,
Кого лепил он, забыв усталость!..

Так вот кого он в муках прославлял!
Портрет бесспорно схож с оригиналом.
Но, в камень воплотясь, оригинал
Вдруг оказался недостойно малым.

Сумевший самых близких обмануть
Подделкой разума, подбьем чувства,
Лишь здесь явил он собственную суть,
Лишь здесь – под яростным лучом
искусства!

И скульптор, острою пронзен тоской,
Забился в угол, закурил с печали,
Грызя мундштук... А в дверь уже стучали,
Друзья входили в двери мастерской.

Они кричали: «Здорово, ей-ей!»,
«Отлично схвачено!», «Свежо и смело!».
Так поощряют взрослые детей,
Чтобы они опять брались за дело.

Портрет хвалили все за мастерство,
Не замечая черт его ничтожных...
Но с горестной усмешкой на него,
Забившись в уголок, смотрел художник...

Друзей благодаря, он проводил
До двери всех. Вернулся, чуть не плача,
Подавлен грузом тайной неудачи...
Взглянул с надеждой робкой... Подтвердил

Открытие горькое свое... Притих,
К последнему решению готовясь...
«Друзей ты можешь обмануть своих,
Но совесть?.. Нет, ты не обманешь совесть!»

Так приговор себе он произнес
И тихо поднял свой тяжелый молот...
И плод бессонниц, поисков и слез
В одно мгновенье гулко был расколот...

А скульптор, распрямясь, глядел во тьму,
Иных героев чуя приближенье...
Как я тогда завидовал ему!
О, тяжкое, о, сладкое служенье!

1962

Душа слова

Так много слов скопилось на земле!..

Но в собственность

ни деньгами, ни властью

Не купишь слова, не запрешь в столе:

Оно людское достоянье, к счастью!

И сотни лет различные уста

Одно и то же произносят слово,

И на устах у каждого из ста

Оно значенье изменяет снова,

Иначе пахнет и звучит не так,

То дерзко требует, то жалко просит,

Послушно отражая свет и мрак

Того, кто это слово произносит.

Оттенков множество в себе тая,

Звучание не больше, чем одежда...

У каждого из слов душа своя,

На душу говорящего похожа.

* * *

Могу ль усомниться, однажды изведав,
В том чувстве, что с вечностью я – неделим?
Быть может, оно – от степных моих дедов?
А может, испытано мною одним?..

Не знаю... Но стоит мне выйти в просторы,
Увидеть, как падают звезды в траву,—
С сознания точно спадают затворы,
И ясно мне: здесь я извечно живу.

Меж миром и мною исчезли границы.
Я – воздух. Я – ветер. Я с далями слит.
И кто различит – это мысль или птица
Над вольным, шуршащим покоем парит?

Как тополь, я смысл постигаю высокий,
Как травка, и знать не хочу – что к чему...
Какие тут могут быть счеты и сроки?!
Брожу и дышу... И никак не пойму,

Никак не решу я простую загадку:
Когда эти мысли ко мне притекли –
В моей только жизни – и брэнной и краткой—
Иль, может, в начале всей жизни Земли?!

* * *

Поэту, широко известному повсюду,
Читал стихи собрат, неведомый покуда.
Во все вникал старик, хваля или браня,
И под конец сказал: «Послушайте меня!
Пока не знают вас,— стихи читайте чаще!
Поэтам нужен суд суровый, настоящий,
Чтоб познавать себя и вглубь, и вверх
расти...
Когда ж,— старик вздохнул, — вы будете
в чести,
Тогда ни всем другим, ни собственному глазу
Уже не отличить подделки от алмаза».

1963

Зерно

Когда сравнишь ты с золотом зерно,
Смотри, чтоб не обиделось оно!
А что такое золото?
Металл.
Зато зерно – начало всех начал!
Скажи мне, с чем зерна сравнишь ты цвет?
Знай, что сравним с ним
Только солнца свет!
Хоть точность есть в сравнении таком –
Внимательно подумай о другом:
Лишь цвет от солнца зерна обрели,
А внутренняя суть их – от земли!
Но, этот вывод сделав, не спеши –
Заслугу всю земле не припиши.

Зерно мертво до той поры, пока
Его не тронет теплая рука.
Но и тогда, хлеба взрастив,
Она
До дна не исчерпает суть зерна:
Рука творит деянья не сама,
Она – слуга желаний и ума...

С начала дней суть хлебного зерна,
Как истина, проста, как жизнь, сложна!

1963

Смерть сайгака, или Расстрелянное утро

Все ярче неба дальний уголок.
В тумане, в сизом предрассветном дыме,
Упрямо разгорается восток,
Лучами искрометными, густыми
Просторы наполняя до краев...
И предо мной, по-утреннему ярок,
Мир предстает, как праздничный подарок, –
В росе, в лучах... Неотразимо нов.

Прозрачен пробуждающийся день
В степи... Но чья-то крохотная тень
В лучистом воздухе затрепетала...
Я глянул кверху... Жаворонок малый
Как раз над головой моей повис
И, крыльшками ввинчиваясь ввысь,
Поет, поет, разбрызгивая трели...
Он подтверждает, что на самом деле
Мы с ним друзья, что мы сейчас вдвоем
В ладу друг с другом дышим, и живем,
И славим утро – ясное такое...
Как другу, я машу ему рукою.

А тут еще один проснулся друг...
Из норки суслик выбрался. Исправно,
Хозяйственно проверил все вокруг
И, лапкой мордочку умыв забавно,
Как засвистит!.. Вот он невдалеке

Застыл, как столбик, на степном кургане
И на своем свистящем языке
Подружку вызывает на свиданье.

И тут же, плавно сдерживая шаг,
С достоинством, доверчиво-спокойно,
Бок о бок со своей подругой стройной
По склону поднимается сайгак...
И на вершине, в сини безоглядной,
Чета сайгаков смотрит на восток
И пьет, как воду, медленно и жадно
Студеный воздух – за глотком глоток.

...Какое показала мастерство
Природа-скульптор в день, когда лепила
Сайгака!.. Сколько проявила силы!
Как тщательно продумала его,
Как мудро и любовно он отлит!
Вписав сайгака в золотые дали,
Природа рассчитала все детали –
От гордой головы и до копыт!
Рога оленьи – сочных два побега –
Она дала ему, слегка пригнув,
Не поскупилась на орлиный клюв, –
Могучий нос необходим для бега!
Бока борзой животному даны...
А ноги, ноги!.. Что проворней в мире,
Чем эти вихри?! Эти вот четыре
Природою натянутых струны?!

Как девушки безгрешные мечты,
Сайгаки и беззлобны и чисты.

Нужна сайгаку лишь трава степная.
Стада их легкие с приходом дня
Пасутся, никого не утесняя
И никому обиды не чиня...

...Всю прелесть их я постигаю снова,
Любуясь на согласную чету:
Они как будто бы взлететь готовы –
Вот-вот взвоятся к небу, в высоту...
И, право, есть ли наслажденье выше,
Чем красоту земную созерцать?!
Спасибо щедрой жизни, подарившей
Мне это утро, эту благодать!..

...Сегодня трепетная красота
По всей степи калмыцкой разлита:
Голубоватый воздух и безлюдье...
Вдыхаю ароматы полной грудью,
С травинкой каждой ощущаю связь...
И вижу, чувством опьянен волшебным:
Неподалеку птица с пестрым гребнем
Сидит, меня несколько не боясь.

Ни перед кем я нынче не в долгу.
Со степью вместе радуюсь и плачу!..
Как жаворонок я запеть могу
И, кажется, пойму язык сайгачий!..

Да, я сейчас в родстве со всем живым,
И – верю – это будет вечно длиться!
Я слит с землею. Я ее частица,
От мира я сейчас неотделим!..

Я слышу, как зверьки скребутся
в норах,
Мне поверяет тайны каждый знак...

Но что-то хрустнуло... Враждебный шорох!
И, вздрогнув, поднял голову сайгак...
Насторожился... В сторону отпрянул...
Но поздно!

Небо с треском прорвалось!
Прозрачность утра пропоров насквозь,
Из-за холма короткий выстрел грянул...
Так дико, так безжалостно-нелепо
Единство мира раздробил сплеча...
Сайгак подпрыгнул... Он рванулся к небу,
Как человек, пронзительно крича...

И крик его пронесся, словно смерч.
Бегут вразброд недавние соседи
В смятении, в страшной из трагедий,
Когда живое ощущает смерть.
Несутся птицы с шумом...

А сайгак
Лежит... Пригнулась шея неуклюже...
Дымится кровь и натекает лужей.
И солнце опускается во мрак,
Багрово-липкий, нестерпимо-алый...
И мирной радости как не бывало!
Как будто

голубое озеро,
То, что дышало в камышах струисто,
Людей питало рыбой серебристой,

Спой, Валя!

– Спой, Валя, спой!.. –

И запекает Валя
Протяжную, калмыцкую, мою
Песнь, полную веселья и печали,
Как гроз и солнца – степь в моем краю.
И, осеняюще-щемящей, ею
Хмелею так, что кругом голова.
Хмелею и внезапно молодею,
Как по весне воскресшая трава!

Она поет, и чистоту и ясность
Небес

вбирает свет ее лица.

И песня, как сама она, прекрасна,
И нету песне радости конца!
Ведь времени волненье – мимолетно.
Печаль не вечно властна надо мной.
И в душу, как в распахнутые окна,
Ликуя, жизнь врывается весной!..
Она поет с прищуром хитроватым,
С лукавинкой в искрящихся глазах,
Подобных листьям двум продолговатым,
Где две росинки в солнечных лучах.
В них переливов настроенья звуки
Внезапны, как весенняя гроза...

– Пой, Валя, пой! –

Поют лицо и руки.

Поют ее волшебные глаза!
И, звонкая, парящая над степью,
Чарует песнь!

И ощущаешь ты:
Прекрасна жизнь в своем великолепье
И – близко исполнение мечты!

1964

Рождение нового обычая

Над колхозным клубом выются флаги,
Свежей зеленью украшен вход.
Устремляется сюда народ,
Праздничность заметна в каждом шаге.

Собралось сельчан – побольше сотни,
Гулких труб поблескивает медь...
Говорю колхознику:

– Ответь,
Что за торжество у вас сегодня?

Тот ходил, должно быть, в острословах,
Речь его была не без затей:

– Нынче

всем селом

встречаем новых,

Самых новых на земле людей!

Я не понял... Но пришлось недолго
Над словами хитрыми гадать:
Вижу, голубея, мчится «Волга»...
Вслед за ней – вторая, третья... пять!

Грянул туш. Бегут с соседних улиц,
Рукоплещут... шум растет окрест...
То не космонавты ли вернулись
Из неведомых межзвездных мест?..

Голубые «Волги» встали цугом,
И оттуда – весь народ притих! –
Матери выходят друг за другом,
Праздничные платица на них.

Каждая из них сейчас красива,
Радость на лице и робкий страх...
Смотрит так божественно-стыдливо
И младенца держит на руках...

Нынче праздник в честь новорожденных!
Да намного ли ошибся я,
И не космонавт ли он, ребенок,
Что явился из небытия

И на Землю – девственная местность
Для пришельца старая Земля, –
Как на борт большого корабля,
Всходит, устремляясь в Неизвестность?..

...Думал я: не поминаем разве
Всем народом
тех, кто отжил век,
Почему ж не превратить нам в праздник
День, когда родится человек?

1964

Добро и зло

Не следует того благодарить,
Кто по ошибке совершил добро,
Хотя он зло задумал сотворить.
Не следует с проклятием бранить
Того, кто по ошибке сделал зло,
Хотя мечтал добро распространить.

1964

* * *

Демокрит и Платон за себя говорят
Только щит из великих – напрасное дело.
Философия – это не пестрый наряд,
Под которым скрывается хилое тело.

1964

Маленькая ложь

Маленькую ложь разоблачая,
Голову на плаху не клади,
Но и мимо, друг, не проходи,
Якобы ее не замечая:
Сплюнь, чтоб не мешала впереди!

1964

Зерно и космос

Зерно взрывается в земле,
Как бы себя уничтожая,
И повторяется в стебле,
Как бы себя приумножая.

Но повторяется ль оно,
Не изменяясь в вечной смене,
Иль изменяется зерно
В круговороте возрождений?

Смотри: являясь в нашу новь,
Оно по-новому чарует
И людям новую любовь
И радость новую дарует.

Пусть жизнь прошедшая зерна
Не умерла и не забыта, —
Ему, расцветшему, дана
Иная, высшая орбита.

Зерно свершает свой полет —
Им, зернам, надо стать мирами,
Преображаясь в цвет и плод
Как бы по заданной программе.

Я знаю: мир в конце концов
Поблек бы, если б зерна эти

Не изменялись и отцов
Всего лишь повторяли дети.

Зерно, что в почве возвращено,
Окрепнув, солнца жар воспримет,
И крышу космоса оно,
Преобразившись, приподнимет.

1965

* * *

Передвигая ноги через силу,
Мы шли безводной степью сквозь пески.
Нешадно солнце желтое палило,
И были мы к погибели близки.

Но вдруг в струистом воздухе стеклянном
Отчетливо и сладостно возник
Вдоль камыша над голубым лиманом
Прохладно серебрящийся родник.

И мы рванулись, прибавляя шаг,
К ручью, к ветвям, склонившимся над ним...
Сейчас мы ощутим губами влагу,
Сейчас дойдем и жажду утолим...

Мы шли, еще не замечая фальши,
Но почему-то край чудесный наш –
Он что ни шаг отодвигался дальше.
И стало ясно: это был мираж.

Вода блестит, но ею не напиться,
В нее горячих рук не окунешь...
Она, как на полотнах живописца,
Лишь зренье может утолить...

И все ж...

И все ж мы вспомнили, что есть на свете
Вода, листва, шуршанье ветерка –
Живые, а не призрачные, эти...
Мы шли.

И мы дошли до родника.

1965

Памятник предкам

Немало ездивший по свету,
По чужедальной стороне –
«Здесь даже памятников нету! –
Юнец пожаловался мне. –
Наивны были наши предки,
Всю жизнь выращивали скот.
Здесь даже и курганы редки,
Никто следов их не найдет».

Нет, это ты наивец, парень.
А их следы известны нам.
Жаль, что ты им не благодарен,
Всем тем безвестным чабанам,
Что, как былинные мангасы,
Из века в век,
Из рода в род
Выращивали скот на мясо,
Чтоб был тем мясом жив народ.
И мы напрасно укоряем
Тех, что всю жизнь кормили нас.
Мы и живем благодаря им,
И философствуем подчас.
Как забываем мы нередко,
Большое видя в пустяках,
Что лучший памятник всем предкам –
Жизнь, сохраненная в веках.

1965

Поэт и время

Зал освещен.
Не слышно шороха.
Весь зал молчание хранит.
Но призрачно молчанье пороха,
Когда бикфордов шнур горит.

Еще сердца не растревожены,
И сотни синих, черных глаз
Завороженно, настороженно
Еще не облучают нас.

Здесь все в предчувствии,
В преддверии,
И все неясно, как рассвет,
Когда вот-вот придет доверие.
Придет, а может быть, и нет?

И нет полнейшей отрешенности,
И кто-то смотрит свысока,
И ощущение отчужденности
Еще не сломлено пока.

И вот, волнуясь, голос автора
Впервые входит в микрофон.
Кто знает, доживет до завтра
Или бессмертен будет он?

Он, отражаемый мембранами,
В зал настороженно летит
И чьи-то исцеляет раны,
А чьи-то раны бередит.

И кто-то, красный от смущения,
Сидит,
Платочек теребя,
А у кого-то ощущение,
Что это лично про тебя.

Сидит девчонка в юбке узенькой
С капризной миной
Оттого,
Что не дал бог ей в этой музыке
Понять буквально ничего.

Для многих слово, что обронено,
Летит пером жар-птицы в зал,
А для других –
Перо воронье
То слово, что поэт сказал.

Не важно, так ли или иначе,
Не важно, кто не прав, кто прав,
Поэт бы только слово вынянчил,
При этом правду не поправ.

Зал, существо тысячеглазое,
Молчит и ждет ее:
«Скажи!»
Но все поэт

Единой фразою
Убил, единой каплей лжи.

А время требует, чтоб правдою
Его обрадовал поэт.
И, никого уже не радуя,
Померк ненужный в зале свет.

Зал, существо тысячеухое,
Вскипел, как белопенный вал,
И зал кричит, свистя и ухая,
И ложь убита наповал.

1965

Храбрый заяц

Пушится, искрясь, первый снег,
Денек стоит на славу,
Оделись в серебристый мех
Степные наши травы.

Роятся в солнечном луче
Снежинок мириады,
Иду с герльгой на плече
Взглянуть на наше стадо:

«Не подобрался ль волк седой,
Овечку не загрыз ли?..»
Но запах снега молодой
Прогнал дурные мысли.

...Как лист бумаги – целина,
По ней, сплетаясь в строчки,
Бегут, синеют письма –
Ночных следов цепочки.

В них я вникаю по пути...
Моей приязни веря,
Пичуги пишут мне: «Прочти!»,
«Пойми!» – мне пишут звери.

Следок... Следок... И вновь следок –
Прерывистый и частый...

Зайчишка напетлял, как мог,
Застенчивое «Здравствуй!».

Пока читал я по складам
Привет его несмелый,
Гляжу!— вдали мелькнул он сам
В степи иссиня-белой.

Бежит косою издалека,
Взлетает без усилий,
Как будто к лапам русака
Пружинки прикрутили!

По снегу мягкому, как пух,
Косым скакать повадно,
Но этот мчится во весь дух,
Прыжки его громадны.

Он смертным ужасом гоним.
Орел охотится за ним!

Ушастый, ноги уноси!
Поддай, дружище, жару!..

Выбрасывая, как шасси,
Лапиц когтистых пару,
Снижается, подобно ТУ,
Орел... Такая птица
Легко поднимет в высоту
Ягненка и лисицу.

Конец, конец тебе, зверек!..
Упал на спину заяц,
Поджал под брюхо струнки ног,
Казалось мне, сдаваясь,
Казалось, страхом он убит, –
Зайчишка при дороге...
А заяц вдруг – как распрямит
Пружинистые ноги!
Всю волю он, видать, напряг,
Что крылась в слабом теле,
И хищника ударил так,
Что перья полетели.

Как будто острый нож вошел
В подушку пуховую...
Отпрянул с клекотом орел...
Он описал кривую
Крылом... И будто бы во сне,
Привстав, качнулся... Пал на снег...
Повергнут наземь царь небес,
Разинув клюв от боли...
А заяц вспрыгнул и исчез:
«Ищите ветра в поле!»

.
Вот что увидел я, друзья,
Бредя в степи по следу.
«Так что ж, – тогда подумал я, –
В борьбе дает победу:

Железо мускулов, когтей,
Отточенные шпаги

Рассказ о потерянном имени

Мы речь о Боре поведем,
О том, кто в «А» шестом,
Хоть не из лучших он, а все ж
Плохим не назовешь.

Затеют игры во дворе, –
Борис – в любой игре
Не то чтоб лих, не то чтоб тих, –
Не хуже всех других.

Но чем же Боря знаменит?
И почему гремит
Не только среди шестого «А»
О мальчишке молва?

Что о Борисе говорят?
Спросите у ребят.
Воскликнет хором весь отряд:
– Он сеет все подряд!

Посеял книгу, и журнал,
И баночку халвы,
И даже шапку потерял
Недавно с головы!

Борису боязно давать
И ножик и тетрадь.
Ведь он – проверено теперь –
Растеря из растерь!

Из ротозеев ротозей,
Ворона из ворон!.. –
Сначала критикой друзей
Был Боря огорчен.

Потом привык. Махнул рукой:
«Растеря?.. Все равно!
Видать, я от роду такой,
Так, видно, суждено!»

Да, был Борис неисправим!
И, может быть, таким,
Когда бы случай не помог,
Остался паренек.

Но как-то ночью стал Борис
Метаться и стонать.
– Проснись, Борис!.. Сынок, очнись!.. –
Его будила мать.

– Ох, у тебя, наверно, бред!
Температура, жар!..
Проснись... –

Борис молчал в ответ:
Душил его кошмар.

Борису снился странный сон:
Не ручку, не пенал,
Нет, имя, имя, имя

он

Куда-то задевал.

Есть имена у всех собак.
У кошки – имя есть!..

Он выбегает из ворот.
Он в школу держит путь.
Уж, верно, в школе назовет
Его хоть кто-нибудь!

Влетает в класс, не сняв пальто.
К Андрюшке – прямым...
– Привет, Андрей! –
А тот:– Вы кто?
Я с вами не знаком.

Встречает весь шестой «А» класс
Его, как чужака.
Как будто видят в первый раз
Такого паренька.

Сергей Петрович, педагог,
Ступает на порог:
– Я вижу, в классе – новичок.
Как звать тебя, дружок?

В шестом «А» классе – тишина.
У мальчика в мозгу
Кружатся вихрем имена...
«Нет, вспомнить не могу!»

– Как звать тебя, мой друг? Я жду... –
Учитель взял журнал.
Шепнул парнишка:– На беду,
Я имя... потерял.

Сергей Петрович, педагог,
Журнал на стол кладет.
– Класс, – говорит он, сух и строг, –
Не место для острог!

Парнишка – бел, парнишка – ал,
Парнишка смотрит в пол:
– Я правда имя потерял,
Искал, да не нашел!

Был «А» шестой всегда смешлив,
Смешливей классов всех...
И в тишине, как будто взрыв, –
Прорвался буйный смех.

Но все ж сквозь громовой раскат
Расслышал паренек:
– Ты опозорил наш отряд!
Ты имя не сберег!

Калмыцкая гремела речь
За русской речью вслед:
– Ты честь свою не смог сберечь!
Где имя?.. Дай ответ!

Ты, потерявший имя, – нуль!
Ничтожнее нуля... –
Слова свистят, как сотни пуль...
Дрожмя дрожит земля.

А смех гремит, совсем как гром,
Как будто в «А» шестом

Бушует, ширится гроза...
Борис открыл глаза.

С ним рядом мама: – Сын, очнись!..
– Так это снилось мне!
– Что снилось?.. –

Не сказал Борис,
Что видел он во сне.

Но так, чтоб не слышала мать,
Он клятву произнес:
– Вовеки имя не терять
И честь беречь всерьез!

1970

Кусок хлеба

Спешил на улицу Басан
(Друзья позвали свистом),
Краюху хлеба откромсал,
Наверно, граммов триста.

Едва он вышел из дверей,
Ребята закричали:
– Басан, иди сюда скорей! –
И мячик показали.

Пред ним возникли в тот же миг
Ворота с новой сеткой.
Басан подумал, как он в них
Направит мячик метко.

На землю бросив свой кусок,
Басан к друзьям помчался.
– А ну-ка, погоди, сынок!
Куда так разогнался? –

Сердито вдруг отец спросил,
Стоявший на дороге.
Басан на хлеб глаза скосил
В смущенье и тревоге.

Из дома выбежала мать
Надрать Басану уши.

– Да разве ж можно хлеб бросать?
Берешь – так надо скушать!

Отец сдержал ее:

– Пстой!

Наказывать не надо.

А ты, Басан, сейчас со мной

Поедешь в степь,

В бригаду...

В степи машина-великан

Пшеницу убирала.

На ней комбайнера Басан

Заметил у штурвала.

Басан подумал:

«Хорошо б

К нему туда взобраться...»

Отец махнул рукою:

– Стоп!

Возьми, друг, покататься!

С моста комбайнер молодой

Ответил:

– Что ж, возьму!.. –

Басан по лесенке крутой

Вскарабкался к нему.

Вновь загремела, затряслась,

Пошла вперед машина,

Пшеница в бункер полилась,

Завьюжила мякина.

Она кружилась на ветру,
В глаза и в нос летела,
Скрипела невзначай во рту
И прилипала к телу.

Басана солнце сильно жгло,
Лил пот с него ручьями.
Кататься было тяжело,
Домой хотелось,
К маме.

Но он терпел,
Смотрел вперед,
Старался быть серьезным,
Хотя от тряски ныл живот
И подступали слезы.

Когда ж комбайнер,
Сделав круг,
Хотел начать второй,
– Останови! –
Взмолился вдруг
Басан, –
Хочу домой!..

Басан спустился чуть живой.
Отец, кивнув на бункер,
Сказал:
– Такой, сынок, ценой
Нам достаются булки!

Басан припомнил тот кусок,
Что на земле пылится,
Представил каждый колосок
Загубленной пшеницы.

1970

Степная быль

С тех пор прошел почти что год,
Но случай этот самый
Из памяти моей нейдет,
Трепещет в ней упрямо.

...Неспешно ехал я домой
Дорогою степною.
Гнедой – конек послушный мой –
Шел шагом подо мною.

Был предзакатный тихий час,
Уже не слишком знойный,
Тот час, когда в степи у нас
Особенно покойно...

Молчит природа, будто спит,
Но помогает думам,
Нет-нет вспорхнет из-под копыт
Степная птица с шумом.

И вновь недвижим трав ковер
Иль океан бездонный,
В тиши звенит, стрекочет хор
Цикад неутомный.

И, вторя музыке цикад,
Протяжно, однозвучно

Завел я песню с ними в лад,
Так думать мне сподручно.

Копыт негромкий перестук,
Дремотной степи прелесть,
И мысли спорятся... Как вдруг
Какой-то треск и шелест

От мирных дум меня отвлек,
Сбивая сразу с толку...
Пушистый серенький комок
Упал коню на холку!

Ты, жаворонок, вестник дня,
Спустился для чего ты?..
Быть может, в гриве у коня
Запутался с разлету?..

Хочу понять я, почему
Случилось с ним такое,
Ладони протянул к нему,
Беру его рукою...

Не диво ль? Смыслу вопреки
Он из руки не рвется,
Впились мне в кожу коготки,
Он сам к ладони жметяся...

И показалось мне на миг,
Что малая пичуга
Взывает грустью глаз своих
Ко мне, моля, как друга,

На бессловесном языке...
Не видано от века,
Чтоб жаворонок на руке
Сидел у человека!

Такой он жалостный на вид
И смотрит как-то странно,
Быть может, ранен иль подбит?
Нет, не заметно раны!

Тебе не причиню я зла!
За что, на самом деле?..
За струйки чистые тепла,
За то, что чудо-трели

Ты расшиваешь серебром
По золотому полю?!
Ну, полно!.. За добро – добром,
Ступай себе на волю!..

Счастливого тебе пути!
Слегка подбросив к небу,
Певцу я пожелал:
«Лети!..»
...Эх, догадаться мне бы!

И полетел тотчас же он
И, крыльями махая,
Так мчался, будто бы вдогон
За ним беда лихая...

Но ясен был июньский день,
И я прогнал тревогу...

И тут косая чья-то тень
Упала на дорогу...

И, к небу голову подняв,
В тоске и страхе вижу,
Что коршун падает стремглав
Все ниже, ниже, ниже...

Разбойник в полном цвете сил,
Удалый и могучий,
Он птаху серую схватил,
Вонзает когти-крючья...

Кричу, что мочи есть: «Э-гей!..»
Нет, не спугнуть убийцы!
Услышав окрик мой, злодей
Решил поторопиться.

Домучить жертву до конца...
Он взмыл и в то же время
Ударил бедного певца
Железным клювом в темя!..

И вот
 не песен серебро
С небес ко мне упало:
Кружится серое перо,
Да капля крови алой

Меня ожгла, острей огня,
Степные дали застя...
...Вот что просил ты у меня –
Спасенья от напасти!..

Ты беззащитен был и мал
В ладони человеческой...
Зачем же я тебя погнал
Погибели навстречу?!

А степь дышала чабрецом...
Привольной горя мало,
Что все-таки

одним певцом
Над нею меньше стало!

Мешает время снег с дождем,
Сменяет зимы, весны...
Мы все со временем пойдем,
Но часто слишком поздно.

1966

Пушкин

– Да как же он, стремясь к великой цели
Во весь размах своих могучих крыл,
Вдруг предрассудку века уступил
И оборвал до срока на дуэли
Жизнь, важную для нас, для всех вокруг?.. –
Спросил меня поэт, мой юный друг.

И правда, ради пользы всей земли,
Искусства соблюдая интересы,
Не лучше ль было разрешить Дантесу
Пятнать прекрасный облик Натали,
Простить ему всю низость, все бесчестье
И пренебречь своею личной мезтью?..

А то еще и жалобу подать,
Упечь врага, ну... на пятнадцать суток.
А самому за этот промежуток
Стихи о чести начертать в тетрадь,
Чтобы нехватка жизненной отваги
Восполнилась хотя бы на бумаге?

Да, мудрый Пушкин видел их насквозь.
Он знал: ничтожны эти человечки,
Он изучил коварство их и злость
И все ж пришел на берег Черной речки –
Сразить врага иль бездыханным пасть...
Так честь велела. Так велела страсть.

Он, как гривастый африканский лев,
Пустыню потрясавший громом рыка,
Был полон жаждой мщения великой
И не пытался усмирить свой гнев.
Жандармы, царь, повадки их шакальи
Пред ним в едином образе предстали.

И мог ли он, в ком клокотала кровь,
Благоразумно сберечь свой гений,
Предать себя, предать свою любовь,
Чтоб удлинить собрание сочинений?
Чтоб к бронзе прирастить еще вершок,
От мщенья отказаться?.. Нет, не мог!

Да, он, поэт, велик и потому,
Что высшей совести и страсти цельной
Был верен неизменно, безраздельно,
И это не перечило ему,
Что он, премудрый, взрывчат был, как
порох...

Вот почему тебе и мне он – дорог!

Любовь его, как солнечный восход,
Воображение согревает наше.
И тот, кто сомневается в Наташе, –
Не сторону ль Дантеса он берет?..
Ведь Пушкин верил ей, идя к барьеру...
Кто ж смеет посягать на эту веру?..

Мой юный друг, и я скорблю о том,
Что страшная свершилась катастрофа...
Хотел бы я, раскрыв любимый том,

Увидеть там нечитанные строфы
И знать, что Пушкин дожил до седин –
Счастливым муж, спокойный семьянин...

И все ж пред миром Пушкин не в долгу.
Суровым судьям я его не выдам!
Нет, гения винить я не могу,
Что он, земным подверженный обидам,
Метался и страдал куда лютей,
Чем ты да я, чем тьма других людей...

Он пал в борьбе с тупой жестокой силой,
И смерть его – поверь! – прошла не зря:
Она для нас навек соединила
Чеканный ямб с бесстрашьем бунтаря –
Затем, что слиты и друг в друга впеты
Стихи поэта и судьба поэта.

1967

Дальние сигналы

Силами загадочными полный,
В радости большой, в большой беде
Излучает мозг радиоволны,
Посылая от звезды к звезде
Токи мрака или токи света...
В некой книге я читал про это.

Да и вы, наверно, замечали:
Сердце
 то сжимается в печали,
Ни с того и ни с сего упав,
То развеселится без причины,
Тоже не по нашему почину...
Может статься, автор книги прав?..

Может, если кто в беду попал,
Подает он бедствия сигнал,
И его на звездах слышат тут же?
У кого-то радости рассвет,
И ответ спешит со всех планет,
Вместе с ним ликуют наши души...

Может, автор – фантазер, чудак?
Все же я хочу, чтоб было так.
Я мечтаю о реальном чуде –
Чтобы излучали счастье
 люди,
Чтобы чье-то горе, словно SOS,
В каждом сердце болью отдалось.

1967

Свет женщины

Посвященные женщине строки –
Поэтической правды предел,
Плод ума и таланта высокий –
Прочитал я
и словно прозрел.

Я увидел пронзительно-ярко
(Удалось мне завесу смахнуть)
Не ткачиху, врача иль доярку –
Сокровенную женскую суть,

Что влечет по неясному следу,
Источая таинственный свет,
И дарит нас желанной победой,
Драгоценней всех прочих побед...

О, такой на мужской не похожий,
Озаряющий, ласковый взгляд!..
И два холмика с трепетной кожей,
Те, что жизнь человечества длят...

Победительницей побежденной
Предстает, покоряясь, любя,
Словно бог, в тесном сумраке лона
Отчуждающая от себя

Портрет

Из времени тебя исторгнув,
Мгновение остановив,
Твои черты и твой порыв
Сумел запечатлеть фотограф,
И твой портрет ведет, как след,
К тебе, которой рядом нет.

Но где же, где же на портрете
Тепло дыханья твоего,
Где голос твой, чье колдовство
Преображает все на свете,
Где светлый жар сердечный твой,
Животворящий и живой?

Но то, чего нет на бумаге, –
Своей волшебною рукой
Художник сотворит другой.
Благодаря его отваге
Ты во плоти возникнешь вновь.
Художник тот – моя любовь.

О, как сияет вдохновенно
Твой взгляд, похожий на зарю!
И я с тобою говорю
Так нежно, просто, откровенно,
Как со своей землей степной, –
С ее тюльпанами весной.

Из глаз твоих струится прелесть,
И светится твоя душа.
Как степь весной хороша,
Когда тюльпаны загорелись.
То я тебе сказал: «Живи,
Творение моей любви!»

Ты не растаешь в легкой дымке,
Ты не исчезнешь с быстрым днем,
Ты в сердце ожила моем, –
Пойми же,– в сердце, не на снимке,
И вижу я тебя одну,
Как только в сердце загляну.

1967

* * *

Только наша калмыцкая флейта,
Наша лимба заплачет,

и вот

Вслед за музыкой грустной – за ней-то! –
Образ дальней подруги встает.

Вижу: черные косы лоснисто
Колыхнулись вдоль стройной спины,
А в глазах – ни смешинки искристой:
И серьезны глаза, и грустны.

Сесть бы на спину к ветру степному,
Поскакать бы на нем без седла!
И примчаться к знакомому дому,
Чтобы двери она отперла.

Может, здесь, без свидетелей, снова
То, что мы потеряли, найдем,
И исправим ошибки былого,
И счастливыми будем вдвоем.

1967

* * *

Жизнь на лицах вяжет узелки
И морщин протягивает нити.
Всем людским стараньям вопреки
В каждом теле – груз былых событий.

И его не денешь никуда.
Тяжесть эта давит и тревожит.
Рад бы человек свои года
Обуздать, стреножить, да не может!

А желанья так бурлят подчас,
Будто двадцать лет тебе, не боле!
И не усмиряет их приказ
Самой мудрой, самой властной воли.

Сын не знает, что отец томим
Тою же мечтой нетерпеливой,
А увидев сына, перед ним
Затаится, замолчит стыдливо.

Дух состарить иль – одно из двух! –
Сделать бы, чтоб тело не старело,
Потому что вечно юный дух
Мучает слабеющее тело.

1967

* * *

Отсвечивая блеском лака,
Склонила скрипка тонкий гриф...
Пока молчит она, однако,
Мелодий столько затаив,
Что будоражащей их силы
На весь бы шар земной хватило!

А рядом, неказист и прост,
Лежит смычок... Но, сбоку глянув,
Я вдруг увидел конский хвост
И скачку сказочных титанов,
Несущихся во весь разлет, –
Как скрипка, воздух вслед поет...

...Я думал о твоей судьбе,
О скрипка, музыки царица!
Что б ни случилось, но тебе
С твоим смычком – не разлучиться.
Ты от него отделена,
И все ж душа у вас – одна.

Твой клад в тебе глубоко скрыт,
Богатство бархатных созвучий
Тогда лишь дивно зазвучит,
Когда струны твоей певучей
Смычок коснется хоть едва,
Ты без него навек мертва.

И, если вникнуть, все мы, все мы
Без близких душ – мертвы и немы.
И радость, и потоки слез
В мир прорываются лавиной,
Когда нас сводит воедино
Жизнь – гениальный виртуоз.

1967

* * *

Насыщен воздух влагою nocturnal,
Лицо и плечи омывает свежесть.
Под чистым небом я лежу и нежусь,
Лежу и наслаждаюсь тишиною.

Далеко где-то тявкают собаки,
И лаять им не хочется, похоже,
Лучатся звезды трепетно во мраке, –
Знакомые, таинственные все же...

И мысль моя с nocturnal непостоянством,
И там и здесь – почти одновременно,
По времени блуждает, по пространствам,
По темной улице, по всей Вселенной...

И это все – прозрачная прохлада,
Надежды, достижения, неудачи,
И звезд кружащиеся мириады,
И тишина, и даже лай собачий,

Грядущее, виденья наяву –
Слилось в одно, став жизненной разгадкой,
Покалывая искорками сладкой,
Неохватимой мысли: «Я живу!»

1967

* * *

Осенний лист на длинном черенке
Поник, подумал... и слетает в воздух.
А степь в рассветном голубом дымке
Примолкла, долгий предвкушая роздых.

Давно пшеница убрана в полях.
Стерни колючки в пахоте размякли.
Скирды в низинах – на манер папах
Из серебристо-серого каракуля.

И, пробиваясь нехотя из мглы,
Лучи ложатся – все спелей, багряней,
Они как будто слишком тяжелы
Для зябкой, паутинно-тонкой рани.

1967

* * *

Приехал друг в родимые края.
Зайдя ко мне, дивился он немало:
– А где ж лозинка тонкая твоя?..
Как?! Яблоней цветущей стала?!

Белым-бела!.. Что ж это в самом деле?!
Ведь, кажется, недолгий срок протек! –
...Он не заметил, что за этот срок
И я и он – мы тоже! – побелели.

1967

А Время доставало, как подарки,
То, что в суме хранило переметной –
Всю свежесть юности – задорной, яркой, –
Она сейчас казалась беззаботной...

Мы тихо улыбались. Но случилось
Нет-нет слезинку смахивать украдкой:
Душа в беседе дружеской смягчалась
И таяла и молодела сладко...

И жизни нашей радостное утро
Как будто вправду, – не в воспоминанье, –
К нам заглянуло... С нашей явью мудро
Оно вступать не стало в пререканья.

Мы грустно понимали: жизнь – коварна,
«Сегодня», как «Вчера», промчится тоже,
Но прошлому мы были благодарны
За то, что вот мы повстречались все же...

Что в самой главной вере и надежде
Нас все-таки не обманули годы...
А что теперь – иные мы, чем прежде,
Что делать?.. Уж таков закон природы!

1967

Чабаны

Резкий ветер свистит,
Будто сабельный взмах,
Завывает по-волчьи
И лает хорьком.
Ни луны, ни звезды...
Вьюга где-то впотьмах
Эскадроны снегов
Собирает тайком.
В постаревших снегах,
В посеревших снегах
Что-то есть от беды,
Что-то есть от войны.
Снег курится, как прах,
Ночь безглаза, как страх,
Край передний не спит –
На посту чабаны!
Мгла тревожна, густа,
Напряженно-туга.
Над приемником молча
Колдует чабан...
«Говорит Элиста!
Говорит Элиста!
Ожидаются
Сильный мороз и буран...»
Этот голос звучит непрерывно,
Как SOS.
Сколько в чьих-то висках

Он добавит седин!..
Степь. Буран и мороз...
Ночь. Буран и мороз...
Человек и стихия –
Один на один...
Ни души,
Никого, кто б хоть как-то помог.
Никого!
Только степь –
Хоть молчи, хоть кричи!
Степь как море...
Кошара в степи – островок,
Затерявшийся
Где-то в гудящей ночи.
Здесь не смеешь –
Так смей!
Не осилишь – осиль!
Здесь вполсилы не выстоять
В этой борьбе.
И никто не увидит,
Как был ты красив
Или жалок, –
Ни звезд
И ни судей
Тебе...
Вот уже где-то рядом
Визжит и кружит...
Степь – не степь,
Степь – кипящий котел молока...
Страхом сбита отара,
Отара дрожит –

Тычут мордами овцы
Друг другу в бока.
Миг, и двинет пурга
Леденящим крылом,
И тогда не успеть,
И беде не помочь:
Ошалело лавиной пойдет
Напролом
На погибель
Отара
В буранную ночь...
И когда разгорается
Белый пожар,
Где-то в мертвой степи,
Где-то в снежной глуши
В бой с пургою
Идут чабаны у кошар
И сражаются так –
Хоть поэмы пиши!
Неуютен их быт,
Неприметен их труд
И негромки
С бураном и стужей бои...
Вот они,
Не спеша,
За отарой идут,
Курят трубки
И думают думы свои.
Их глубинную суть
За суровостью лиц
Ты едва ли узнаешь,

Едва ль разглядишь:
Полыханье зарниц,
Колокольчики птиц,
Шепот трав с ветерком
В предрассветную тишь –
Все живет в них,
Все дышит,
Ликует,
Звучит, –
Прыткий суслика бег
И дрофиный полет –
Все понятно им!
Степь, как седой джангарчи,
Каждой малой травинкой
В их сердце поет...
Громоздятся
Тюки золотого руна,
В них чабанская жизнь –
Неуют, непокой...
Поднимаю йорел свой
Я в честь чабана,
Задушевный,
Как песня
С негромкой строкой:
«Слава вам,
Чабаны,
За нелегкий ваш труд,
За суровый ваш путь,
Что неторен и крут.
Счастья вам,
Чабаны!
И да будет всегда

Стороной обходить вас
Лихая беда!
И да сбудутся в жизни
Йорела слова!
Пусть на пастбищах встанет
По пояс трава,
Пусть отары тучнеют
И множат приплод!
Да минует в степи вас
Буря, гололед!
Пусть растут ваши семьи,
Здоровы, сильны!
Слава вам,
Чабаны!
Счастья вам,
Чабаны!»

1967

* * *

Его считают честным и прямым:
Мол, «не боится резать правду-матку»!
Кто, дескать, скромностью сравнится с ним?..
Себя он не похвалит и украдкой!

Но присмотришь к нему – и все поймешь...
Да, он, конечно, лезет вон из кожи,
Хваля того, кто на него похож,
Кто не талантливее, не моложе.
Но кто хорош, да на иную стать,
Того готов он словом в гроб загнать.

1967

* * *

Как деревянный ножик ни точи, –
Его железо резать не заставишь,
Как дурака тупого ни учи, –
Ума ему наукой не прибавишь.

1967

Другу

Твои слова я выслушал сполна,
Тебе поверив сердцем безоглядно,
Не упустил и малого зерна,
Все, все вобрал своей душою жадной...

По всем изгибам жизненных дорог
С тобою вместе путь проделал снова,
То, что ты словом выразить не мог, –
Уразумел, почувствовав без слова.

И все, что подсказала жизнь сама,
Что значилось в твоём глубоком взгляде,
Я тут же взвесил на весах ума,
Как драгоценный взвешивают радий.

Он стал моим, душевный опыт твой,
В трудах и испытаниях добытый...
Да будет он – как щит над головой –
От бед слепых надёжною защитой.

1968

Мысль и время

В прошедшем растворяясь на бегу,
Ты, Время, мне виски посеребрило,
Но, не старея, Мысль кипит в мозгу
С волшебной той же, благодатной силой.

Захочет – может в прошлое вести,
В грядущее, в далекий мир Вселенной...
Куда тебе, о Время, нет пути,
Она меня перенесет мгновенно.

Всесильна Мысль: и горечь подсластит,
И облегчит печали тяжелой бремя,
И мудростью своей предотвратит
Твои невольные ошибки, Время!

Ты в поединке с ней – побеждено,
И ход борьбы тебе заранее ведом:
Ты, Время, лишь туда приходишь следом,
Где побывала Мысль уже давно.

1968

Друзьям

Я ль, друзья, зимою голодной
Не делился с вами пайком?!
Я ли в знойной степи безводной
Дорожился воды глотком?!

Лишь одним ни с кем не делился,
Лишь в одном, друзья, поскупился:
Горе в сердце носил тайком.

И не то чтоб копил я горе,
И не то чтоб не верил вам.
Но беда прилипчивей хвори...
Эту ношу тащил я сам,
Сберегая вас и жалея...

Думал: горе сам одолею,
Мед победы раздам друзьям!

1968

* * *

Он объявил, волнуясь, что билет
Возьмет он не туда, где прелесть юга
Вступила в благодатный свой расцвет, —
В Норильск летит он, где бушует вьюга,
Где ждет его подруга трудных лет,
Его желанная подруга!

О нет, он не Герой, не депутат, —
Влюбленный он обыкновенный,
Но так своей любовью он богат,
Что люди — женщина, старик, военный —
Все уступают очередь ему.
Я тоже от влюбленного приму,
Со всеми вместе, дар его бесценный —
То чувство, что всегда родится вновь:
О, как нам, людям, надобна любовь!

1968

* * *

Я вижу, как с восторгом неустанным
Стремятся дети к огненным тюльпанам,
Ломают стебель встречного цветка,
Впадают в гнев при виде червяка,
Не замечая, что чуть-чуть в сторонке
Стоит цветок – прелестный, свежий, тонкий.

Я вижу, как восторженно юнцы
За счастьем вслед спешат во все концы,
Ломают стебель встречного цветка,
Впадают в гнев при виде червяка,
Не замечая, что чуть-чуть в сторонке
Стоит цветок – застенчивый и тонкий...

И вот цветы прекраснейшие эти
Рвут мудрые, а не юнцы, не дети...
Но я не вижу на лице у них
Восторженного счастья молодых...

1969

О природе

В степи весенней мальчик лет шести,
Бутона цветка увидев нераскрытый,
Давай его развертывать сердито:
Он, дескать, должен тотчас расцвести!

– Что делаешь?! Зачем ты губишь цвет?..
– Природу побеждаю!– был ответ.
«Чужие речи повторяет малый...» –
Подумал я. Не по себе мне стало.

Ребенку объяснить не так-то просто,
Что побеждать природу он начнет,
Когда познает все законы роста,
Изучит скрытого развития ход...

Ведь даже многоопытные мужи
Порой с природой поступали хуже,
Забыв, что хоть она – сильна, крепка,
Но – так нежна, но – так подчас хрупка!

1969

Москве

Едва,
 к земле спускаясь косо,
Я через круглое стекло
Завижу золотые косы
Огней, струящихся светло,

Иль только у вокзала поезд
Почтительно замедлит шаг
И, радостно забеспокоясь,
Заслышу гул на площадях,

Я вновь пойму, что ты – окрест!..
Привычных мыслей ход наруша,
Москва, ты в каждый мой приезд
По-новому волнуешь душу!

Для всех умеющих мечтать
Не ты ль, Москва, собой явила
Желаний сокровенных силу,
Надежд заветных благодать?!

1969

Поэзия

Согласен: есть еще немало тем.
О чем писать – отыщем мы, умея.
Все может стать источником поэм.

Хотя бы воробьи... Они в аллее
Весну приветствуют наперебой.
Задорный щебет их срифмуй смелее!

Платок уютный, теплый, пуховой...
Простых узоров плавное струенье
Ложится в стройный ритм само собой.

А первый поцелуй?! Его горенье
И трепетность?! Ему ли не дано
Украсить лучшее стихотворенье?!

Согласен я... Все это правда. Но...

Но воробьи в десятках вариаций
Чирикают в стихах давным-давно.

Платок пушистый тоже, может статься,
Обогревает стих столетий пять
Иль более... Успел он примелькаться.

А первый поцелуй?! Не сосчитать,
Который он!.. У каждого поэта
Читатель с ним встречается опять.

Начало дня

В тот миг, как ты, глаза открыв с утра,
Отбросишь сон и оттолкнешь «вчера», –
Рассветный мир в своем простом обличье
С веселой, частой болтовнею птичьей
В тебя ворвется, пробуждая вдруг...
Ты – дивно легок. Ты – как все вокруг –
Наполнен солнцем, свежестью, бесстрашьем...
И теплым золотом твой дом окрашен.

А день-младенец расправляет грудь
И устремляет вверх ростки живые,
И ты – ты вместе с ним!– как бы впервые
По-новому свой начинаешь путь
И первый шаг свершаешь налегке,
Так, словно все твои былые годы
Лежат еще перед тобой – в клубке,
Не развернувшись... Воздухом свободы
Ты сладко дышишь, ты ушел от уз
Вчерашнего, досадный сбросил груз...
Ты пьян от будоражащего света.
Сейчас ты волен не давать ответа
За все, что отошло с туманным сном...

Ты – так прозрачно чист!.. Ты – невесом,
Не в прошлом ты, и ты – не в настоящем.
Ты в мире, лишь тебе принадлежащем,
В твоей руке – ключи от всех замков

Грядущего, где столько ожиданий,
Что сбудутся вот-вот... Ты рад заране
И удивляться им уже готов!..
Ты на земле сейчас – без посторонних...

А солнце льет волной на подоконник
Дневных видений пестрый звездопад,
И ты предчувствием чудес объят,
Трепещущих, и радужных, и прочных...
А утро тихо обещает:

– Жди!

Неиссякаем радости источник,
И счастье – неизменно впереди!

1969

Москва

Любовь народа моего
Привез я братьям – сотням тысяч.
Но как постичь мне волшебство?
Где слово?.. Как найти его,
Чтоб в каждом сердце искру высечь
И наше подтвердить родство?..

Где то единственное слово,
В котором благодарность, честь,
И братства нашего основы,
И о грядущем счастье весть?..
В богатствах языка земного
Такое слово есть ли?

Есть!

В уме забрезжило едва,
Высоким смыслом засверкало,
Нагрело чувства до накала,
Другие оттеснив слова...
И людям я сказал:

– Москва!

1969

По счастью, у меня в мозгу
Есть некто – трезвый и суровый, –
Он видит каждый мой просчет
И беспощадно отсечет
Случайно вкравшееся слово.
...Стихотворение готово.

Усталый поднимая дух,
Взыскательный лаская слух,
Оно легло на белый лист.
И, как счастливый альпинист,
Взобравшийся на трудный пик,
Я сбросил ношу.

Я постиг,
Что несвершимое – свершимо.
Короткий отдых свой ценя,
Горжусь победой.

И с вершины
Смотрю на прежнего меня.

1969

* * *

Верьте, я не слишком рад,
Что дожил до высшей чести –
Восседать на пире вместе
С тем, кто опытом богат,
Кто ума и знаний клад, –
Словом, на почетном месте.

Все ж сажусь, когда велят,
Уважая наш обычай,
Соблюдая тьму приличий,
В красный угол – высший ряд,
Хоть нет-нет да брошу взгляд
На далекие ряды я,
Где смеются и острят,
Где пируют молодые.

Средь почтенных, в их кругу,
Я беседую степенно,
Но, признаюсь откровенно,
Жду – дожждаться не могу:
Скоро ль миг придет желанный,
Скоро ли я с места встану,
Не обидев никого,
Не нарушив торжество,
Папироску из кармана,
Будто бы неспешно, выну
И пойду – сначала чинно,
А потом почти бегом –
К молодым – «за огоньком».

Долгожданное мгновенье!..
Но, заметив мой побег,
Молодое поколенье
Почему-то гасит смех.
Болтовни непринужденной
Пресекается поток..
На меня глядят смущенно,
К папироске огонек
Подают мне торопливо,
Разговор прервав живой...
Все со мной весьма учтивы,
Но меж ними я... не свой!

Сухо на сердце и больно...
Да, судьбы не переспоришь!
Видно, молодость напрасно
Попытался я вернуть.
И тогда, вздохнув невольно,
Я бреду в свой угол красный,
Чтоб сухую эту горечь
Увлажнить хоть чем-нибудь.

1970

* * *

Когда другой в прозрачном небе
Поймает ласточку мечты,
Когда желанный вынет жребий
Другой, другой – опять не ты!

И солнце радости горячей
Лицо счастливец озарит, –
Признайся мне: чужой удачей
Ты будешь ли и вправду сыт?

А мне сдается – хоть, понятно,
Оспорят многие мой взгляд! –
Чужая радость нам приятна,
Кто счастьем ближнего не рад?..

Но всей душой иль только частью?..
Как быть с тоскою ледяной,
Когда твое большое счастье
Тебя обходит стороной?!

Чужая радость тронет сердце
И мимо проплывет, дразня,
Подобна отблеску огня:
В ее лучах – не отогреться!

Она – притворство мне не сродно! –
Не прибавляет силы мне,
Как хлеб, который в год голодный,
Случалось, видел я во сне.

* * *

Вы детей растите в холе,
Детям вы даете волю,
Но, подумайте, родители,
Человека вы растите ли?

В детях мы души не чаем,
Все проступки им прощаем,
Может, лишь из-за себя,
Лишь свою любовь любя?

Но под нашу опекой
Детям долго ли расти?
Что вы дали человеку
Для нелегкого пути?

В каждой клетке, каждой жиле —
То, что с детства в нас вложили,
С первых лет Добро и Зло
В кровь и плоть у нас вошло...

Баловням своим, родители,
Силу духа вы дадите ли?

1970

* * *

Искусству различать заранее,
Предвидеть, ощущать в тумане,
Что ожидает впереди,
Уменью вникнуть в каждый случай –
Учитель даже самый лучший
Не сможет научить, не жди!

Никто перед тобой любовно
Не проторит тропинки ровной,
Чтоб шагу ты не сделал зря,
Никто тебя под локоточек
Не поведет меж ям и кочек, –
Такого нет поводыря!

Когда б мудрейший из мудрейших,
Когда б добрейший из добрейших,
Когда б светило из светил,
Исполнен лучшего желанья,
Весь опыт свой, свои познания
В тебя до капли перелил,

Ты все ж не воспитал бы душу,
Впитал бы опыт, но минувший,
Учителя усвоил взгляд...
Чужие знания – лишь начало,
И значит в жизни очень мало,
Кто опытом чужим богат.

Нет, семя нового посева
Родится из любви и гнева!
Лишь то, что в трудной смене лет
Тобой глубоко пережито,
Даст людям золотое жито,
Не сорняки, не пустоцвет!

1970

* * *

Когда бы, друг, на ум тебе пришло
В рублях исчислить строчки этой цену,
Какое бы ты ни назвал число,
Ошибку ты допустишь несомненно.

Что зря считать? Пойди за мной вослед,
Не убоясь обид и унижений,
Кровавою тропой военных лет
И по тылам – почище всех сражений.

На шкуре – на своей, а не из книг
Узнаешь зло эпохи той постылой,
Стерпи все то, что претерпел калмык,
Своею собственной питаюсь силой.

Как я, промерзши в ледяном аду
Там, где полгода ночь стоит глухая,
Снеси весь гнет, всю черную беду,
Не возопив: «Спасите! Замерзаю!»

Познай всю мерзость голода, какой
Не знал Кнут Гамсун,– той, что иссушила
Все тело так, что щупаешь рукой
Свой позвоночник – костяное шило.

Когда же снова высшей Правды свет
Жизнь озарит, ты все ж, не успокоясь
Тем, что сегодня сыт и обогрет,
Как знамя, в высоту поднимешь Совесть

И всенародно, став пред подлецом,
Поклонами не искривляя спину,
Всю правду в наглое швырнешь лицо,
Всю правду-истину, не половину!

И если, совершая этот путь,
Увидев землю сладостной и горькой,
Ты сможешь жизнь голодному вернуть,
По-братски поделаясь последней коркой,

Тогда, в свидетели призвав года,—
Да подтвердят, что я не знал измены!—
Тогда ты только, только лишь тогда
Моей строке дашь истинную цену!

**Жизнь
и размышления
(1963 – 1975)**

Солнце – Человек

Вчера, открыв подаренный мне том
Данилова – якутского поэта,
Я взволновался: я узнал о том,
Что «Солнце» – наш исток добра и света, –
Как мне поведал мой якутский друг, –
Зовется – «Кюн»...

Знакомый с детства звук!

Слова, слова!.. По ходу ваших век
Мы вглубь вникаем, тайное распутав...
«Кюн» – это светоч мира

для якутов.

«Кюн» для калмыков –

это «Человек»...

Два слова схожи в сокровенной сути,
Как Солнце – Человек!..

Не позабудьте!

Родина

Мать-родина!.. Так люди называли
Ее издревле... Вправду, не она ли
Нам жизнь дала, и силы в нас влила,
И за руку взяла и повела?..
Она щедра по-матерински,– знаю,
Но родина – она и дочь родная.

Все лучшее – и труд и вдохновенье –
Самозабвенно отдаем мы ей,
Как только детям отдают – продленью
Быстротекущих, кратких наших дней...
Здесь все мое!.. Бери его, упрочь.
О Родина моя!.. О мать и дочь!

* * *

Не как телянку-сосунку тугие
Сосцы, где молока густого много,
Не так, как зверю теплая берлога, –
Иначе ты мне дорога, Россия!..
Люблю любовью строгой и глубинной
Твой образ многоликий и единый.

В моей любви – надежда и тревога
Тех, кто ушел и кто живет на свете,
В ней музыка, и свет, и ход столетий...
И озаряется моя дорога –
И прошлое, и день, что будет прожит...
И победить ее ничто не может!

Счастье и горе

Когда как вестник торжества и славы
Ко мне пришел бы старец белоглавый,
Калмыцкой старой сказки чародей,
И подарил мне счастье всех людей,
Я б это счастье разделил на части,
Всем людям поровну я б роздал счастье.

Но если б он собрал в один комок
Все, что печально на земном просторе,
Чтоб в сердце у себя вместить я мог
Все наше человеческое горе,
Я б горе вместе с сердцем сжег дотла,
Чтоб сделалась Вселенная светла!

* * *

Жизни мира, длящейся века,
Жадною душою не завидуй!
То, что жизнь людская коротка,
Не считай ошибкой и обидой.
О ничтожном сроке говоря,
Не терзай себя, не мучься зря!

Чтоб увидеть мира мудрый лик,
Этот срок достаточно велик.
Чтоб свершить свое предназначенье
И служить Добру,
нам всем дана
Вечность.

Если вдуматься, она —
Беспредельно долгое мгновенье.

* * *

Когда давно желанные слова
Спешат ко мне, окликну их едва;
Когда во мне, внезапно возникая,
Родится облик завтрашнего дня
И кажется, что вся судьба людская
Сейчас зависит только от меня,

События обнажаются до корня,
Все тени исчезают на лету,
Все лица излучают доброту
И все сердца становятся просторней, —
Тогда я нужен людям... И рука
Спешит за мыслью... И душа легка.

* * *

Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!
Хрустально-звонкий воздух, и простор,
И колокольчик – жаворонка трели!..
Ты – музыка, чьи звуки с давних пор
Какой-то гений, в неизвестность канув,
Переложил на живопись тюльпанов.

Как счастлив я, что голос твой пойму,
Что человек я, что душе все чаще
Доступна радость красоты щемящей...
Иль человек я только потому,
Что внимлет скрытой музыке душа?..
О жизнь, как ты щедро!.. Как хороша!..

Разум

«Вам все простится, кроме превосходства
Ума... Так прячьте разум!..» – произнес
Философ, хоть с улыбкой, но всерьез...
О, этой мысли горькое уродство!..
Нет, сделав скидку на судьбу и время,
Я все же возмущен словами теми!..

Как?! Прятать ум, которым жизнь крепка?!
Да разве не уму я благодарен
За то, что в космос поднялся Гагарин,
Что в нашем небе ходят облака,
А не виденья стран, сожженных разом?..
Нет, люди, нет!.. Не смейте прятать разум!

* * *

По океану времени вперед
Могучий, щедрый урожай идет.

По чудо-волнам чудо-корабли
Везут дары высокие земли.

Не злаки, не плоды, не семена...
Но урожаем этим жизнь ценна.

Тот урожай растет из года в год.
Он силу человечеству дает.

Сны и надежды воплощает он,
Не им ли нынче космос покорен?

Тот урожай насущный для людей –
Обилье мыслей, поисков, идей.

Помощь

Когда с тобой тропюю трудной,
Тропюю снежною, безлюдной
Поскачет спутник на коне,
Но вдруг собьется он с дороги
И, если не найдет подмоги,
В глухой погибнет стороне;

Пока он жив, пока он дышит,
Пока он голос друга слышит,
Зови его, зови, кричи!
Хоть после крик твой будет громок,
Он не вернется из потемок,
Навек исчезнет в той ночи...

* * *

С утра поливал я деревья в саду...
Гляжу, в отстоявшейся крохотной лужице
Плывет муравьишка, барахтаясь, кружится –
Попал ненароком, трудяга, в беду!
Ему протянул я сухой стебелек, –
От гибели верной его уберег.

И он, суетясь, побежал от меня,
К своим побежал, в муравейник, не мешкая...
«Быть может, его поджидает родня?» –
Подумал я, вслед ему глядя с усмешкою.
И стало теплее в душе на минуту,
Как будто и вправду помог я кому-то.

* * *

За то, что втайне ты принес краюху
Голодному, гонимому людьми,
Но вдруг раздумал, став перед дверьми
(Должно быть, просто не хватило духу!),
Ты благодарности не жди потом,
Порыв бесплодный не зови добром.

Есть у деянья доброго свой срок.
Не то оно – как дождевой поток,
Которого земля ждала в жару,
Чтоб стала степь зеленой и пахучей,
А дождь пошел зимой из черной тучи
И ледяную оросил кору.

Цветы Норильска

В Норильске, где холод и вьюга,
В снегах заполярной земли,
Красавицы нежные юга
На тонких стеблях расцвели, –
И вешнес чудо все длится
В Норильске, в стеклянной теплице...

Устав от работы недельной,
Норильцы в свой Крым самодельный
Приходят и дышат весной...
Особо она дорога,
Когда за прозрачной стеною
Беснуется, свищет пурга.

* * *

Похвалите меня, друзья!
Я не создал нынче ни строчки,
Что могло б мне пойти во вред,
Где, как лист ядовитый в почке,
Затаился источник бед...
Похвалите меня, друзья!..

Попрекните меня, друзья!
Я не создал нынче ни строчки,
Ни одной, что могло б дойти
До иззябшего одиночки,
Обогреть его на пути...
Попрекните меня, друзья!

* * *

«Завтра» – как похоже на улыбку
Это слово, полное тепла!
Завтра можно выправить ошибку,
Что «Вчера» допущена была.
Если Нынче принял ты решение –
Завтра ты приступишь к совершенью.

Но едва подумаю, что это
Слово, полное добра и света,
Потускнеет, ускользнет, спеша,
И ошибки ты не уничтожишь,
Несвершенное свершить не сможешь, –
Холодеет, опустев, душа.

* * *

Когда я замечаю с чувством боли,
Что, прошагав изрядный путь земной,
Не совершил я и десятой доли
Всего того, что замышлялось мной,
Я не ищу тогда причин извне, —
Истоки бед — они во мне.

Ни злобной завистью, ни нелюбовью
Никто, поверь, мне не чинил помех.
Во мне самом, в душе моей — гнездовье
Всех промахов моих, ошибок всех.

В том, что с мечтой свершения —
не вровень,
Не мир, не люди,— только я виновен.

* * *

Когда вдали, как слабый огонек,
Созвездье нынешнего дня светило, —
К нему я рвался и достичь не мог,
Еще не веря в собственные силы,
Но люди говорили: «Он дойдет!»,
И, осмелев, я шел и шел вперед.

Доверием людей душа жива.
И вот, когда так много за плечами,
Ищу я благодарности слова
Для всех, кто поддержал меня вначале...
О, как мы вырастаем, окрылясь,
Когда другие люди верят в нас!

Сквозь века

Валентину Берестову

1

Археологи

нынешним летом
Колесницу нашли со скелетом,
Наконечники бронзовых стрел...

И сказал молодой археолог:
– Бранный путь твой невиданно долог,
Человек мой, хоть сам ты истлел.

Друг за дружку цепляются звенья:
Изменила стрела оперенье,
Колесница несется во мглу...

Может, эру исследуя нашу,
Скажут: «Эх, заварили вы кашу!
И зачем вы пустили стрелу!»

2

С высот сегодняшнего дня
Веков щербатые ступени
Вниз, в глубину, вели меня...
И в жизнях многих поколений,
Как бы во множестве зеркал,

Себя, свой путь я узнавал,
И по ступеням по щербатым
В тот век, где расщепили атом,
Поднялся я – в наш трудный век...
...Я видел все, и рад сказать я,
Что находил противоядье
Любому яду

Человек.

* * *

Одно твое недоброе деянье,
То, что тобою было свершено
В зените славы – да, оно одно! –
Высоких дел твоих разрушит зданье,
Достоинства твои перечеркнет,
Когда утратишь славу и почет.

Одно твое хорошее деянье,
Свидетельство ума и доброты,
Что совершил еще неизвестным ты,
В глазах людей твое упрочит право,
Прибавит к славе истинную славу,
Когда известным миру станешь ты.

* * *

Метель беснуется... Беда, беда!
И под ее неистовые стоны
Я думаю о степи заметенной,
О них, друзьях, пасущих там стада...
Моих друзей буран в степи застиг,
Прошу вас, люди, думайте о них!

Ведь если думать, думать всем вдали
О тех, кто в снеговой пучине тонет, –
Их наши мысли, говорят, догонят,
Поддержат их хоть на краю земли,
Помогут одолеть тот путь, ту малость,
Что до спасенья им еще осталась...

* * *

О жизнь!

Когда ты на моем пути,
Затем, чтоб за провинность наказать
Иль чтобы испытать меня опять,
Противника захочешь мне найти, —
Когда и где бы это ни случилось, —
Молю тебя, яви такую милость:

Из множества народа, что идет
Сейчас

сквозь времени водоворот,
Того, кого борьба не закалила,
Того, чей ум незрел и уязвим,
Кого судьба не наделила силой,
Не делай,

жизнь,

противником моим!

* * *

Устало сердце гнать по жилам кровь,
Страдать, сносить заботы, нелюбовь,
И годы тяжких войн, и просто годы,
И мудрый врач исправил зло природы:
Смог человеку снова жизнь вернуть,
Пересадив чужое сердце в грудь.

Но с прежним сердцем сжившееся тело
Измены совершить не захотело,
Не пожелало жить чужой судьбой...
Семь долгих лет жестокий длился бой,
И Верность верх над Жизнью одержала –
Чужое сердце биться перестало.

* * *

Когда б к исходу странствия земного
Мне предложили повторить все снова,
Мой прежний путь сквозь счастье и
несчастье

Начать сначала, – не даю согласия.
Но и чужой – пускай прекрасный! – жребий
Не нужен мне, хотя бы и на небе!

Когда б мое исполнилось желанье,
Я тотчас же, с последнего дыханья,
По волнам лет в заманчивые дали
Жизнь – жизнь мою! – продлил бы дале, дале.
...Нельзя?.. Тогда пусть кто-то – за меня –
Продлит ее, не повторив ни дня.

* * *

Жизнь! Сурово душу проверяя,
Как меня ни устрашала ты?
Обстреляла на переднем крае,
Опоила ядом клеветы...
Долго не сменяла гнев на милость,
Но, что человек я, убедилась...

Слово с честным Делом сочетал я.
Нет, не в скорописи утверждал я
Верность Правде и стране родной.
Нет, за все, что высказано мной,
Мукой не боялся отвечать я,
Все скрепил я кровью, как печатью.

Капли

Скажи, кого б из нас не восхитила
Стремительного моря красота,
Что так могущественно разлита?
Но этой красоты исток и сила
В тех каплях, что несут из века в век
Потоки многих, многих малых рек.

Смотри, какая слава озарила
Известного повсюду мудреца!
Он восхитил горячие сердца,
Но мудрости его исток и сила –
Дела и мысли множества людей,
Желавших стать счастливей и умней.

* * *

Разъяренного ветра порыв
Наземь тополь повергнул зеленый,
И лежит он, печален, красив,
Чуть шурша густолиственной кроной, –
Он, даривший прохладу нас
В раскаленный полуденный час.

Заглянул я к нему в сердцевину
И в смущении понял причину:
Дочерна выжигал его зной
В час, когда над тобой, надо мной
Простирали он заботливо руки...
Как жестоки мы!.. Как близоруки!..

* * *

Не попирайте мертвыми живых!
Смерть – не заслуга, все подвластны смерти.
Покойников хваля, не лицемерьте,
Коль вся их честь – что нет на свете их,
Когда они, сойдя с лица земного,
Не совершили ничего иного.

Есть времени отрезок небольшой,
Который мы творим и лепим сами,
Хоть малое поддерживая пламя
Всем разумом своим и всей душой,
Упорством мысли, трепетом наитий...
...Живую жизнь, живых людей цените!

* * *

Когда тебя осудит друг,
Не бойся сказанного вслух,
Пусть осуждение – сурово.
Страшись сокрытого суда
Людей, что холоднее льда,
На случай спрятанного слова.

Когда тебя благодарят,
Твои дела хваля подряд,
Не слушай лести, бога ради,
Тихонько пережди в тени...
Но благодарность, что во взгляде
И в глуби сердца,
оцени!

* * *

Что им стоило казнить Джалиля
Сразу же?

Но был он страшен им.
Палачи, признав свое бессилье,
Понимали: он неистребим
Он живет в своих бесчисленных братьях –
Не повесить, не перестрелять их...

Он, Джалиль, вносил и в Моабите
Взнос партийный – мужеством, стихом...
Каждым нервом жил в огне событий,
В каждой строчке был большевиком.
...Кто рожден на свет поэтом истым –
Тот не может быть не коммунистом!

* * *

Прошу, друзья, не истолкуйте вкось,
Что высказать сейчас себе позволю:
Немало книг встречать мне довелось,
Где воспевали руки и мозоли.
Я, право, их читал во все глаза.
Друзья мои, я всей душою – «за»!..

Рука умельца, красота труда
Поэзии достойны настоящей.
Но думается, в наши дни, когда
О космосе мы говорим все чаще,
Руки рабочей воспевая чудо,
И голову бы вспоминать не худо!..

* * *

Я верю: клетки сердца не умрут, –
Все клетки сердца воплотятся в труд.
И в каждом камне, что положит зодчий,
И в той строке, что правдой рождена,
Частица сердца – ну хотя б одна! –
Пульсирует, тепло сосредоточа.

У всех, кто труд свой полюбить сумел,
По капле, понемногу, по крупице
В дела земные сердце воплотится,
Останется в живом бессмертье дел...
Лишь у лентяя сердце, черным комом
Упав, истлеет, станет невесомым.

* * *

Когда ученый, устремив свой разум
К таинственно-влекущим небесам,
К светилам – ярко блестящим алмазам, –
Предел познания расширяет сам
И раздвигает небо в глубину,
Открыв там новую звезду одну,
То для него светило небольшое
Огромно, точно звездный небосвод...

А тот, кто от рожденья слеп душою,
Тот по дороге в темноте бредет,
На собственный рассудок не в обиде,
Но и алмазных звезд во тьме не видя.

* * *

Он человечеству служил как верный друг,
И, не щадя себя во имя светлой цели,
Свое бесстрашие он доказал на деле, —
Короче: множество имеет он заслуг,
Но права и ему, я знаю, не дано
Деянье подлое свершить — хотя б одно.

Он мог бы сделать мир добычей зла
и мрака,
Чтобы огонь и смерч низверг небесный свод
И уничтожил все, что на земле живет, —
Но преступления не сделал он, однако,
А все же и ему гордиться не дано,
Что дело доброе свершил — хотя б одно.

Огонь

Сосна, что так стройна и зелена,
Что высится над гордою горою,
Сосна, которой вся земля видна,
Облитая рассветною зарею,
Для обитателей речного дна
Вовеки недоступная сосна, —
Смотри, соединяется порою
С той рыбкой, что проворна и быстра,
Что плавает на дне реки холодной,
Блестая, словно слиток серебра,
Обозревая чудный мир подводный,
Который недоступен с давних пор
Для обитателей высоких гор...
Соединяет их огонь голодный.

* * *

А где-то учиняют самосуд,
Там вдребезги пластинки Баха бьют,
И вопли музыки все нестерпимей,
Как будто бы у сердца струны рвут!..
И надо всем стоит культуры имя.

А где-то рушат школы и дома,
Как древо смерти, вверх взмывает пламя...
И дети мертвые лежат рядами,
И плачет мать, сошедшая с ума...
И надо всем стоит свободы знамя.

О, если б люди не знавали сроду
Такой культуры и такой свободы!

* * *

Верь опыту всей жизни, друг,
Тебя обманывать не стану:
Несчастье, что случилось вдруг,
Пришло негаданно-незванно
И мучает тебя теперь, —
Минует все-таки, поверь!

А счастье, что из года в год
Так терпеливо и достойно
Ты сеял, все-таки взойдет,
Подыметя светло и стройно
И снимет беды как рукой,
И сердце обретет покой.

* * *

Давным-давно залеченная рана,
Оставшаяся шрамом на груди,
Порой напомнит о себе неожиданно,
И это – знак, что близятся дожди,
Но за ненастьем вслед наступит ведро,
И – боли нет, и тело снова бодро.

А рана, что душе нанесена,
Всегда открыта и зануть готова...

В предчувствии ненастья мирового
Душа – как лист: и вся дрожит она,
Едва дыханье бурь ее встревожит...
И долго,

долго

боль пройти не может.

* * *

«Друзья познаются в несчастье».
Но ты, испытав друга,
Не жди от судьбы напасти,
Чтоб горло сдавила туго,
Чтоб в грудь проникла, сжигая...
Проверка есть и другая.

Когда заглянет удача,
Иной, с досадой не справясь,
Поздравит тебя, чуть не плача...
И щедрость души, и зависть
Увидишь ты – как на блюде...
...И в счастье друзья познаются.

* * *

Огромный непроточный пруд
Был чист и светел в дни апреля,
Но с холодами загустели
На глади льдинки – там и тут...
Воде спастись не удалось:
Она промерзла вся насквозь.

А рядом – быстрая, живая,
И суетлива и звонка,
Бежала струйка родника,
Укрывшись мхом, не отдавая
Морозу ни души, ни тела...
...Не умирать она умела.

Первый снег

Как бывала радость горяча,
Если на открытую ладошку
Звездочки садились, щекоча!..
Языком слизнешь их понемножку, –
Вкусен в детстве раннем первый снег.
Пахнет ожиданьем первый снег.

А сегодня глянул сквозь стекло:
Что ж это?! Кругом белым-бело!
Седина ветвей над крышей белой...
Да когда ж все побелеть успело?!
Стал напоминаньем первый снег.
Пахнет расставаньем первый снег.

* * *

Любой из нас, кто трудится во имя
Мечты, – с другими нераздельно слит,
С другими вместе жизнь вперед стремится
И длит свой век в содружестве с другими.

В пространстве он и времени живет
На собственном, ему присущем, месте,
Мир до краев мы заполняем вместе:
Не терпит человечество пустот!

И если вдруг исчезнет кто-нибудь
Из плотной, из горячей этой ткани, –
В дыру ворвется вихрь... И, сердце раня,
Вселенский холод обожжет мне грудь.

* * *

Только домчится весть об удаче
Вашей, друзья, любимые мною, –
Радость нахлынет струей горячей,
Музыка в сердце плеснет волною,
Словно бы стала душа богаче
Новой певучей струной одною.

Если же траурное крыло
Вести прискорбной ударит зло, –
Вздрогнет от боли, еще не испытанной,
Лопнет струна, натянувшись сверх мочи...
Долго в душе у меня звенит она,
Плачет сухими слезами, молча...

* * *

С каждым годом больше их число,
Кончилась для них тропа земная...
Столько близких время унесло,
Силу смерти скорбно утверждая!
Вместе с каждым из моих друзей
Умирает часть души моей.

Но не убывает вокруг народ.
Вижу, мысли горькие напрасны:
Что ни год – число людей растёт,
Силу жизни утверждая властно.

Новые рождаются друзья,
С ними – частью!– возрождаюсь я.

* * *

На горы глядя, думал я не раз,
Что некий богатырь в припадке злости
Содрал со степи кожу, разъярясь,
Скрутил, переломал каменья-кости,
И вознеслась до неба крутизна,
Чтоб миру показать, как смерть сильна.

Но, может быть, из горцев не один,
Степные наши увидав просторы,
Подумал, что какой-то исполин
В приливе гнева уничтожил горы,
Сровнял с землею, затоптал сполна,
Чтоб миру показать, как смерть сильна.

* * *

Старики сказали мне:
«В этот день – твое рождение».
Я поверил им вполне,
И пирую в этот день я –
И не раньше, и не позже! –
С теми, кто мне всех дороже.

Старцы имя дали мне.
Благодарен им вдвойне:
Если б имя мне не дали,
То, друзья мои, едва ли
Собрались бы мы сейчас,
Так сердечно веселясь.

* * *

Я видел тех, кто никогда не плачет,
Кто лишь смеется... Видел также тех,
Кто только плачет, кто забыл, что значит
Целительный, как горный воздух, смех.
И хоть не часто, все же мне встречались
Те, что не плакали и не смеялись.

А ведь душа тогда-то и прекрасна,
Когда, стремясь на волю изнутри,
Соседствуют в ней стройно и согласно
Все эти три способности. Все три,
Сливаясь, чередуются, как волны,
И жизнь сияет солнечно и полно.

Единственное счастье

Есть на земле для каждого из нас
Одно-единственное счастье,
И все мы ищем каждый день и час
Свое единственное счастье,
Но так как больше двух мы не имеем глаз,
То трудно разглядеть единственное счастье.

Однако в мире, среди толп людских,
Есть много миллионов глаз других,
Что могут разглядеть и в бурю и в ненастье
Искомое, единственное счастье.
А вдруг мое найдет один из вас?
Прошу я, — сообщите мне тотчас!

* * *

Почему со мной несмело
Речь заводишь всякий раз?
Так приличие велело?
Сердца ли велит приказ?
Почему ты хмуришь брови
При малейшем нежном слове?!

Ни ответа нет, ни счета
Грустным этим «почему?»...
Намекни!..

Но страшно что-то
Стало сердцу моему!
Лучше уж молчи и мучь,
Но оставь надежды луч!

* * *

...Когда подумаешь, вся жизнь была,
Быть может, даже в детстве самом раннем,
Всего лишь непрерывным ожиданием
Той радости, которая плыла
Тебе навстречу из туманной дали...
О, как ее глаза и сердце ждали!

И ожидание благословенно,
Ведь день грядущий будет непременно,
И сладко нам мечтать об этом дне!..

Но что сравнится с радостью свершенья,
Когда – через преграды и лишения –
К тебе въезжает Счастье на коне?!

* * *

Зачем тащить весь город на руках?
Лишь назову – он пред тобой предстанет.
Зачем склоняться пред тобой во прах?
Скажу «люблю» – и сердце не обманет!..
А там друг друга мы поймем без слов,
И станет мир для нас широк и нов.

Но чтоб, как город, слово зазвучало,
Чтобы запело, как любовь, оно,
Ты ожидать его должна сначала,
Иначе слово – пусто и темно.
Да предварит душевное доверье
То слово, что тебе скажу теперь я!

* * *

Погляжу очарованным взглядом,
Две горы, две сестры, – будто рядом,
Что меж ними лежит?.. Пустяки!
Шаг один, мановенье руки!
А спроси человека бывалого,
Скажет: «Верст этак сотня – без малого».

Вспомню взгляд твой – лучистый, лукавый,
И разлуки – как не было, право!
И меж нами не море тоски –
Шаг один, мановенье руки!..
А спроси человека бывалого,
Скажет: «Тысяча верст – без малого».

* * *

С тех пор как я люблю тебя, с тех пор
Чудес не счесть во мне и во Вселенной.
И нынче, рассмотрев себя в упор,
Был поражен я новой переменной:
Все люди, что мне издавна знакомы,
Теперь предстали как-то по-другому.

Я вижу то, что в них не различал
Иль, может быть, отталкивал упрямо?
И кажется, что к солнечным лучам
Прибавился один – пытливый самый...
Он мягко озаряет все живое –
Луч нежности, затепленный тобою.

* * *

Когда, ошибки не поняв моей,
Хвалил меня согласно хор друзей
И улыбался я самодовольно, —
Ты, ты одна, хоть сердцу было больно,
В слезах, все мужество свое призвав,
Твердила: «Ты не прав!.. Нет, ты не прав!»

Когда ж, моей не видя правоты,
Друзья меня корили за ошибку,
Лишь ты одна сияла мне улыбкой,
Мои сомненья разгоняла ты
Словами: «Да, ты прав!.. Ты все же прав!»,
Доверием мне силы даровав.

* * *

Как раз в те дни, когда струистый
дым похвал
Приятной теплотой мне нервы щекотал
И я, прикрыв глаза, впивал
блаженство это, –
Тебя прислала жизнь... И ты была ясна,
Обыденна была, как холодок рассвета,
Прервавший сладкий бред обманчивого сна.

Ты обожгла меня своей слезой живой...
По нервам пробежал негромкий возглас твой:
«Опомнись! Ты взялся за Дело для того ли?!»
И вдруг очнулся я, я сбросил забытье
Под взглядом глаз твоих, трепещущих
от боли...
О Добрая! Прости забвение мое!

* * *

– В юности, в далекие года
Любим мы, смущаясь и робея...
Чуть не разлучился я тогда
С девушкой любимую своею
Из-за этой робости смешной... –
Нынче вспоминал приятель мой.

В юности?! О нет, не соглашусь!..
Нет, когда б оно ни разгорелось,
Пламя необузданное чувств, –
Все равно теряют люди смелость!
У подростка ли, у старика,
Коль пришла любовь – она робка!

* * *

В детстве на поблекшей иллюстрации
Ныне позабытого журнала
Увидал впервые, может статься, я
Ту, что светоч над землей держала.
Излучая пламя золотое,
Женщина парила над землею.

Но теперь, когда полжизни кануло
И виски покрыты сединой,
Лишь теперь я осмысляю заново
Ту картинку, виденную мной,
Преклоняясь, постигаю суть
Женщины, что озаряет путь.

* * *

Сколько свежести в народном слове,
Вещей мудрости, что вечно внове!..
С завистью учусь ему, дивясь
Простоте, не знающей прикрас,
Уху, что полет пушинки слышит,
Глазу, видящему дрожь звезды,
Сердцу, что со всеми вместе дышит,
Замирая от чужой беды...
Полный благодарности, храню
С детских лет усвоенное мною...

Вслушайтесь: «Уставшему коню
В тягость даже облачко сквозное».

Слово

Мерцающая, словно светляки во тьме,
Сквозь ум настороженный и открытый
Слова проходят, будто бы сквозь сито...
И лишь одно останется в уме.

И слово это, проясняя суть
Строфы,
еще плавучей и непрочной,
Войдет в нее, на место встанет точно, –
Не передвинуть, не перечеркнуть!

И, брызнув, свет польется от него,
И теплота, лучистая, живая,
Преобразит слепое вещество
Стиха,
внезапно жизнь в него вдувая.

* * *

Создавший Гамлета бессмертный гений,
Игравший принца Гамлета на сцене,
Писавший Гамлета на полотне,
С тоскою Гамлета сроднясь вполне,
Его страданий разделяли бремя
И забывали о себе на время.

Но каждый мастер, Гамлета лепя,
Являл в искусстве самого себя.
И личности сокрытое зерно
Светилось в каждой черточке победно...
...Творение найдется ль хоть одно,
В котором бы творец исчез бесследно?!

* * *

Не бряцай оружием напрасно!
Даже малолетним нынче ясно –
Это может породить беду!
А сонеты, эпиграммы, басни –
Не оружие разве?.. Что опасней?!
Сразу я ответа не найду.

Прежних войн железные останки –
И не то что шпаги, даже танки! –
За ненужностью сданы в музей.
Но, как встарь, поэзия Шекспира
Сокрушает злые силы мира,
Помогая правде наших дней.

Мой стих – владыка мой

Пока не кончена строка,
Пока не дописал, пока
Метафоры издалека
Еще ведет моя рука,
Пока не завершен мой стих, –
Владыка я стихов моих.

Но завершился он, и вот
Своей судьбою он живет,
В сердца закинет сеть и ждет...
Сто радостей иль сто невзгод,
Что принесет он мне домой?!
Теперь мой стих – владыка мой.

* * *

Одoleвая труд высокий,
Всем напряженьем слабых сил,
Сегодня пушкинские строки
Я, осмелев, переводил.
Я погружался с головою
В кипенье лавы огневое,
В кристально свежую струю...
Гигант мне задавал загадки
И рифму бедную мою
Клал то и дело на лопатки...
Но все ж я ощущал сквозь труд,
Как мыслей мускулы растут.

* * *

Едва за книгой руку протяну
И пушкинские разверну страницы, –
Забыто все, я у него в плену,
И тихая беседа наша длится...
Великий Пушкин не ушел с земли,
Он – лишь во времени ином, вдали.

Он здравствует во времени ином,
Как твой старинный друг иногородний.
Он, Пушкин, там творит еще сегодня,
Вот только не порадует письмом,
Но книга это возместит сполна,
Она, как путь, связует времена.

* * *

Над стройкой солнце мрело еле-еле.
Рабочих жалил, обжигал мороз.
Он свирепел, он с каждым часом рос
Так, что сердца у всех оледенели,
И людям думалось, что этот лед
Теперь уже ничто не разобьет.

Но вдруг, теплом весенним обдавая,
Пробилась, хлынула струя живая,
Как ток, прошла через сердца насквозь,
Взломала, растопив, оледененье...
Вверху

из репродуктора

лилось:

«Я помню чудное мгновенье...»

* * *

Вечен времени океан.
В нем живем, хоть живем лишь раз,
Как колосья в сердцах семян,
Как грядущие люди в нас,
Потому что большак времен
Лишь в грядущее устремлен.

Хоть Шевченко в земле сырой,
Хоть и Пушкина нет в живых,
Но я к ним прихожу порой,
Чтобы слушать их вечный стих.
Нет гигантам забвенья лет –
Весь в грядущем их яркий свет!

* * *

Ты прав, мой друг: незыблемо прочна
В благие

и в лихие времена
Поэтов незапятнанная слава.
А деспот или временщик крутой,
Мир попиравший тяжкою пятой,
Забудется людьми, как сон кровавый.

Не иссякает Пушкина родник,
Не увядает Лермонтова стих...
А мертвый деспот страшен нам едва ли...
Но не забудь:

цари, временщики,
При жизни,
мановением руки
На смерть твоих поэтов посылали!

Возвращение праха Огарева

Густая морось, гроба край свинцовый,
Венки, венки – в лучах прожекторов...
Встречаем прах поэта Огарева,
Из-за границы прибыл Огарев...
Я слышу чей-то голос незнакомый:
– Вот наконец ты и в России, дома...

В России... Но, пожалуй, и доньше
Друг Герцена не расставался с ней...
Лишь тело пребывало на чужбине,
А дух был здесь, на родине своей,
Где воссияло правды торжество...
...Вот почему к нам прибыл прах его!

Книга

Г. Р. Каримовой

В моем шкафу теснится к тому том,
И каждый том на полке – словно дом.

Обложку-дверь откроешь второпях, –
И ты вошел, и ты – уже в гостях...
Как переулок – каждый книжный ряд.
А весь мой шкаф – чудесный Книгоград.

Когда ты будешь в этот город вхож,
Из Прошлого в Грядущее пройдешь,
Заглянешь в страны и во времена:
Любая книга – время и страна...

Здесь, в комнате моей, из года в год
Все человечество в ладу живет.

* * *

Алиму Кешокову

Утрами, если не было тумана,
В тот час, когда на Маныче-реке
Резвятся исполинские сазаны,
Не раз Эльбрус я видел вдалеке.
Пленяло глаз на дальнем расстоянье
Округлых куполов его сиянье.

И вот вблизи, где словно на ладони
Все щели, все опалины на склоне,
Как прежде, я величием его
Любуюсь,

не следя за мелочами.

...Эльбрусом станьте, – только и всего! –
Чтоб люди мелочей не замечали.

* * *

В живую ткань стиха, в его нутро
Воткнув, подобно скальпелю, перо
И от сустава отделив сустав,
Стал критик изучать его состав,
Принюхиваться, с лупой суетиться
Над каждой разъятою частицей.

У критика дотошного в руках
Стихи распались, превратились в прах,
В безжалостно искромсанное тело,
Душа стиха со стоном отлетела...
А критик все доказывал пространно,
Что не было в стихах души ни грана.

* * *

Склоняясь к трубке телефонной,
Шептал он:

– Милая, люблю! –
Часами ворковал влюбленно,
Сердился, точно во хмелю...
Лицо все чувства излучало.
А трубка между тем... молчала,

Он словно повторял ответы,
Как будто ревностью палим...
А «милой» и на свете нету:
Все им придумано самим.

...Быть может, так и мы, поэты,
Порою с жизнью говорим?!

* * *

А я любил поэзию твою!..
Как восхищался я строфою трубной, –
Что в час войны, в час испытанья трудный
За Родину ты жизнь отдашь в бою!
Как мысль твоя казалась мне светла!
Нагрянула война... Война прошла...

И лишь теперь я узнаю, поэт,
Как повернулось все на самом деле...
Ты скрылся в тыл от всех военных бед.
Нет у тебя царапин ни на теле,
Ни на душе... Опять трубишь, зовешь...
И злишься, что тебя не любит молодежь...

* * *

– О том, что есть, скажи, что нет,
И ты увидишь райский свет...
А слово – что?.. Бесплотный звук!.. –
Когда б мне так сказали вдруг, –
Не согласился б и тогда,
Не то бы умер от стыда.

– Скажи, что нет того, что есть,
Иль головы тебе не снести! –
Грозил бы, приставив нож, –
Молчал бы я, живой едва...
В неправду – правду, в правду – ложь
Способны превратить слова!

* * *

Солнцем напоен дóсыта воздух,
Солнце – в листьях вырезных и гроздьях
Молодой акации расцветшей.
Тащит воду с дальнего колодца
Девочка,
 под тяжелой ношей гнется,
Вздрагивают худенькие плечи.

Может, мать ее лежит больная.
Может, нету матери... не знаю...
Только не до солнца ей сейчас!
Да и мне оно другим предстало:
Точно хлеб из желтого металла
Подали голодному, глумясь.

* * *

Если вдруг возникнет сила злая
На неровном жизненном пути
И она надвинется, желая
Придавить меня и прочь смести, –
Пощади меня, судьба, помилуй –
Дай мне справиться с враждебной силой!

Если ж – волей случая шального –
В стороне возникнет где-нибудь
Сила, что опасна для другого,
И внезапно мне наполнит грудь, –
Сердце мне пронзи, чтоб не теснила,
Вытекла бы с кровью злая сила.

* * *

О судьба!.. За то, что по незнанию
Совершил я грех в былые дни,
Ниспошли любые испытанья,
Но одною казнью не казни:
Ты не насылай мне в дни печали
Тех друзей, что совесть растеряли!

Но за то, что, осознав ошибку,
Я делами искупил свой грех,
Подари мне хоть одну улыбку:
Дай ты мне врагов достойных – тех,
У которых совесть сохранилась!
Будь щедр! Яви такую милость!

* * *

Мы провожали друга до могилы.
О крышку гроба комя застучали.
И острой болью грудь у всех сдавило,
Невольно все потупились в печали...
Когда ж родные зарыдали в голос,
Казалось, в сердце что-то расколосось.

Тут некто по бумажке, монотонно
Пошел читать, следя при этом зорко,
Чтоб в текст, проверенный и утвержденный,
Не вкралась бы какая оговорка...
И вдвое больно стало нам тогда
От горестной обиды, от стыда.

* * *

Друг, душой мне преданный вполне,
Захотел мне оказать услугу
И не смог – не по своей вине...
И как будто подменили друга:
Встретится – обходит стороной,
Словно он в долгу передо мной.

Да и я смущенно прячу взгляд,
Точно сам я в чем-то виноват.

Так, помимо воли и сознания,
Все меж нами вкривь и вкось пошло...

Неужели доброе желанье
Может дружбе послужить во зло?!

* * *

Зачем – скажи!– ты растравляешь снова
Мучения, что сглажены судьбой,
И, воскрешая боль пережитого,
Как будто бы любишь себя собой,
Упрямо душу бредишь и тело
Страданьем, что давно перегорело?

Быть может (так порою мне казалось),
Тебе нужны сочувствие и жалость?..
Соблазны эти я и сам вкусил
И понапрасну говорить не стану:
Вылизывая собственную рану,
Никто не набирался свежих сил!

* * *

Обиду-злосчастье того, кто рядом,
Заметил один сердобольным взглядом, —
И грусть оживила его лицо.

Победу-удачу того, кто рядом,
Заметил другой довольным взглядом, —
Злорадство скривило его лицо.

Победу-удачу того, кто рядом,
Заметил один добродушным взглядом, —
Улыбкой лицо его расцвело.

Победу-удачу того, кто рядом,
Заметил другой завидущим взглядом, —
Гримасой лицо у него свело.

Жизни вечное продленье

Одна судьба нам, смертным, суждена:
Все мы, как есть – со славой
и без славы, –

Исчезнем так, как исчезают травы
По осени, оставив семена...
И поколения, что придут на смену,
Свои пути проложат во Вселенной.

Но, заместив нас на земле, они
Нас не отбросят, в прошлое отчисля;
Все лучшее, что было нам сродни,
Впитают жадно их сердца и мысли...
Не смерть несут нам эти поколения,
Но жизни нашей вечное продленье.

К людям будущего

Люди будущего!.. Внуки!
На минувшие века
С высоты своей науки
Не смотрите свысока!..
Правнук, мудростью не хвастай:
Много ль знал бы ты без нас-то?!

Не пустые это бредни...
Сам подумай, дальний друг:
Ты ведь тоже не последний...
Ладно ль будет, если вдруг
И твои труды и муки
Не зачтут в грядущем внуки?!

* * *

Под мерзлым настом, где земля черна,
Зимой суровой спали семена.
И в каждом семени поодиночке,
Почти неслышно, в плотной оболочке
Бродили соки и – сквозь сон – влеклись
Неясно, но упрямо
вширь и ввысь.

Весною

семена цветов и трав
Вон из себя рванулись в сладкой боли,
И Солнце, руки жаркие подав,
Освободило всходы из неволи...

...Две силы нас влекут
к теплу и шире:
Одна – в тебе, другая – в добром мире.

* * *

С тех пор как вертится Земля,
Все те, кто жить на ней достойны,
Душе стремиться вдаль веля,
О счастье мыслят беспокойно.
Как вырастить его цветок?..
Ты им хоть чем-нибудь помог?

Поняв, где истина, где ложь,
Стань всех других неутомимей
И мыслью творческой умножь,
Что было найдено другими.
Лишь мысли благодатный сок
Прекрасный вырастит цветок.

* * *

Я знаю твердо: сбудутся мечты,
И различаю сквозь двадцатилетье
Грядущего прекрасные черты...
Я с ним в родстве. Я за него в ответе.
И нашу кровную скрепляю связь,
Моею жизнью с ним сейчас делюсь.

Так наши деды завещали нам:
Во имя будущего – нашей были –
Они делили тоже пополам
Всю жизнь свою... И так нас одарили,
Что мы теперь, властней из года в год,
Истории диктуем ход.

* * *

Когда я вижу в солнечной аллее
Веселых наших юношей гурьбу,
Невольно сравниваю их судьбу
С давно минувшей юностью своею,
Где было столько и преград, и бед,
И с грустью молодым смотрю вослед.

И все-таки им благодарен я –
Счастливым этим, ясноглазым этим...
Не потому ль со злом и лихолетьем
Отважно билась молодость моя,
Что эти дети из туманной дали
Грядущего
мне тайно помогали?..

* * *

«Решиться – значит победить» –
Слова, достойные мужчины...
Ты хочешь истину добыть?
Так не откладывай почина
Хотя бы на короткий срок!
Все отговорки – лишь предлог.

Решись! От долгих колебаний
Тупеет силы острота –
Осмелся! Но пойми заранее,
Где – правда, где – неправота,
И с правдою в душе – иди!
Решись!.. Победа – впереди!

* * *

«Да», «нет» – два этих слова-острия
Решают все задачи бытия.
Но, юноша, избравший смелый путь,
О слове «нет» немедля позабудь!
Сам пред собой не громозди преград!
Да, только да!.. Вперед, а не назад!

Да, только да!.. Рывком – через порог!
Да, только да!.. С отрога на отрог,
С вершины на вершину устремись!
Да, только да! По горным тропам – ввысь!..
Кто честным помыслам ответил «да!»,
Не знает поражений никогда!

* * *

Когда душе не хватает сил
Достичь того, что счастьем мнилось, —
Не проклинай судьбы немилость!
Пусть белый свет тебе постыл
И не найти ни в чем отрады, —
Впадать в отчаянье не надо!

Пойми — в тебе самом довольно
Пустейших свойств, никчемных пут,
Таких, что вольно иль невольно
Все огорченья создают.
Попробуй сбрось их в одночасье —
И ощутишь почти что счастье.

* * *

Если ты чего-нибудь достиг,
Не страшись жестоких слов и яда,
Закипевшего в сердцах людских,
Подави в душе своей досаду,
Воли не давай негодованью,
Зависть – это, в сущности, признание.

То, что порождает гнев и зависть
У корыстных, чья душа темна,
Добрые посеет семена
В щедром сердце... И ростки, расправясь,
Заглушат со временем то зло,
Что в ничтожных душах проросло.

* * *

Картины романтической земли
Меня, как многих юношей, влекли.
Мне снились Индия и берег Сены,
Венеции каналы и мосты...
И, пробудясь, себе твердил я:
«Ты
Увидеть это должен непременно!»

Но до сих пор собраться я не мог
В Баку и Киев... Слышу их упрек...
И если я поеду за границу,
То поступлю, как неразумный мот,
Тот, кто к предметам роскоши стремится,
А сам друзьям долги не отдает.

* * *

Когда толпа жестоких бед, —
И мелких бед за ними вслед! —
Плечами оттеснив удачу,
Сойдется вдруг на твой порог,
Ты не отчаявайся, плача;
Верь, ты не будешь одинок.

Не без добра наш мир большой:
Найдутся чуткие душой,
Они услышат непременно
Твой зов, хотя б издалека!
Земля жива, и жизнь крепка
Их добротой благословенной.

* * *

Если мысль твоя глубока,
Но лишился ты языка
И беспомощен стал и нем, —
Все ж глаза твои, пальцев дрожь
Мысль твою перескажут всем,
У людей ты отклик найдешь.

У кого ж ни мыслишки нет,
Тот, кто сердцем известен злым, —
Пусть он мелет хоть сотню лет
Языком бескостным своим, —
Где найдется то существо,
Чтобы вслушалось в речь его?

* * *

Парнишка напоролся на стекло,
Землею подсушили кровь ребята.
И пострадавший смотрит виновато.
Бредет он, опираясь тяжело
На руку друга этак лет семи...
Пришли домой... Стоят перед дверьми.

Увидев рану на ноге сынка,
Бледнеет мать.

О муках столбняка
Впервые друг услышал... Поднялось
Большое состраданье в сердце малом.
Приятеля он пожалел до слез...
И, может, нынче человеком стал он.

* * *

Малыш игрушку бросил дорогую,
Которую берег еще вчера:
Неинтересной сделалась игра,
И просит он:

– Купите мне другую! –
Нет, это не каприз, не баловство...
Печальным стало личико его,

В его глазах прозрачных – беспокойство.
Игрушки хитрой понял он устройство:
Все это – не взаправду, не всерьез...
Так на одно познание он возрос.

О, сколько горестных таких познаний
Придет к нему, обогащая, раня!..

* * *

Под окнами квартиры незнакомой
Расплакалась девчурка, оступясь,
Тотчас же вышел человек из дома,
Конфетку дал ей, приласкал, смеясь.

Но девочка кричит и плачет снова:
Гусак ее за ножку ущипнул...
Не вышел дядя... Молча протянул
В окошко сахар, поглядел сурово...

Когда ж царапнула девчурку кошка,
Услышав плач, он затворил окошко.

...Детишки, ясно вам, что это значит?
Не любят люди тех, кто часто плачет.

* * *

Застыл внезапно дождик морозящий
И тоненькие веточки одел
Богатой тканью – пышною, блестящей,
И ветки свой восславили удел.
А тут еще под утро выпал иней
И одарил их пестротой павлиньей.

И красовались ветки до поры,
Гордясь алмазами и льдистым звоном,
Но вдруг поникли с еле слышным стоном,
Еще не понимая, что дары –
Увы! – им оказались не под силу,
Что изобилье их сломило.

* * *

Три вида сплетников известны мне
На всей земле. И в нашей стороне:
Родивший сплетню. Подхвативший сплетню.
И, наконец, тот самый индивид,
Кто сделать жесткий вывод норовит
Из каждой сплетни... Этот вид последний –
Для сплетни плодородный чернозем,
Ее расцвет, ее опора – в нем...

И если где-нибудь до руководства –
Не ровен час!– подобный тип дорвется,
Его гоните, не жалея сил,
Покамест он еще не навредил!

* * *

У каждого – свой нрав, своя душа,
Свое лицо, своя любовь и жалость.
И ты, ко всем подладиться спеша,
У каждого заимствуешь хоть малость.
Манеры, взгляды, чуть заметный штрих –
Все у знакомых перенял своих.

Все у тебя чужое – глаз и слово...
А собственный характер твой каков?
Не вроде ли наряда шутовского,
Того, что спит из пестрых лоскутков,
Где все оттенки, кроме одного –
Единственного цвета –
своего!

* * *

В заветах нашей старины
Есть благородные законы,
Мы презирать их не должны...
И почитает неуклонно
Калмык – обычай наш таков! –
Седобородых стариков.

Однако в древний тот закон
Дух современности внесен;
«Да, борода твоя бела,
А совесть?.. Блещет белизною?
Старик с почтенной сединою,
Почтенны ли твои дела?..»

* * *

Обидевший зазря кого-нибудь
Беснуется, как будто сам в обиде.
Обиженного смертно ненавидя,
Возмездие пытаясь оттянуть,
И днем и ночью ищет он пути,
Как новые обиды нанести.

И если ты, без умысла дурного,
Жестокое сказал кому-то слово,
От потаенной тяжести души
Скорей освободиться поспеши
И сладкого добейся очищенья,
За свой проступок попросив прощенья.

* * *

Два друга – те, что до сих пор
Клялись мне в дружбе неизменной,
Заметив мой приход, мгновенно
Переменили разговор,
Один вскричал, другой вскочил,
Излишний проявляя пыл.

Они свершили воровство,
Похитив у меня доверье.
И, ощутив их лицемерье,
Смутился я и оттого
Прочь отошел, краснея даже,
Как будто сам повинен в краже.

* * *

Если ты о старом друге
Злостно сплетничать начнешь,
Подчеркнув свои заслуги, –
Дескать: «Вот как я хорош!»,
Придержи язык в испуге,
А иначе – пропадешь!

Люди вспомнят в раздраженье,
Что и ты – не без грешка!
И тебя, по размышленью,
Заклеймят наверняка...
Словом, станешь ты мишенью
Своего же языка.

* * *

Тому, кто погибал в огне,
Кто закалился на войне,
Сказал, отважившись впервые,
Тот, кто войну в тылу провел:
— А ну-ка, покажи, орел,
Свои награды боевые!
Будь ты в бою и правда смел,
Тогда б ты разве уцелел?

Он злобно подмигнул при этом,
И был вопрос его

ответом —
Кто сам он есть... И до конца
Раскрыл природу подлеца.

* * *

Без всякого стеснения и страха
Залезть он тщится ближнему в нутро,
Сурово осуждает

и с размаху

На все и вся кладет свое тавро.
Выносит людям приговор жестокий,
Весьма похвальный проявляя пыл...

Но в чьей душе он подсмотрел пороки,
Которые он – честный! – заклеил?..
Уж не в свои ль он углублялся недра?
И вот других он оделяет щедро
Чертами злыми, что ему сродни...
Не стану спорить: истинны они!

* * *

Молодые, берегитесь зависти!
Стоит ей открыть свой черный рот,
С ней, коварною, непросто справиться:
Оплетет, вокруг пальца обведет!
Мягкой приближается походкою...
Тотчас же ее огрейте плеткою!

Зависть наше зренье ослепляет,
Слух и совесть ядом усыпляет.
Бросит горечи зерно,

и вмиг

Замутится творчества родник...
Зависть – злого суховея суше,
Губит

разума ростки

и души.

* * *

Доценту строгому сдают зачет,
Нет-нет схитрит студенческий народ:
Перемигнутся, достают, условясь,
Шпаргалку... И, тотчас ее заметя,
Доцент кусает губы:

– Вы – как дети!

Я вижу все... Да где же ваша совесть?!

Но есть преподаватель в институте,
Кому сдают зачеты без обмана.
Мол: «Провалюсь?.. Ну что ж, не обессудьте!
А прибегать к шпаргалке я не стану,
Используя несчастье человека...»

...Он слеп, доцента строгого коллеги.

* * *

Не верь, что взгляды и черты,
Чем от других отличен ты,
Как жалкую песчинку – море,
Способен коллектив стереть!..
Со злыми языками споря,
Подумай сам и сам ответь!

Клянусь, что свежесть пестроты
Людей совсем иных, чем ты,
Несхожесть их, своеобычность
И судеб их водоворот
Лишь ярче личность подчеркнет
(Уж если он и вправду – личность).

Бедняги

Чувствую презренье, а не жалость
К тем, кто выставляет напоказ
Горе, что недолго продолжалось,
Боль, что длилась только день иль час,
И хотя они и жалки с виду, —
Резко отвергаю их обиду.

«Если настоящая беда
Неожиданно и грозно грянет,
Если вас несчастье в сердце ранит,
Что вы делать будете тогда? —
Мысленно кричу на них.— Бедняги,
Жить нельзя без воли и отваги!»

* * *

Тот, кто ошибку совершил одну,
Признался в ней, раскаяньем тревожим...
– На первый раз простим ему вину! –
Сказали люди.– Выправим!.. Поможем! –
Но кто-то крикнул, злобой распален:
– Дурную, мол, траву – из поля вон!

Тот злобный обвинитель, говорят,
Был во сто крат сильнее виноват
И не одну, а сто свершил ошибок...
...Как жаль, что ум у нас подчас негибок
И не всегда способны мы понять
Природу тех, кто любит обвинять.

* * *

Тот, кто и вправду был душой высок
И знаменит познаниями своими,
Сказал однажды: «Здесь я не знаток...»
И гения прославленного имя,
В глазах людей не потеряв нимало,
Еще светлей и чище засияло.

А кто себя всезнающим считал,
Кто был самоуверен без предела,
Тот говорил: «На свете нету дела,
Нет ничего, чего бы я не знал!»
Так похвалялся он...

И вот, поди же,
Лишился даже прежнего престижа.

* * *

Если вновь заведешь ты рассказ
Про заслуги свои боевые,
Буду слушать тебя, как впервые,
Хоть встречал я все это не раз
В изложениях новых и старых,
Да и в личных твоих мемуарах...

Знаю, ты не причастен ко лжи.
Ты правдив... Но правдив до конца ли?..

О других, о друзьях расскажи...
Разве плохо они воевали?
До конца ли ты честен и прав,
Полной правды о них не сказав?..

* * *

Когда свершивший славные дела
Не награжден – внакладе он едва ли:
Молва о нем по-прежнему светла,
Дела его цены не потеряли;
Зато теряет уваженье тот,
Кто не воздал достойному почет.

Когда ж хитрец, бесславный до сих пор,
Наградой завладел путем обмана, –
Почетнее не стал он. Как ни странно,
Он только приумножил свой позор.
Всего же больше опозорен тот,
Кто хитрецам награды раздает.

* * *

В работе ты и впрямь мастак,
Но метких рук твоих уменье
В тебе живущий злобный враг –
К деньгам излишнее стремленье –
Позорит, по твоей вине.
И это, друг, обидно мне.

Что ты разумен – знает всяк,
Познаний у тебя с избытком,
Но злой, в тебе живущий враг –
Любовь излишняя к напиткам –
Твой разум топит в болтовне.
И это, друг, обидно мне.

* * *

Кто хочет обойтись в работе
Без всякой помощи людской,
Тот ошибается в расчете,
Увы, с гордынею такой
Уйти удастся недалеко,
В таком тщеславье мало прока...

Но есть в числе моих знакомых
Тот, кто свершает большой промах.
Кричит он, лишь себя ценя:
«Не обойтись им без меня!»
А сам – товарищам помеха...
Нет, не видать ему успеха!

* * *

При мне насмешливый бездельник
Кричал, что деньги – ерунда!
– Я знаю, ты всегда без денег,–
Ответил я ему тогда, –
Чтоб презирать рубли и медь,
Все ж нужно их сперва иметь.

При мне бездарный рифмоплет
Глумился злобно и лукаво
Над поэтической славой.
Ему сказал я в свой черед:
– Чтоб славою не дорожить,
Все ж нужно славу заслужить!

* * *

Известный пьяница-лентяй
Зашел к соседу в дом:
«Сосед, займы трояк мне дай!
Готов поклясться в том,
Что в срок отдам, а срок – среда...»
Он лгал, не ведая стыда.

Сосед не стал корить: «Не лги!»
Он молча снял башмак,
Вложил меж пальцами ноги
Трояк и молвил так:
«Бери займы, но – у ноги,
Ведь ей идти взимать долги!»

* * *

Одолевая неудачи,
Упрямо двигайся вперед,
От всех свою усталость пряча,
К той цели, что тебя зовет.
Пусть даже велика помеха –
Не жалуйся, собой владей!..
Не льстись на блески лжеуспеха,
Но верь в себя.

И верь в людей.

И, пред собой и миром прав,
Ты все ж достигнешь цели трудной,
Той, что мелодиею чудной
Тебя звала,
тебя избрав.

* * *

Вот так картина вдалеке
Моим предстала взорам:
Калмык верхом на ишаке
Скакал степным простором!
Ну и скакун!.. Какая статья!..
Невольно стал я хохотать.

Калмык на ишаке – смотри! –
В степи гарцует смело!

Так хохотал я, что внутри
Все словно опустело,
По жилам горечь разлилась,
И слезы брызнули из глаз.

* * *

И когда двадцать лет спустя
В край калмыцкий, в наши хотоны,
Привезли курдючных овец,
Чабаны, глазами блестя,
Их поглаживали восхищенно:
«Вот и дома вы наконец!..»

Повели их в степи родные...
И, дыша зултурган-травой,
Что-то вспомнили вдруг иные...
А кой-кто мотал головой,
Дескать, «нас не купишь задешево!..
Что за степь?.. Ну, что в ней хорошего?!».

* * *

Досы́та наглотавшись мяса,
Которое добыла мать,
Орленок зашипел, затрясся
И начал перышки щипать
У матери своей – орлицы,
Стремясь отвагой похвалиться.

Но промелькнула тень чужая...
Под брюхо матери – в доверье –
Орленок спрятался скорей...

Я усмехнулся, вспоминая
Тех смельчаков, что щиплют перья
У доброй матери своей.

* * *

С трудом неся свое тугое вымя,
Налитое весенним молоком,
Что пахнет сладко травами степными,
Корова наша движется бочком...
Того лягнет, а этого боднет...
Полным-полно с упрямицей хлопот.

Была у нас коровушка кротка,
Добра... Да не давала молока,
И мы расстались с ней без разговоров...
А этой сходит всякая вина –
Проказы вечные, строптивый норов:
Все искупает молоком она!

* * *

По мотивам фольклора

Неделю средь песков блуждая даром,
Завидел антилопу мощный Лев.
Настиг ее, убил одним ударом...
И, вдоволь мяса свежего поев,
Взревел во всю пустыню гордый зверь:
«Кто в силах победить меня теперь?!»

Охотясь тщетно два ли, три денька,
Лисица увидала зайца в поле,
Его загрызла, погоняв слегка...
Когда ж зайчатины наелась вволю,
Запричитала жалобно она:
«Опять я скоро буду голодна!»

Из индийской
тетради

Махатма Ганди

Без рубахи, высохший и строгий,
В зимний холод или в летний зной,
День и ночь идет он по дороге
С ношею нелегкой за спиной.

В утренних лучах, в вечерних росах
Двигается размеренно вперед,
Опираясь на дорожный посох,
Он – Махатма Ганди – вдаль идет.

Он идет своей походкой скорой,
Должен он в Грядущее пройти,
Океаны, облака и горы
Перешагивая на пути.

Крепнет воля в изможденном теле, –
Что нам плоть, когда душа сильна?!
Он идет по направленью к Дели
Через годы, через времена...

Он идет, костлявых плеч не горбя,
По пескам горячим босиком.
За его спиной – в истертой торбе
Индия вместилась целиком.

Он шагает по дороге – гляньте!
Взор его горящий не потух...

Я спросил его:

– Махатма Ганди,

Кто вы?

Человек вы или дух?

Если дух, что ж к людям неустанно

Ваши обращаются труды?

На тропе истории – песчаной –

Ваши не стираются следы?!

Если ж – человек... Зачем, отважась,

Вы, чьи мысли рвутся в вышины,

Взяли на спину такую тяжесть –

Индию – огромную страну?!

И громаду эту неуклонно

К свету увлекаете вперед,

Без единой жалобы и стога

В муках тащите из года в год.

...Опершись о посох деревянный,

Ганди приостановился вдруг.

Видно, вдумался в вопрос туманный,

Улыбнулся ласково, как друг.

И пропал...

На месте тени тощей,

Смутлого лица, горящих глаз

Я увидел пальмовые рощи,

Синева густая пролилась...

Индия... Тепло и человечность...
Въяве было мне разъяснено:
Ганди с Индией всегда – одно,
Их друг с другом уравнила Вечность.

Краски Рериха

– Краски Рериха!– вскричал Гагарин
В космосе, не терпящем длиннот,
Потрясенным сердцем благодарен
Красоте, что перед ним встает...

Вспомнил я гагаринское слово
В комнате прекрасной и простой,
Где меня мудрец белоголовый
Принимал с такою добротой.

С кротостью, сияющей во взоре,
Он следил, чтоб не смущался гость
За столом радушным – в Бангалоре,
Где недавно быть мне довелось.

Я не то что слова, даже знака
Упустить боялся у стола.
Вдумчивая, тихая собака
У колен художника легла.

И как будто приняла участие
В сдержанной беседе двух людей,
Молчаливо подтвердив согласие
С тем, что вложит в слово чародей,

На него почтительно взирая,
Не спуская глаз с его лица,

Думал я, как ценят в нашем крае
Труд его и труд его отца,

Что обоих Рерихов созданья
Оттого так дивно хороши,
Что прошли сквозь красочные ткани,
Сквозь гармонию большой души.

Кто поймет – как происходит это,
Как художник ловит на лету
Путь лозы, что устремилась к свету;
Взмах крыла, пробивший высоту.

И являет так, что все поверят
В мировое кровное родство...
...Вспомнил я, что человека мерят
Мерю потребностей его.

Малый ум, кому сродни беспечность,
Ценит жизнь, когда она близка.
Ум Великий осязает Вечность,
Мысль его летит через века,

Утверждая наших душ причастье
К травам, птицам – ко всему тому,
Что питает нашу веру в счастье,
В то, что солнце одолеет тьму.

...Вижу я на будущей картине –
Хоть ее пока в музеях нет –
Тот оранжевый, блаженно-синий
Окрыленный рериховский цвет.

На картине?.. Нет! Я вижу чудо:
Гений – не цвета, не колорит,
Не пейзажи, даже не этюды, –
Кистью он грядущий мир творит.

Этот мир взовьется – светозарен,
Сотворен из всех живых начал –
В космос, чтобы будущий Гагарин
Там его нежданно повстречал.

В тени дерева бо

В Индии, где древо бо, как чудо,
На бхопальской расцвело земле,
Где впервые предавался Будда
Размышленьям о добре и зле,
О междоусобном их боренье,
Вековечном, как само творенье,

Стал я в тень – у полога густого, –
Где в ладонь казались толщиной
Листья дерева того святого,
Что возшло до неба надо мной,

И, как будто уподобясь Будде,
Я решил тогда поразмышлять:
Что есть пища, одеянье, люди,
Что есть брат, любимая и мать?

Вдруг в душе возникло ощущение,
Будто древо бо, его листва, –
Лишь двойник иного существа,
Молодого Будды воплощенье,
Вот я втянут в некое вращенье,
Вот я самому себе дивлюсь:
Я былиночкою становлюсь!

И, природы царь высокомерный,
Чудным дуновением влеком,
Вдруг освободился я от скверны,
В новой плоти я порвал со злом.

Так почувствовал я озаренье, —
Прежней тяжести телесной нет,
Словно духа вольного паренье
Даровал мне милосердный свет.

Жизнь мудрей, чем самопогруженье,
И такую мощь в себе таит,
Что в своем загадочном движенье
Все живое заново творит.

Читая Ганди

На Родине, где угнетенья нет,
Где не терзают совести укоры,
Где голод побежден на много лет,
Где у тебя есть посох для опоры, –
В движенье вечном доживать свой век,
Благословляя это состоянье, –
Чего еще ты хочешь, человек?
Какие могут быть еще желанья?
А коль еще желанья томят –
Остерегайся! Ненасытность – яд.

* * *

«За то, что светом и любовью
Нас полнит молоко коровье
С рождения и до седины,
Как мать, чтима неизменно,
Корова в Индии священна...» –
Учил меня поэт один.
Все это было в центре Дели.
И в тот же миг на самом деле
Свет заслонил коровий глаз!
И вот, костлява и безброва,
Сама священная корова
Прошла, шатаясь, мимо нас.
Прошла – святилище печали,
Лопатки круглые торчали
Сквозь кожу с метами слепней.
И непонятно сердце сжалось...
Толпа снующая распалась
И расступилась перед ней.
Мой друг смущенно отвернулся.
Я вдумался и содрогнулся
Заложенному искоков:
Слепа от пустоты и жажды,
Вот так и мать уйдет однажды!
Я отвернулся, как и он...

* * *

Хлынул ливень предрассветный,
И каймою семицветной
Воссияла высота.
Снова даль глазам открыта,
А душа дождем омыта,
Вновь мечта – светла, чиста...

Вижу я, что берег гладкий
Испещрили отпечатки
Маленьких, прелестных ног.
Да продлится это чудо!
Следом поспешу, покуда
Океан их смыть не смог.

Но смотрю я виновато:
Признаюсь, в одну из статуй
Я вчера влюбился вдруг.
Девушка стоит немая,
Косы-мрамор отжимая
Мрамором прозрачным рук...

А сегодня с нею рядом
Ты стоишь... Лучистым взглядом
Смотришь вниз, перед собой
Созерцая переливы
Раковины прихотливой,
Той, что выбросил прибой...

Лучших два произведенья
Рядом, словно для сравненья,
Показали два творца,
Мол, любуйтесь неустанно
И сравните оба стана,
Оба нежные лица...

О природа! Мастер-Гений
Бесконечных превращений!
Я судить тебя посмел
В день, когда ты с полной силой
В юной женщине явила
Всех возможностей предел!

Может, я судья пристрастный?
Но земля и небо властно
Объявляют мне в ответ,
Что они со мной согласны –
Краще женщины прекрасной
Ни картин, ни статуй нет!

* * *

Ласкающие волны океана,
Поглаживая, обнимают нас:
Тебя, что из Грядущего неожиданно
Ко мне, в Сегодня прорвалась, смеясь.

Меня, кто, Настоящее минуя,
Из Прошлого рванулся к счастью вдруг, –
Вот в эту ночь – индийскую, парную...
Нас двое здесь... И – никого вокруг.

Луны голубоватой переливы
Я в сердце благодарном берегу,
И два пустые стула, сиротливо
Нас ожидавшие на берегу...

Ночь, океан и неба бесконечность –
Все то, что создало в этот миг
Желанную сияющую вечность,
Высокий жизни свет
из нас двоих.

* * *

Под пальмою индийским душным днем
(Я вспоминаю трепетно и жадно)
Из одного ореха мы вдвоем
Сквозь две соломки тянем сок прохладный.

Я глаз не отвожу от ваших глаз,
И воля с волею в одно слилась.
И кажется в блаженный этот миг –
Мы утоляем в медленном глотанье
Не жажду тела, – жажду душ своих,
Достигших здесь желанного слиянья.

* * *

Свернувшись в мягкий шелковый клубок,
Котенком умудрившись притвориться,
Мое Желание

у ваших ног
Мурлыкает,— хоть рождено тигрицей.

Щекочет коготками вас легко
И, не внушая никакой опаски,
Пьет с ваших рук парное молоко
Невинной, дружелюбной вашей ласки.

Оно пока не причинит вам зла.
Но все же, друг мой, будьте наготове:
Его отнюдь не кошка родила,
Оно — тигриной, хищнической крови.

И эта кровь — нет-нет вскипает в нем,
Стучит в виски, горячая, густая,
И тяжелеет в жилах с каждым днем,
Наследственную силу обретая...

Зубочки превращаются в клыки,
Вот-вот вопьются в горло безотказно,
Подобны крючьям стали коготки,
Подобны крючьям твердости алмазной.

— Остерегайтесь!— крикнуть я готов. —
Коварной безобидности не верьте!.. —
Но вспомнил вдруг, что вы — сама любовь
И, как любовь,— не подлежите смерти.

Голубое сари

Дневных небес ликующих клочок,
На нем – созвездья в грустной светозари...
Струистый шелк твой стройный стан облек:
Ты завернулась в голубое сари.

Дневную радость, ночь во всей тени
Твои глаза лучистые вобрали,
И вот на все живущее они
Шлют радости волну, волну печали...

И солнца блеск, и грусть ночных светил
Тем, кто вокруг, даруешь ты без счета,
Но тот, кто только радость уловил,
Вглядыся, найдет в ней горестное что-то.

И горести познавший существо
Поймет, что сладости оно дороже...
«Откуда горе?– спросит,– от кого?»
И только он узнает – от кого же,

Он жизнь свою благословит опять
И будет горькой горестью гордиться
И неустанно имя повторять:
«Да светится оно!» и «Да святится!».

Небес дневных лазурных торжество
И звезд ночных печальное круженье –
Все переливы сари твоего –
Живой твоей души отображенье.

Не знаю, что,— печаль во всей красе
Ты мне подаришь?.. Иль — не верю!—
счастье?

Но я даю,— да слышат это все! —
На дар любой даю тебе согласие!

Двустипшия

1

За то, что зла не совершил,
ты не проси наград,
Коль ты добра не совершил
на этом свете, брат.

2

Лишь в бурю грохочет простор океана,
А горная речка шумит постоянно.

3

Если в правде своей убежден,
то не бойся хулы,
Если в ней сомневаешься сам, то
страшись похвалы.

4

Лесть, даже тонкая, не уваженье,
А лень не хворь, но бойся зараженья.

5

Лягушке взглянуть на ужа захотелось,
Желудок ужа оценил ее смелость.

6

Сбить масло из воды не смог бы
сам всевышний,
Пустая голова – советчик никудышный.

7

Ты в поезде, ты машешь рукой мне из окна.
Видна во всей вселенной рука твоя одна.

8

Всегда держа по ветру нос,
Хозяина опережает пес.

9

Есть способ врага заслужить уважение:
Для этого выиграть нужно сражение.

10

Невзрачна степь калмыцкая на вид,
Но весен множество она в себе таит.

11

Свои иголки
Для ежа не колки.

12

Был голоден бычок, и оттого
Жевал он хвост собрата своего.

13

Подумал глупец, что стоял
на вершине хребта:
«Почтительно солнце обходит
меня неспроста».

14

Пышной одеждой прославился
пудель кудрявый,
Толстое брюхо свиной обернулося славой.

15

Он друга бил по голове, стремясь
Сбить с каблуков прилипшую к ним грязь.

16

Гора ведет к вершине и к берегу – вода,
А помыслы высокие – сквозь многие года.

17

Я бы жилы свои сплел в веревку одну,
Чтобы вздернуть того, кто готовит войну.

18

Жизнь, если цели нету в ней, –
Телега без лихих коней.

19

Слава – добыча нечистой руки –
Шелк, прикрывающий кизяки.

20

Слова глупца, цена которым грош,
Ты к памяти гвоздями не пришьешь.

21

Как колос – в рост от удобрения,
Так подлость – в цвет от одобренья.

22

Боясь огня, бессилие кляня,
Он дым тушил в сторонке от огня.

23

Любые крылья только гибель ждет,
Коль против ветра жизни их полет.

Обращение к словам

Когда, летя издалека,
Вы, повинуюсь тайным срокам,
Опять нахлынете потоком
На пожелтевшие слегка
Страницы чистые тетради,
Слова желанные, – в тот миг,
Поторопитесь, бога ради!
Спускайтесь!

Сами стройтесь в стих!

О, сколько дней – почти что год! –
Я тосковал без вас, не смея
Ускорить волею своею
Благословенный ваш прилет!
Я знал: вы мне – друзья, как прежде,
И жадно в воздухе ловил
Шуршанья, шелесты, – в надежде,
Что это – взмахи ваших крыл.

Закон о том, что чувств подъем
Не поддается грубой силе, –
Нельзя, чтобы слова скрутили
И в строки втиснули с трудом! –
Постиг едва ль не с детства я
По первым трепетным созвучьям...
Я уваженью к вам обучен,

Жду вас безропотно, друзья!
И все ж вам прилетать пора!..
Тем, кто смятен, – зерно добра,
Кто истомлен, – живую воду,
А тем, кто угнетен, – свободу
Даруют мудрые слова!

Познав законы естества,
Сквозь воспарение наитий
И восхождение ума,
Слова – друзья, скорей летите!
Вас призывает жизнь сама!

Шумящие издалека,
Спешите легкокрылой стайей!
Звучи, мелодия простая!
Шуми, волшебная река,
С природою земной освойсь!
Как жизнь – отрадна и свежа –
Заполни, с временем дружа,
Страницы чистые, как совесть.

1970

Кто, гладкую избрав дорогу,
Провалов – и высот!– избег, –
Кадит герою, словно богу,
Пороча званье – Человек!

1970

Тополь

Когда в степи ни ветерка,
А солнце жжет жестоко,
Манит к себе издалека
Он – тополь одинокий.

И я, как только попаду
В пустынную округу,
Ему киваю на ходу
И радуюсь, как другу.

Струит прохладу и покой,
Стоит радушен, важен...
Чьей благородною рукой
Он здесь, в степи, посажен,

Чтоб осенял прохожих взмах
Листвы его зеленой?..
Не девушка ли это в знак
Любви неразделенной

Воткнула в землю черенок
И возрастила, холя?..
«Пусть будет тих и одинок,
Как нелюбимой доля...»

Иль, вволю настрадавшись, мать
Тут сына схоронила,
И должен тополь охранять
Печальную могилу?

Иль посадил в палящий день
Отросток тополевый
Старик чабан: «Пусть будет тень
У чабана другого!»

Чей это бескорыстный труд,
Быть может, знать не нужно:
Благие помыслы живут
В ветвях, шумящих дружно.

И грубоватая кора,
И листья нежной кроны –
Источник жизни и добра
В пустыне раскаленной.

1970

* * *

Свой голос – будто бы не свой –
Послушай, друг, со стороны.
Наукой этой непростой
Мы все овладевать должны.

И мысль, и выраженье чувств –
Все то, чем делишься с людьми, –
Как будто бы из чуждых уст,
Как посторонний, восприми!

Услышишь, где твой голос – льстив,
А где, поводья опустив,
Не в меру дерзок ты, грубя,
И покраснеешь за себя.

Как поглядишь со стороны –
И взвесишь мысль свою, – она
Покажется не столь умна,
Слова – нелепы и смешны.

Из деликатности подчас,
От равнодушья иль со зла
Не скажут правды нам о нас.
Порой фальшива похвала.

Сумев со стороны взглянуть,
Узнаешь: плох ты иль хорош,
Постигнешь собственную суть
И то, как людям предстаешь.

1970

* * *

Друзья похвалят, не переча,
Осудят недруги, сердясь,
Зато с читателями встреча
Чиста от злобы и прикрас.

Вопросов там наставят вдосталь –
Прямолинейных и простых,
Хотя, случается, непросто
По чести отвечать на них.

Все вспомнят: кем ты был когда-то
И в настоящем – кто таков...
И мне

 читатель седоватый
Признался без обиняков.

– Стихи у вас, скажу открыто, –
Он молвил, глядя на меня, –
Спокойны стали как-то, сыты.
В них мало прежнего огня.

И вздрогнул я, беспокоясь.
Не возражал ему ни в чем.
Как будто

 дремлющую совесть
Огрел он Истины бичом.

1970

* * *

Когда играю с детворой,
То, словно вырвавшись из плена,
Я распрямляюсь постепенно
И забываю возраст свой.

И дети радуются мне,
Доверчиво в глаза мне глядя:
Меж ними я – не взрослый дядя,
Я – свой, я – с ними наравне.

Мои волнения – им сродни,
Вопросы их я сердцем слышу,
Такой же я, как все они,
Вот разве ростом – чуть повыше.

Все встало на свои места,
Я словно подышал весной,
Омыто свежестью лесною
Сознание,
и душа – чиста.

1970

Размышления

На кладбище мы друга привезли,
Вдоль ямы черной молча стали с края,
И мертвого зарыли в глубь земли,
Живое горе в сердце подавляя.

Вот все и кончено. И тишина...
Жизнь пресеклась так просто и так странно:
В беззвучье улетучилась она
Из мира шумов, как всегда, неожиданно.

Обиды, радости, добро и зло –
Что волновало сердце, что томило, –
Смежив глаза, застыло, отошло,
С хозяином лежит на дне могилы.

А мы, оставшиеся, и сейчас
В грядущем неизменно пребываем,
И эта яма черная – для нас,
Как говорят калмыки, – «за Алтаем»...

Но, провожая друга в путь глухой,
В печальную дорогу без предела,
Душа моя, смятенная тоской,
Внезапно озаряясь, посветлела.

И мне в блаженном солнечном тепле
Мои соседи по земной юдоли,
Со мной оставшиеся на земле,
Родными стали, близкими до боли.

И если я живое существо
Когда-нибудь обидел понапрасну, –
Сейчас просить прощенья у него
Мне захотелось искренне и страстно.

А те, кто предо мною виноват?..
Вина их вдруг утратила значенье,
Я отпустить ее готов стократ
И сладкое почуять облегченье...

«Когда б сказать им всем, – подумал я, –
Любой из нас – у замыканья круга,
Так будем жить, и вправду, как друзья,
Щадя друг друга, радуя друг друга!»

И верил я, что станут все добрей,
Поняв душой простое это слово,
Как будто ключ нашел к сердцам людей,
Как будто истиной владею новой...

1971

* * *

Нет счета открытъям,
И мы, живые,
То, что мы видим, —
Видим впервые.

И все же наш каждый восход —
Продолженье
Движенья вперед,
Мирового движенья.

Повторов нигде не сыскать
В бытии.
Времени вспять
Никогда не пойти!

Лишь сердце в свой срок,
Когда жизнь отзвучала,
Вернется в исток
И канет в начало.

1971

* * *

За годом год уходит в никуда...
Мы знаем краткость жизненного срока,
Но – странно!– удаляясь от истока,
Перестаем подсчитывать года.

Быть может, просто мы привыкли жить
Здесь, на земле?
Иль, видя ежечасно
Бессмертье дел, отвыкли, может быть,
От мысли тягостной, что смерть –
всевластна?!

1971

* * *

С тем, что жизнь – лишь на Земле
цветущей,

Что из всей Вселенной

лишь у нас

Разум есть, познавший день грядущий
И впитавший прошлого запас,
Не согласны нынче астрономы,
Мир воспринимаемая по-иному.

Утвержденья их приняв на веру,
Пролетев мечтою стратосферу,
На кругах далеких бытия, –
Там, где обитают, может статься,
Жители иных цивилизаций, –
Вот что увидал недавно я:

Не ученый, лишь мечтатель-практик,
Я через туманности галактик,
Через миллионы светолет
Разглядел, что было непостижно, –
В нимбе радуг

шарик наш подвижный

Плыл, вращаясь, меж других планет.

Все оттенки голубой окраски
Излучал чудесный ореол.
На Земле, переливаясь, цвел

Не воспетый в самой смелой сказке,
Колебанием воздуха волнуем,
Тот цветок, что Жизнью именуем.

А над ним, как добрая охрана
(Без нее бы сказочный цветок,
Может статься, поздно или рано
Сам себя пожрать в безумстве мог!),
А над ним
струился в бесконечность
Разум, берегущий человечность.

Из моей непостижимой дали
Вспышки смерти не были видны.
Дивный шар из голубой эмали
Был приютом Жизни и Весны,
И они сплетались так согласно,
Что воскликнул я:– Земля прекрасна!

Вот какую – повествуя вкратце –
Мне Земля увиделась вдали,
С высоты иных цивилизаций.

А каким лицо родной Земли
Предстает на близком расстоянии,
Превосходно знаем мы, земляне.

* * *

Быль, что ты видал глазами,
От людей скрывать не смей.
Все, что ты слышал ушами,
Былью называть не смей.

1971

О шамане

Ю. Шесталову

Прочитал я твой стих, посвященный
Заблуждениям дедов твоих,
И мансийский шаман изможденный,
Как живой, предо мною возник.

...Блещут стрелы сполохов утрюмо.
Почему не светлеет вокруг?
Почему в проколченные чумы
За недугом приходит недуг?

Видит глаз воспаленно-тревожный:
Мир – коварному зверю под стать.
Если б истину было возможно,
Словно белку, стрелюю достать!..

И шаман в исступленье кружится,
Псы примолкли у пляшущих ног,
А в душе у больного мансийца
Расцветает надежды цветок.

У меня же, Юван, у меня же,
Говорю я тебе, не таясь,
Боль и жалость, сочувствие даже
Тот шаман возбуждает сейчас...

Да всегда ли бывал он преступен
В час, когда колотил себя в грудь?
Ударяя в неистовый бубен,
Он всегда ли хотел обмануть?

Может статься, жалел он больного,
Может быть, человека любя,
В дикой пляске он снова и снова
Утверждал свою веру в себя?

Нашим знанием не умудренный,
Может статься, он понял одно:
Что желанье не знает препоны,
Если в страсть превратилось оно.

Может быть, доходя до накала
И больного желая спасти,
Очищался он мало-помалу
От всего, что налипло в пути?

Может, к делу святому готовясь,
Чтобы дух был высок и упруг,
Добела отмывал свою совесть,
Так, как руки моет хирург?..

...Помню, помню о лжи и обмане,
О шаманах корыстных и злых!..
Тот страдал, изживая страданья,
А другой – наживался на них.

Тело

Всемерно ограждая свой покой
И на работе, и в пути, и дома,
Благополучно в возраст пожилой
Вступает некий давний мой знакомый.

Не знает он волнений и невзгод,
Вовек не голодав и не болея,
Он
 вечером и утром
 взад-вперед
Себя прогуливает по аллее.

Так, по совету лучших докторов,
Дыша глубоко, ровно и умело,
Он полнит кислородом до краев
Свое весьма ухоженное тело.

Он бережет его от сквозняка,
Зимю мехом кутает мохнатым,
Хранит его от ядов табака,
Спиртного капельки не даст... куда там!

О, это тело! О, заветный клад,
Любимый и лелеемый сугубо!
Клянусь, его хозяин был бы рад,
Когда бы эту ценность, вместе с шубой,

Он безболезненно с себя совлек,
Разгладил утюгом его вдоль клиньев,
А там в сундук упрятал, под замок,
Почистив, выбив и пронафталинив.

И неприкрытой жалкою душой –
Вполне бесплотно, хоть и не бесплатно –
Весь жизни срок оставшийся большой
Ходил бы на работу аккуратно.

...Смотрю я на него из года в год,
И мне его старанья надоели.
Зачем он это тело бережет?
Ну для какой такой высокой цели?

Не для того ли, чтобы, как товар,
Вместилище холодной пресной крови,
Так ревностно, так тщательно готовя,
Преподнести червям могильным в дар?!

1971

К солнцу

И пусть, подобно прочим тканям,
Износится живая ткань
И все мы в неизвестность канем,
Перешагнув земную грань, —

Пока живу, пока могу я, —
Смотрю на солнечный восход.
И предо мной, как я, ликуя,
Мир оживленный предстает.

Все тело омывает свежесть...
Встречая раннюю зарю,
Я вместе с нею миром тешусь
И «Здравствуй, солнце!» говорю.

И, право, большего не надо,
Чтоб горечь дней, любой удел
Я принимал бы, как награду,
И ни о чем не пожалел!

Дари, о солнце, мне алмазы!
Спеши, не пропускай ни дня!
Ведь после смерти
ты ни разу
Всходить не будешь для меня!

1971

Далекое

Я. Джамбинову

Смотрю в былое, не спеша.
Низина... За колодцем старым
Два мальчугана-крепыша
«Хала-бала» бормочут с жаром.

Поди пойми со стороны:
«Хала-бала» – что значит это?
В таком созвучье смысла нету!
Но пастушки убеждены,
Что бормотанье их чудное,
Конечно, русские слова!

Телята, опалев от зноя,
Хвостами шевелят едва.
Свинья в болоте разлеглась,
Тяжелой громоздится тушей,
Сопит, не поднимая глаз
На поросят, лежащих тут же.

Картина зыблется живая...
В лицо мальчонки-пастушка
Смотрю, себя не узнавая,
Как будто бы издалека,
Как будто со звезды другой...
Неужто впрямь я был такой?!

А память вновь берет разбег,
Перелетая через годы.
Война. Лишения. Походы.
Двадцатилетний человек
С двадцатилетними друзьями
Шагает через дым и пламя.
Вот он сражается в боях,
Боясь, не проявить бы страх
Там, где всему живому страшно...
Он – а вернее, я – тогдашний –
Не бережет огонь души...
А я сегодняшней –

отсюда

Шепчу, как старший:

– Будет худо!

Постой! Обдумай... Не спеши!

От гибели, нависшей грозно,

Друзей моих спасти хочу:

– Постойте!.. Не спешите!.. –

Поздно!

Ведь это мертвым я кричу!

Не изменить воспоминаний:

С тетрадкой общею в кармане

Он – то есть я! –

спешит туда;

Где, притаившись, ждет беда,

Но в свете прожитого дня

Ошибки нет в его ошибке.

Неосторожный и негибкий,

Он лучше мудрого меня!..

И снова, как в немом кино, —
За кадром кадры, дни, события...
Мелькает время пестрой нитью
И ткёт пространства полотно.
Долины, пади и бугры
Растут, встают несокрушимо
И разделяют две вершины
Единой некогда горы.

На дальней — свежей и зеленой —
Деревья молодо шумят,
Все выше поднимая кроны,
Грядущее узнать хотят.
А на вершине ближней — здешней —
Лес, поседев от непогод,
Притих в раздумьях и неспешно
Минувшее к себе зовет.

1971

* * *

Предосторожность, говорят,
Прилична мудрецу.
Сверхосторожность, говорят,
Привычна подлецу.

1971

Неужто мироздания венеч,
Расставшись с этим краем непокая,
Сладчайших наслаждений, горьких слез,
В который всеми клетками он врос, –
И впрямь уходит, выпадает разом,
Лишь потому, что стал невидим глазом,
И все его стремленья, все дела
Без промедленья поглощает мгла?!

Неужто мы – единой цепи звенья,
Мы – люди, мы, что в разуме своем
Веков давнопрошедших накопленья
И семена грядущего несем,
Бесплодно затеряемся во мраке,
Совсем, как наши овцы и собаки,
Исчезнем без вести в тумане лет?..
А мысль – ценнейшая из всех материй?..
Неужто и она, за нами вслед,
Погаснет иль рассеется?..

Не верю!

Здесь что-нибудь не так!.. Не верю! Нет!

Нет!

Все, что созидали мы в дороге,
Не только вещь, картина или стих,
Но лучших наших помыслов итоги,
Восторги все, и боли, и тревоги,
Незримо остаются среди живых
И с ними движутся вперед... И это –
Всечеловеческая эстафета.

...И все же мертвые лежат в могилах,
Любимых дел ВЧЕРА не довершив,

Оставив тем их, кто СЕГОДНЯ жив.
И потому,

пока еще мы в силах,
Должны мы, в ЗАВТРА направляя шаг,
Стремиться стать полезней, благородней,
Для этого дается нам СЕГОДНЯ –
Источник счастья, высшее из благ.

Неутомимо, в пламенном усердьи
И ты, и я, со всеми наравне,
В сегодняшнем быстротекущем дне
Творим и наше ЗАВТРА, и БЕССМЕРТЬЕ!

1971

* * *

Чем я тебя порадовать могу?
Какое доброе свершить мне дело,
Чтобы твоя улыбка потеплела?

За каждый день я у тебя в долгу
И каждый миг об этом беспокоюсь...

Вот и сегодня я послал на поиск
Все мысли, — пусть помчатся за тобой,
Узнают, что тебе и вправду надо...
Любое утешение, отраду

Готов я раздобыть ценой любой,
За тридевять земель пойти бы рад,
Чтоб заслужить твой благодарный взгляд,
Схватить его, в любовь свою обрратить
И наскоро к себе запрятать в память!

Но в дни, когда с мужчиной наравне
Вы, женщины, — не только на бумаге,
Подобный дар сыскать легко ли мне?
Ведь если б я купил в универмаге
Струистый шелк или пушистый мех, —
Да ты бы подняла меня на смех!
В «мещанстве» обвинила бы, возможно,
Меня бы обходила осторожно.

* * *

Все время думать о тебе – давно
Привычкой стало... Столько мыслей разных –
Наивно-простодушных, странных, праздных –
На ум приходит, – самому смешно!

Они плывут... Их со счетов не сбросить!..
Да и кому – в иные времена –
Не приходилось, несмотря на проседь,
Как будто пробуждаться ото сна
И вдруг ловить в своем воображенье
Обрывки речи, голоса, движенья?!

Вот, скажем, услышал я, что бандит
Сорвал часы у девушки красивой,
И миг моя фантазия спешит
Придумать что-то вроде детектива.

Горячечно работают мечты:
Ну, девушка, конечно, это ты...
Я – рядом... Руки я скрутил бандюге!..
Все это – ночью, снежной зимой,
В лесной глуши – под завыванье вьюги...
И гордо я веду тебя домой!

А вот иное... Будто ты больна.
А я с тобою. Я не сплю ночами.
И наконец опасность – за плечами.

Ты нежностью моею спасена
И благодарна, как заведено...

Смешно тебе?.. Еще бы не смешно!
И все же, друг мой, смейся иль не смейся,
Но истине простой не прекословь:
Без этих мыслей – глупеньких донельзя,
Как видно, не обходится любовь!

1971

Как будто бы сквозь времени пласты...
И лишь одна меня волнует нота:
Там, возле гроба, тихо плачет кто-то...
Да, это – ты... Конечно, это – ты!..

Твой голос шепчет:– Милый мой! Очнись! –
И в мертвом теле – прежняя тревога,
И чувства, точно тени, поднялись, –
И оживать я начал понемногу.

Я – не мертвец, я только – в забытии.
Я вижу все. И думаю невольно:
«Ты плачешь... Тяжело тебе и больно!
Я должен осушить глаза твои!»

Когда ж вскричала ты: «Любовь моя!» –
Подобно заклинанью слово это
Вонзилось в душу острой вспышкой света,
И свет перехлестнул через края...

И, ощущая вновь биенье пульса,
Я убедился, что любовь сильнее
Оцепененья, мрака, ста смертей, –
И сбросил камень смерти...

И проснулся.

* * *

Не веря и немного веря
В существованье скрытых сфер,
Притихли зрители в партере
И боязливо смотрят вверх

На палочку гипнотизера
С ее блестящим острием,
И силой голоса, и взора
Зал постепенно усмирен...

И зрители поодиночке
Встают, качаясь, как во сне,
И тянутся к блестящей точке,
Как рыба тянется к блесне...

Смотрел и я, как мне сказали,
На кончик палочки в упор,
Но надо мною в этом зале
Не властен был гипнотизер.

Как мог он голосом и взглядом
Меня поднять и увести?
Ведь ты со мной сидела рядом,
Ты, с кем всю жизнь хочу пройти!..

Да разве есть на свете сила –
Будь то приказ, будь то гипноз! –
Чтобы двоих разъединила,
Когда их жизнь свела всерьез?!

1971

* * *

В папиросном сизом тумане
Я сижу, напряженно глядя
На пустую страницу тетради:
Прочь бежит от меня вниманье!

Призываю волю, умелость,
Нет, покой не приходит в душу!
Схватишь слово-другое... Тут же,
Чуть коснешься, все разлетелось!

Толку нет в бесплодной погоне
За шальными словами теми!..
Ожиданья дикие кони
Рвутся вскачь и торопят время.

Не идет оно на уступки:
Ход его тягуч, беспрерывен...
...О, когда же хлынет из трубки
Голос твой – животворный ливень?!

1971

* * *

Когда ты возразишь мне горячо,
Со мной не согласившись в том ли, в этом,
Ты, что идешь со мной плечом в плечо,
Но все-таки своим сияешь светом,

Я, чтоб избежать спора, может быть,
Спешу тебе порою уступить,
Хоть втайне убежден: «Ну я-то – прав!..»

Но ты, мою уловку разгадав,
Задетая глубоко, чуть не плача,
Воскликнешь: – Нет, ты думаешь иначе!
Ты не согласен с мнением моим!
Не притворяйся!.. Дай договорим!..

Смотрю, ты не на шутку разожглась,
Как щеки у тебя порозовели!..
И, глядя в глубину любимых глаз, –
Они сейчас особо хороши! –
Любуясь чистотой твоей души,
Прозрачной, как погожий день апреля,
Я вижу, что схитрить не удалось,
И начинаю говорить всерьез,
Что думаю, что в сердце мне вошло...

Мы спорим долго, жарко, но не зло.
И если к соглашенью не придем,
Поняв, что бесполезны разговоры,

«Пусть каждый остается при своем...» –
Ты скажешь, улыбаясь...

Эти споры

Не могут нас, двоих, разъединить,
Мы издавна согласны в мыслях главных,
И нас с тобой, обоих – равных, разных, –

Такая прочная связала нить,
Что стали мы единою душой,
Которую слепила жизнь сама,
Соединив несхожих два ума
В один – многосторонний ум большой.

Когда б на все явления бытия
У нас, двоих, был взгляд один-единый, –
То не умней мы были б – ты и я, –
А, может, неразумней вполтину.

1971

* * *

Опьянив меня с рассвета
Ароматом теплых трав,
Струйки звуков, струйки цвета
Колдовски перемешав,

Что весна со мной творила
Солнцем, воздухом, волшебой!..
Целый день она дарила
Встречи новые с тобой!

Защебечет, засмеется,
Рукавом взмахнет сквозным, –
Птичье пенье обернется
Милым голосом твоим!

А едва – сквозь цвет акаций –
Я завидел синеву,
Тотчас начал мне казаться
Светлый взор твой – наяву.

Мне подарена весной
О безмерном счастье весть:
То ли ты всегда со мною,
То ли ты весна и есть!..

1971

* * *

С неба видел я полей квадратики
И хитросплетенья синих рек.
Я ступал на берег Адриатики,
Ощущал Памира вечный снег.

Жизнь далекие пути отмерила,
Побродил я широко вокруг:
Вдосталь изучил природу Севера,
Согревал меня лучистый Юг...

Благодарный миру за доверие,
Выложу всю правду, не тая:
Все ж не наслаждался в полной мере я
Дивным совершенством бытия.

За морями и за перевалами,
Средь земных бесчисленных красот
Красоты твоей все не хватало мне...
Все-то мне тебя недостает!

1971

* * *

Чтоб лучшие слова найти для вас
И душу вам порадовать при встрече,
Перебираю в памяти запас
Сокровищ русской и калмыцкой речи.

Воскликну – «дорогая!»... В тот же миг –
Увы!.. Поэт – ассоциаций пленник! –
Невольно умолкает мой язык,
Почуяв в этом слове привкус денег.

«О милая!» – готов сказать я вам...
Но чувств моих несметные богатства
В таком расхожем слове не вместятся:
Вы слышите?.. Оно трещит по швам!

И лишь когда я говорю «люблю!»,
Созвучье это, радостью объемля,
Стремится вдаль, подобно кораблю,
Невиданные открывает земли...

1971

* * *

К самому красивому тюльпану
Тянется рука сама собой.
Самый смелый погибает рано:
Первым он вступает в смертный бой...

Затмевать других мне не хотелось,
Думал я, что проживу, как все, –
В меру проявляя ум и смелость,
Не завидуя чужой красе.

Но в то лето – в лето нашей встречи –
Все, переместясь, пошло вверх дном,
Самому себе противореча,
Я мечтаю только об одном:

Лучшее в себе хочу взрастить я,
Что таил до времени пока...
Понял я закон самораскрытия –
И людей, и каждого цветка.

Разгадал сокрытую причину
Буйного прилива свежих сил:
«Лучше быть!» – таков закон единый
Тех, кто всей душой полюбил.

1971

Взгляд

Я не могу вернуть, я не верну
Вам этот взгляд сегодняшней!.. Нежданно
Прорвался он, как солнце из тумана.
Его я спрятал в сердце, в глубину,
Достать его оттуда – невозможно...

«Нежданно?..» Нет, мучительно, тревожно
Я ждал его так много дней подряд!..
И вот сегодня – ваш мгновенный взгляд
Согрел мне душу и прогнал усталость.
Он подарил – как в старину певалось –
Любви моей тугие паруса.
И добрый ветер бережно и нежно
Направил мой корабль на мыс Надежды,
Где – все свершения, все чудеса...

Вы слышите меня?..

Ведь несомненно
Среди полночной гулкой тишины
Души открытой чуткие антенны
Призыв мой уловить должны...
Должны!..

Должны?..

А вдруг любовным огоньком
Блеснул ваш взгляд при мысли о другом,
Не обо мне?..

Измучась ожиданьем,

Случается, мы разум свой обманем,
За добрую приняв дурную весть,
Чего нам хочется – за то, что есть,
До горестной минуты протрезвления,
Которая наступит, без сомненья...

Ведь – если прямо, без обиняков,
И поглядеть на нас обоих здраво –
На счастье с вами что дает мне право?!
Вы... Вы и я!.. Да я-то кто таков?
Мудрец?.. Красавец?.. Знаменитый воин?..
Я... я и вы, чья доброта сама
Достойна только вашего ума,
А ум – разумной красоты достоин!..

Самоуверенность мою простив,
Не гневайтесь на смелый мой порыв!

Ваш взгляд случайный, пробудив дерзанья,
В ошибку, видимо, меня вовлек...
Но если в нем... конечно, не признание
В любви, а только тень любви, намек
На чувство – самый робкий, самый слабый,
О, если б даже так!..

Тогда... тогда бы
Такой восторг ко мне ворвался в грудь!
Тогда бы, волю всю сосредоточа,
Я мог бы на великое дерзнуть
И вечности взглянул бы смело в очи!

Зимою лютой

Когтями ветер землю рвал,
Возжаждав мести.
Кружился пыли черный шквал
Со снегом вместе.

Стал ночью день в метельной мгле
Зимою лютой.
Метались звери по земле,
Ища приюта.

Скотину человек сберег:
Загнал в жилище
И сено – трав сгущенный сок –
Давал ей в пищу.

Но беззащитный зверь степной
Познал все беды,
Едва не сгинув той зимой
От недоеда.

Втянув бока, измучен, хил,
По степи черной
Бродил сайгак, что раньше был
Ветров проворней.

Пусты болота и черны,
Звенят в ложбине,

Кропят их кровью кабаны,
Ломая бивни...

На степи человек взглянул,
Постиг их муку.
И младшим братьям протянул
Спасенья руку.

И ощутил, дивясь, сайгак
Дыханье сена
И кинулся к нему сквозь мрак,
Ожив мгновенно.

Кабан, в суровом том году
С борзою схожий, –
С небес летевшую еду
Почуял тоже.

Стальная птица принесла
Зверью пощаду...
Порой, чтоб жизнь спасти от зла, –
Немного надо.

Поможет друг,– уйдут беда
И дни лихие...
Сильней людская доброта
Любой стихии.

В цирке

Поднимая передние ноги,
Он послушно танцует на двух,
Под заигранный вальсик убогий,
Конь-циркач, разукрашенный в пух,
На арене кружится он, стоя,
И как будто кичится уздою.

Люди рады. А я вспоминаю
Наши степи в разгаре весны...
Ни узды, ни поводьев не зная,
Скачут вольных коней табуны,
Тех, что волка – в сраженье открытом –
Убивают могучим копытом...

Сердце сжалось от злости и боли:
Жалкий этот плясун цирковой
Благодарен за счастье неволи
И коленой своей головой
С переливчатой гривкой атласной
Нас приветствует подобострастно.

Не таким он пришел на арену!
Вижу явственно издалека,
Как, роня кровавую пену,
Норовил он стряхнуть седока,
И храпел, и шарахался дико,
Гневным глазом косясь на владыку...

А потом – изменились повадки.
Что могло бунтаря одолеть?
Сахар, что ли, прельстил его сладкий?
Устрашили свистящая плеть
И мундштук, разрывающий грубо
Лошадиные мягкие губы?

И теперь только изредка снится
Бег, похожий на птичий полет,
Только изредка круп кобылицы
В сновидении смутном блеснет,
Обжигая дразнящей тоской...
Сон уйдет, но – разрушен покой.

Потому-то ему захотелось,
Всех коней на арену согнав,
Обуздать их неистовый нрав,
Чтоб забыли упрямство и смелость,
Чтобы впредь на дыбы не взвивались,
А, привстав, танцевали бы вальс!

Беззаботно коню, безопасно
В теплом, сытном раю цирковом!
Тот, кого ненавидел он страстно,
Нынче стал для него божеством.
Конь доволен судьбою своею,
О свободе и думать не смея.

Но прервал моих мыслей струенье
Марш...

Цветные лучи по арене

Разбежались.

И, словно во сне,
Закружились в бесплодной погоне
Разноцветные жалкие кони,
Жалких львов унося на спине.

1971

Смотрю на мир...

Созрело утро, словно ранний плод.
Прозрачно-чист высокий небосвод,
Цветущий сад – в благоуханных волнах.
Передохнуть присел я на крыльцо.
Смотрю на мир... Старается подсолнух
Подставить солнцу круглое лицо.

Куда ни глянь, у всех – свои дела.
Собака – беспризорная дворняга –
Бежит с пригорка, не сбавляя шага,
Насторожилась, носом повела
И вновь, трусцой, тропе наперерез
Спешит, хромя: времени – в обрез!

А на тропинке – полосатый кот,
Безвучно-мягкий, словно спит из плюша.
Торопится и он... Прижавши уши,
С дорогою он слился. И ползет...
Видать, вдали его добыча манит.
Не трогайте его: он очень занят.

А меж травинок, у ноги моей,
Гляжу – бежит трудяга-муравей.
Штурмуя горы – иль комочки пыли! –
Он тащит, тащит, не щадя усилий,
Детишкам завтрак... Он устал в пути:
Кузнечий окорок легко ль нести?!

О, мир существ таинственно-родных!
Слежу за ними взглядом восхищенным.
Они верны неписаным законам
И так послушно исполняют их,
Как будто бы любая тварь земная
Приходит в мир, свой долг священный зная!

А я? Я тоже – в честном их кругу.
Могу ли – старший!– быть у них в долгу?!
Сейчас я поработаю на славу;
И я берусь немедля за труды,
Прокладывая к яблоне кудрявой
Канавку для живительной воды.

1971

Восход солнца на Аю-Даге

Отдых... Дни, которых ждал ты!
Мы – в зеленом царстве Ялты.

И едва рассвет забрезжил,
Уторапливая шаг,
Мы пошли на побережье –
Поглядеть на Аю-Даг.

Из глубин морских на сушу,
Сны свои устав смотреть,
Громоздьясь тяжелой тушей,
Вылез каменный медведь,
Изогнул хребет, и вот
Воду он беззвучно пьет.

Вдруг неведомо откуда
Над медвежьей головой
Появилось чудо-юдо –
Шар багряный, огневой.
Рассиялся он, разросся,
Зверю сел на кончик носа.

И тогда затрепетала,
Потеплев, морская гладь,
Все оттенки краски алой
Начала перенимать,
Красный цвет и бледно-синий
В ней смешались, как в рубине.

Шар качался на весу
У медведя на носу,
Став игрушкой веселой
Для седой Медведь-горы,
Как прозрачный шарик полый –
Радость нашей детворы.

Порывался он взлететь,
Но удерживал медведь
Легкий шарик золоченый,
Перекатывал, как мяч,
Точно он – медведь ученый,
Точно он – медведь-циркач.

И внезапно – верь не верь! –
Шевельнул ноздрями зверь
И подбросил шар забавно,
Тот поднялся в небо плавно,
И немедля все насквозь
Светом утра налилось.

Засверкала ширь залива
Вся – от края и до края,
А медведь, исполнен сил,
Снова замер горделиво,
Словно это он, играя,
Миру
солнце подарил.

* * *

Зеленое платье степей обвила,
Как пояс... Возникла ненадолго,
А все же и небо и землю слила
Высокая легкая радуга.

По гребню ее пробежал ветерок –
Весенний, душистый, задорный,
Всю душу омыл, все заботы совлек,
И стало в груди так просторно.

1971

Весна

Смотрите, как меняются деревья
Весенним днем на солнечном пригреве;
Как расслабляют мускулы они,
Как дивно хорошеют, сбросив иней –
Чешуйки зимней кованой брони!

Они

в своей изябшей сердцевине,
Под натиском враждебным непогод,
Ощерясь, ограждали исступленно
Свое дитя – красу листвы зеленой, –
Как мать в утробе охраняет плод.

И вот они стоят, расправив плечи,
Подобно юной женщине расцветшей,
Той, что законной гордости полна,
Родив на свет желанного ребенка...

Весна!.. Везде, в любые времена,
Весну поэты воспевали звонко,
Слова-цветы сплетая в стройном гимне,
И думал я: «Где мне тягаться с ними!»

Но в этот раз не смог я не подпасть
Под эту упоительную власть!
Капли звон, и струйки дождевые,
И птичьи трели, и шуршанье льдин

* * *

Доверье – в этом дружбы суть.
Что стоит друга обмануть?!
Но – знай, что, обманув его,
Себя обманешь самого.

1971

Монолог благодарности

Как часто я придумывал предлоги,
Чтоб видеть вас!.. А позже, на пути,
Весь разговор – и деловой и строгий –
Перебирал в уме, стремясь найти
Меж ваших слов сокрытый смысл,
хоть малость,
Что мне – мне одному!– предназначалась.

Мне кажется, я все же проявлял
То чувство, что вначале чуть щемило,
Но возрастало с неумемной силой
И стало жечь меня во весь накал...
Не знать об этом вы могли едва ли,
И все ж вы словно этого не знали!

Когда ваш голос – по два, по три дня!–
Не раздавался в трубке телефонной, –
Как я бросался к трубке исступленно,
Как бесновался, сам себя браня!..
Берусь за труд, и вновь – бумаги в стол!
Решаюсь,– все, все погубить рискуя.
«Пойду скажу в открытую: «Тоскую!..»
Сейчас пойду!..»

И все-таки не шел.

Тоской о вас пронизан, словно током,
Бывало, я бродил у ваших окон,

Смотревших сверху мирно и светло.
И вглядывался жадно сквозь стекло
В глубь комнаты... За тонкой сеткой тюля
Ваш профиль я угадывал едва...

Какие я нашептывал слова!..
Когда б вы услышали хоть одно,
То, верно, отворили бы окно
И створки сердца, может, распахнули...

Но за стеклом вы были, надо мной...
А я о вашем взгляде

жилкой каждой

Молил... Так, верно, родич мой степной
Взывал о влаге, истомясь от жажды,
А небеса в величии своем
Не освежали благостным дождем!..

...Нет, нет, вникая в строчек этих суть,
Прошу вас!— не ищите в них упрека!..
Да разве можно солнце упрекнуть
За то, что светит на небе высоко?!
Кто обвинит звезду или зарю?!
Я не виню. Я вас благодарю.

Благодарю за все. Да, я постиг,
Что человек, себя всех выше ставя,
Не должен попирать мечты других,
Что себялюбец счастлив быть — не вправе.
Лишь там любовь, где человек, любя,
Способен отрешиться от себя.

Спасибо вам! В горниле трудных дней
Себя и жизнь воспринял я иначе
И ваше счастье полюбил сильней,
Чем собственное счастье и удачу,
И в самоотречении открыл
Источник новой радости и сил!

Спасибо вам за то, что поутру
Смотрю на жизнь открытым,
ясным взглядом

И радуюсь и свету, и добру,
Земле, где все же вы со мною рядом...
Да, время и пространство пролегло
Меж нами, как прозрачное стекло.

Я вижу искры милых ваших глаз,
Я полон вашим голосом зовущим,
И если счастье ждет меня в грядущем,
Я это счастье воплощу для вас,
Но и сейчас я, радуясь заране,
Приемлю жизнь в любви и ликование!..

И не страшны мне больше скорбь и смерть!
Как дар, все испытанья принимаю:
Небесная над головою твердь,
Упруга под ногами твердь земная!
И выше неба, и мощней земли –
Любви моей немеркнувшее пламя...
Спасибо вам, что вы его зажгли!..
Да будет солнце навсегда над вами!

* * *

Трепеща, купаясь в тепле,
Сыплет жаворонок свои трели.
– Для кого, дружок, на земле
Ты поешь в этот день апреля?

От дыхания ветерка
Шелестят еле слышно травы...
– Для кого, наклонясь слегка,
Травы, шепчетесь вы лукаво?

Понимаю сердцем своим,
Что им нужно – траве и птице.
Видно, радость не в радость им,
Если не с кем ею делиться.

И, признав меня земляком,
Способ ищут они все вместе –
Бессловесным своим языком
Передать мне светлые вести.

Мне ясна их добрая цель.
Ведь не знают эти созданья,
Что меня одарил апрель
Древней силой всепониманья.

1972

* * *

Ветерок раздул занавеску,
Поиграл, да и был таков!
Но занес мне частицу блеска
Распустившихся за ночь цветов,

Свист стрижей и веселый щебет
Все ж добросил он до меня...
Жизнь как будто заново лепит
Золотое начало дня.

Новый день! Ты опять со мною!
Свежесть утра, голубизна
Со струей воды ледяною
Прогоняют остатки сна.

Что с тобой появилось вместе?
Только солнце?.. Иль все же тень?
Ты какую одаришь вестью?
Я люблю тебя, новый день!

Принимал я тебя, не хныча,
И у пропасти на краю...
Что же ты впечатаетшь нынче
В ненасытную память мою?

1972

* * *

Постойте! Вы были в стране Апреля?
Где птичьи трели? Где звон капли?

Еще не бывали?.. Несу вам вести!
А лучше со мной поспешите вместе!

Там столько событий – волшебных, разных...
Сегодня Солнце справляет праздник.

Вы видите: весь небосклон – в движенье.
Похоже, Солнышко сына женит.

А может быть, не скажу вам точно,
Светлейшее выдало замуж дочку.

А может, их светлость, забыв про старость,
С возлюбленною наконец обвенчалось?..

Да так иль иначе, но в это утро
Оно разукрасило Землю мудро,

Очистило мир от зимы постылой
И души людские в цветы превратило.

Пьянит нас игристым воздухом-пивом,
Само, развеселое, правит пиром.

Друзья, торопитесь в страну Апреля!
Потом не сердитесь, что не успели!

1972

* * *

Апрель, апрель желанный
Сорвал замки с дверей!
И званный и незванный,
Входите к нам скорей!

Апрель – пора открытий!
Распахнуты сердца.
Влюбленные, спешите!
Не стойте у крыльца!

Апрель, апрель зеленый
Шутя взмахнет платком –
Спадают с глаз заслоны...
Друзей мы в гости ждем.

Апрель, апрель лучистый!..
Ручьев звенящий бег...
Душа с душою чистой
Сплетается навек.

1972

* * *

На улицах и на бульваре я,
Как все, в весеннем был угаре
И вспомнил, что весной в Болгарии
Друг другу «мартеницы» дарят.

Эмблемы счастья бело-красные,
Расцвета знаки и веселья
Дают друг другу, марты празднуя...
У нас разгар весны – в апреле.

В апреле делятся влюбленные
Со мною радостью живою,
Ведь радость, с кем-то разделенная,
Поверьте, радостнее вдвое.

Желают счастья мне прохожие...
Сегодня люди подобрели.
Все, все, как есть, они – хорошие,
Видать, таков закон апреля.

Ах, надо б нам дарить «апрелицы»,
Чтоб помнить о законе этом!
Пусть каждый щедро счастьем делится
И в осень, и весной, и летом!

1972

* * *

Под деревьями густого парка,
Где скамейки выстроились в ряд,
В дни, когда невыносимо жарко,
Сгорбленные бабушки сидят.

Точат лясы старые калмычки
В обществе седых своих подруг,
А внучата, по своей привычке,
Как телята, носятся вокруг.

– Здесь чудесно, словно в царстве Бумбы, –
Бабушки решают не впервой...
Между тем внучат прельщают клумбы
Золотом, багрянцем, синевой.

И ребята тянутся влюбленно
К шапочкам левкоев и гвоздик...
– Дети, отойдите от газона!
Не топчите!.. – раздается крик.

Правы мудрые старухи эти,
Согласиться с ними я готов...
Но своими личиками

дети

Так подходят к обществу цветов!

1972

* * *

Тучи появились в небе чистом,
Потемнели, дали обложив.
Над землею с трепетом и свистом
Низко-низко реяли стрижи.

Ветерок, повеяв из-за гребня,
Всю округу пропитал насквозь
Долгожданной влагою целебной...
К ночи – представление началось.

Прокатился гром раскатом смеха,
Молния рукою озорной
Разорвала небо,
и в прореху
Хлынул дождь – веселый, проливной.

Так хлестал, что небу стало жарко!..
Лишь наутро он утих вполне,
И сквозь радугу, как через арку,
Въехал день на золотом коне.

Солнце, землю обсушив на славу,
Сеяло лучи во весь размах,
И деревья, и цветы, и травы
Удлинялись на моих глазах.

1972

* * *

То, что воздух душистый, степной –
Все равно что аршан¹ молодящий, –
В этом я убеждаюсь все чаще,
По просторам блуждая весной.

Вот и нынче, прекрасно устав,
Я поднялся неспешно по склону.
За спиной у меня – Элиста,
Луг шумит подо мною зеленый.

Как щемяще знаком этот вид!..
Опираясь на ножки нетвердо,
Жеребенок поднялся... Стоит...
В матку тычется длинною мордой.

Снова взят я полынью в полон,
Горький дух ее мил с малолетства...
Точно я не взобрался на склон,
А спустился в далекое детство!

И, как в детстве, весна – хороша,
Небо чисто. Пьянит разнотравье...
Вправду, молодости аршан
Степь влила в меня, годы убавя.

1972

¹ Аршан – нектар.

* * *

Глянцевитой лазурью плотной
Небосклон расписали весь...
Может, рериховские полотна
Кто-то добрый развесил здесь?

Кобальт, охра, дымно-лиловый...
Меловые блики – дома.
Вдоль прозрачно-легкой основы
Золотая вьется кайма.

Безмятежно утро, безгрешно
Мир покоится в забытьи...
Почему ж воробьи поспешно
Укрепляют гнезда свои?..

Знают птицы: яркость лазури
Предвещает злобный порыв...
Скоро грянет пыльная буря,
Солнце тьмой тяжелой закрыв.

Видно, нет и в природе идиллий,
Беззаботно ясного дня...
Эти горькие мысли затмили
Радость утра в душе у меня.

1972

* * *

И безветренна даль и тепла,
Труд не спорится в эту погоду!
Слышу, в сад залетела пчела,
За нектаром, наверно, для меда.

Пожужжав, избирает цветок
С золотой, как янтарь, сердцевиной,
Запустила в него хоботок,
Тянет, тянет упорно и длинно.

Отдалась безраздельно труду,
Позабыв о приволье полета...
За ее вдохновенной работой
Я слезу, все никак не уйду!

Наконец шелохнулось крыло –
С разрисовкой тончайшей, сквозною.
И работница с ношей дневною
Над цветком поднялась тяжело.

А до улья лететь далеко!..
Что ж, премудрый, ты хмуришься гневно?..
Видишь, даже пчеле нелегко
Выполнять свой урок каждодневный!

1972

Полынь

Когда апрель рассыпал горсти
Лучей – сверкающих монет,
Я собирал в степи букет...
Цветы, как праздничные гости,
Меня пьянили пестротой –
Пунцовы, золотисты, сини...
И я не замечал полыни –
Такой привычной и простой.

Жарою сделалась теплынь,
И перешли в другие страны
Ромашки, лютики, тюльпаны.
Осталась горькая полынь.

Не помышляя о разлуке,
Она выносит знойный ад.
Струит целебный аромат,
Со степью, с нами делит муки
И машет мне рукой своей,
Как будто вовсе не в обиде,
Что, обольстясь красой гостей,
Я проходил,
ее не видя.

1972

* * *

Опять свершилось чудо:
Из сказочной дали,
Не то невесть откуда
Красавицы пришли.

Одна, с зарею схожа,
Блеснула у ворот.
В лицо взгляделся... Боже!
Мы вместе служим год!

Мы с ней давно знакомы,
Но девушка, маня,
Впервые по-иному
Взглянула на меня.

Дарует перемены
Ручьев журчащих бег.
Все ново во вселенной,
Когда растает снег.

Смывая с лиц печали,
Весна уносит муть.
Чтоб люди показали
Их подлинную суть.

1972

* * *

Зеленая, еще не колосится,
И все-таки высоко поднялась...
Густая шелковистая пшеница
Блестит на солнце и ласкает глаз.

Ее простая прелесть не тревожит
И словно бы загадок лишена,
Но из красот весны она, быть может,
Всех больше человечеству нужна.

И я люблюсь ею, рядом стоя,
Так, будто сам, с волнением, тоской,
В соавторстве с землею и водою
Замыслил некогда ее такой.

И позже – с вдохновеньем и искусством
Растил, лучами растопивши лед,
И вот теперь с таким ревнивым чувством
Слежу за продолжением работ...

Молю, чтоб мир она преобразила,
Желанья наши воплотив вполне...
Как будто я в нее вложил все силы,
А силы вдвое прибыло во мне.

1972

* * *

Кудрявый, на ножках точеных,
Руном серебристым блестя,
Малыш, трехнедельный ягненок,
Резвится в степи, как дитя.

Он так взбудоражен игрою
И силой окрепнувших ног!
Точь-в-точь как дитя озорное,
Подпрыгнул, несется вподскок,

Головка – немножечко набок...
Ой! Что-то стоит впереди!
Втянул удивительный запах
И словно воскликнул: «Гляди!»

И в том же восторге ягнячем,
Что счастьем зовут у людей,
Смешно, победительно скачет
К встревоженной матке своей...

Весна ему дарит обновы.
Ликует кудрявый, шалит...
Он, словно цветочек махровый,
Со степью апрельскою слит.

1972

* * *

Ребята, не пришедшие с войны,
Живыми посещают наши сны.

Родимых братьев мне они родней...
Так много провели мы славных дней!..

Уроки мы учили сообща.
При имени девичьем трепеща,
Влюбленные, мечтали в должный срок
И первый жизненный прошли урок.

Товарищей, погибших на войне,
Всегда живыми вижу я во сне.

Когда ж по знаку вспыхнувшей зари
Внезапно в клочья разлетится сон,
Мне все же шепчет кто-то изнутри:
«Мы здесь, дружище!.. Нами ты силен...

К тебе мы будем приходить и впредь...»
Они – со мной, друзья далеких дней!

Пока я жив, кто может их стереть
Из разума ли, из души моей?..

Любой из мертвых – жив и невредим,
Пока мы в памяти его храним.

1972

* * *

День двенадцатого апреля
Миру был так щедро подарен!
И слова по Земле гремели:
«Подвиг», «Слава», «Юрий Гагарин».

Разносились гордости клики,
Восхищенья искры живые...
Повторяли мы все: «Великий».
Мы писали в статьях: «Впервые...»

Слов нетронутых нет на свете,
Непривычных метафор – мало...
И до этого дня в газете
Много слов подобных мелькало...

Но с тех пор, как Земля в движенье
Круг за кругом вершит усердно,
От могучего притяженья
Не дерзал отрываться смертный.

И едва совершилось это,
К нам вернувшись вместе с ракетой,
Далью полное незнакомой
Слово

снова

стало

весомо.

1972

* * *

Весна... Мне кажется порой,
Что в это радостное время,
Что именно сейчас – весной
Всех знаний созревает семя,

Что все открытья на земле –
Из будущего, из тумана –
Весенний луч, сверкнув во мгле,
Как будто высветлил неожиданно,

И смысл, который в них сокрыт,
Он сделал силою могучей,
Той, что людей вперед стремится
И направляет к жизни лучшей.

В апрельский светлый день удач
На землю к нам явился гений,
Чей мощный разум был горяч,
Как животворный луч весенний.

Мы, люди, следуя лучу,
По лестнице многоступенной
Стремимся вверх...

И я шепчу:

– Весна, о, будь благословенна!

1972

Скворцы

Не рассказывают, где гостили,
Что увидели в краю другом...
До заката, не щадя усилий,
Подправляют прошлогодний дом.

Для детей жилье свое готовя,
Мать – в заботах, в хлопотах – отец...
На чету скворцов гляжу с любовью:
Что за птица славная – скворец!

«Даже если жаждой он томится,
Так, что гибель, может быть, близка, –
Мутной все же не глотнет водицы,
Станет пить он лишь из родника.

Нам бы гордую брезгливость эту!..
Чтобы каждый, избирая путь,
Устремлялся к чистоте и свету,
Придорожную минуя муть!

Ведь десятки самых тяжких бедствий
Лучше, чем душевная грязца...»
...Мудрость эту, слышанную в детстве,
Вспоминаю, глядя на скворца.

1973

Бывают запахи, в которых
О близком счастье скрыта весть.
Все пахнет: пыль, песок и порох,
У неба тоже запах есть.

И, может быть, явился кто-то,
О ком вот-вот узнает мир.
Кто запахам придумал ноты
И написал по ним клавир.

И может, я о нем услышу,
Прочтя на выступе стены
Необычайную афишу:
«Концерт из запахов весны».

1973

Друзьям детства

Друзья далеких детских дней!
Сжимаю вас в объятьях,
Держу вас в памяти своей
Все годы... Что считать их?!

Смотрю на милые черты
Сквозь влагу слез невольных
И по кварталам Элисты
Опять брожу, как школьник.

Тут встретил мой влюбленный взор
Девчонки взгляд лукавый...
А сколько лет прошло с тех пор,
Считать не нужно, право!

Со счету сбиться мудрено ль?
Мы все немного седы.
Видать, набилась в кудри соль...
Те – бабки, эти – деды...

А третьи где?.. Прошла война
Чредою бед, насилий...
Остались только имена.
Где те, что их носили?

А долго ль нам на свете жить,
Коль вдуматься глубоко?..

Но что о возрасте тужить?
Не вижу в этом прока!

Для наших глаз – и ты и я,
Любой из нас – молодчик!
Для нас – мы молоды, друзья!
Что нам до мненья прочих?..

Друзья! Вы – Родины тепло.
Вы с ней – неразделимы.
Что б Время нам ни принесло,
За все благодарим мы.

За мудрость и за благодать,
За счастье, за тревогу...
А годы?! Что нам их считать?..
Живем, и слава богу!

1973

Сказка

Ты спрашиваешь, как родится сказка,
Где начинается, в краях каких?..
Что ж, помолчи!.. Закрой глаза на миг.
И облака – их форму, их окраску –
В уме своем отчетливо представь,
Приблизь к твоей мечте неугомонной...

Теперь открой глаза! И, удивленный,
Мечту увидишь пред собою въявь.

Не правда ль, – в вышине голубоватой
Не облаков зубчатая гряда,
А город, снившийся тебе когда-то
Ясней, чем все другие города?..

И там, в тени причудливого зданья,
Стоит она, чей облик так знаком.
Она грустит и ждет с тобой свиданья,
Зовет, поет волшебным голоском...

Скорее к ней!.. Предайся безрассудству!
Нет, нет, постой!.. Чтоб не растаял миф,
Сначала мудро научись искусству –
Поверить в сказку, сказку сотворив!

1973

* * *

Когда вхожу в степной простор,
Когда гляжу на выси гор,
Когда сижу над морем, глядя
На синеву бескрайней глади,

Вдруг я почувствую на миг,
Что отчуждаюсь я от них,
Что их величием лишь встревожен:
Ведь возле них я столь ничтожен.
Столь жалок, столь бессильно мал,
Что, с чувством слабости не справясь,
Вдруг – я на том себя поймал! –
К ним ощущаю только зависть!

И тяжело от нее и душно!..
Но красота морей и гор,
По счастью, так великодушна,
Что, мне прощая этот вздор,
Дает опять с собою слиться...

И – мира малая частица,
Разумный атом бытия, –
Ликуя, сознаю, что я
Врастаю в ширь степи могучей,
И моря постигаю лик,
И ухожу с горами в тучи...
Подобно им и я – велик!

1973

* * *

Когда лютует злой мороз
С метелицей-сестрою,
Считаем пору летних гроз
Чудесною порою.

Когда томит июльский зной
И от жары чуть дышим,
Январь с пургою ледяной
Прельщает счастьем высшим.

А упоительные дни –
Меж холодом и жаром –
Проходят мимо нас они,
Мы их теряем даром...

Ценить лишь то, что не дано,
Нам суждено рождением
И роком определено:
«Что есть, того не ценим».

1973

* * *

Лишь о тебе в безмолвии, впотьмах
Я думаю... Душа моя – в смятенье.
Сон, на меня нагнавший белый страх,
Мне не дает уснуть ни на мгновенье.

Лежу во тьме и словно жду беду...
Вдруг кто-то злой, подкравшись втихомолку,
Со смехом разобьет мою звезду
На горестно звенящие осколки...

И вместе с нею ты в жестокой мгле
Сгоришь дотла, и ждать тебя напрасно!
А я, во тьме оставшись на земле,
Со стоном рухну, навсегда угасну...

Что делать мне?.. Как мне дожидаться дня?
Куда спастись от страха, от напасти?
Сейчас ты так далеко от меня,
Что, видишь, и до сна не добралась ты!

Нет, будет с нас несчастий и потерь!
За право жить заплачено сторицей...
Спаси меня! Войди в мой сон!..

Уверь,
Что ничего с тобою не случится!

1973

* * *

Что было «до»?

До дня, когда
Весна справляла торжество
И ты ступила на порог?..
Да что ж я делал в те года?
Чем жил тогда?.. И для чего?
Как вообще-то жить я мог?!

1973

* * *

Бывало, к домбре прикасалась ты вдруг
Рукою певучей, рукой своей белой.
И тотчас домбра откликнулась, гудела
И ливни веселья струила вокруг.

И с места срывались, ярясь, распалясь,
Могучие парни. Они что есть мочи
С притопом пускались в неистовый пляс.
Метали огонь соколиные очи.

И каждый по кругу стремился к одной,
Чьи взгляды манили, влекли, колдовали,
Он бил каблуками о пол земляной,
Да так, что засохшие корки взлетали.

И плечи калмыцких красавиц в кругу
Парней задевали, и ширилась буря.
Сгибался блестящий сапог на бегу
В фигуре мольбы – знаменитом
«мольджуре».

Но я не за пляской следил в этот миг –
За белой рукой, за ее пятилучьем.
Чтоб только со взглядом не встретиться
жгучим
Двух огненных глаз – двух сияний твоих.

...Где радость, где горесть далекой поры?
Не раз о грядущем мечтал я, бывало...
А нынче прошедшим грядущее стало
И в сердце гудит, словно отзвук домбры.

1973

Баллада диких тюльпанов

Идет весна калмыцкой степью,
Как обновленья благодать.
Зеленому великолепью
Конца и края не видать.
По всем равнинным перекатам
До горизонта там и тут,
Наполнив воздух ароматом,
Тюльпаны радугой цветут.

Но мой глубокий гнев не вздорен
И справедлив печальный взгляд,
Когда их рвут под самый корень
И с корнем вместе теребят.
Потом домой, себе в угоду,
С природой-матерью на «ты»,
Увозят, празднуя свободу,
Охапки мертвой красоты.

Несут и хвастают открыто,
От жадности оторопев,
К себе домой – свинье в корыто,
К себе домой – корове в хлев.

Прекрасным заревом расцвета,
Увы, никто не дорожит.
А степь, измята и раздета,
Вдали, как нищая, лежит.

И от воинственной отваги
Нигде не скроешься уже:
Нырнешь в овраг – найдут в овраге,

В межу – захватят на меже.
Нет для тюльпанов места в поле,
Нет ни вблизи, ни вдалеке,
И только память горькой боли
Есть в поэтической строке.

Друзья, родства живые нити
Ищите в мире красоты.
И, как любовь свою, храните
Тюльпаны – дикие цветы.

Гениям прошлого

О гении минувшего!

Не мне

Тягаться с вами живописной силой!
Такое мне и в мысль не приходило.
Где мне до вас?!

Недавно в тишине

Я, просмотрев труды свои, постиг
Масштаб, предел возможностей моих.

Да, несравнимо наше мастерство!..
Но здесь не место – самоуниженью!
Пусть я – не гений...

Но чего-чего

Не навидался я на протяжении
Моих шестидесяти трудных лет!..

Ведь, если это все извлечь на свет
И, следуя лишь истине единой,
Вновь оживить картину за картиной,
Насыщенную свыше всяких мер, –
То – не гневись, божественный Гомер! –
Сраженья Илиады, гибель Трои
Покажутся ребяческой игрою.

Когда я кобальт и другой металл
В промерзлом Заполярье добывал,
Когда в Норильске новом, строя зданья,
На побережье океана дрозг
И лишь ладонью заслониться мог

От ледовитого ее дыханья,—
Тогда — о Достоевский!— ваш острог
Казался мне — в мертвящем том тумане —
Не самым страшным местом на земле:
Все ж и зимой вы были там в тепле!
Пусть мне в искусстве далеко до вас,
Могучие!..

Но в жизни я не раз
На плечи поднимал такую тяжесть,
Что, может, и Атланту неподым,
И вот, неробким голосом своим,
На равных с вами говорить отважусь!

Бессмертными созданьями светясь,
Вы на земле остались и сейчас,
Но все ж по опыту вы были дети,
И я, живущий на земле пока,
Я старше вас не то что на века,
А, может быть, и на тысячелетья!

Пусть был ваш век и сложен, и велик,—
Вы космоса не знали грозный лик,
Вам судьбы наши невообразимы:
Фашистское вас не касалось зло,
И ум, и сердце вам не обожгло
Проклятье огненное Хиросимы.

Ту боль, ту радость, что открылись мне,
Вы не видали даже и во сне.
Из вымысла вы создавали слово,
А я... я недостачу мастерства
Тщусь возместить, пока душа жива,—
Переизбытками пережитого.

* * *

Везде, в любые времена
В своих приливах и отливах
Не воплощала жизнь сполна
Мечтаний даже у счастливых.

Мне ль на такую благодать
Рассчитывать?..

Скажу заранее:

Мне не приходится мечтать
Об исполненье всех желаний.

Нет у меня на это прав!
И я склоняюсь пред тобою,
О жизнь, с единственной мольбою:
Казни за все, в чем я не прав,

Но близких мне и дорогих
Не позволяй судьбе обидеть,
Страданий никого из них
Не дай глазам моим увидеть!

Золото матери

(Быль)

*Памяти мамы,
Кугультиновой Анны Александровны,
посвящаю*

Был лютый голод. Шла война,
Разор и гибель щедро сея.
А в городке у Енисея
На рынок скудный шла она,
Калмычка ссыльная, старушка
Из дальних прикаспийских мест.
«За что ей вышал тяжкий крест
Скитаться, будто побирушка?
За что ей мстят? За чью вину?
Неужто в том она повинна,
Что три ее кровинки-сына
Ломают третий год войну?!»
Не первый день, не первый год
Ее терзает эта рана.
Вся жизнь ее лишь в том, что ждет
Манджи, Басанга и Сарана.
Дожить бы только, чтоб сыны
Вернулись целыми с войны.

Базар. Людской нервозный гуд
В сплошном махорочном тумане.
Но что купить ей можно тут
С ее десяткою в кармане,

Когда и сотни не в чести.
Торговли нет, есть только мены.
Что для обмена ей нести?
Своей слепой каморки стены,
В которой даже нет окна,
Где лишь топчан, точнее – нары?
В раздумье тягостном она
Идет по улице с базара.

И вдруг в пыли, у самых ног,
Средь грязных вымоин и кочек,
Она увидела платочек,
Что был завязан в узелок.

С трудом нагнувшись, узелок
Она взяла и развязала.
Увидев, что таил платок,
Она взволнованно сказала:
«О, маани! И вдалеке
Я для бурханов не чужая!»
Лежал, искрясь, в ее руке,
Лучи светила отражая, –
Солнцеподобный золотой
С чеканным ликом Николая,
Огнем нежгущимся пылая,
Червонец!

Спрятав дар святой,
Старуха к дому заспешила,
И даже голод вмиг исчез.
«Я перебьюсь! – она решила. –
Но этот щедрый дар небес
Не трону ни за что на свете

(Хоть ныне нет ему цены!),
Пока не возвратятся дети,
Мои любимые сыны!
Тогда продам, и всем хотонюм
Устроим пиршество в их честь...»

А в это время почтальоном
Принесена старушке весть
О том, что больше нет Сарана,
Что он геройски пал в бою,
Не посрамив страну свою.
Заныло сердце, будто рана,
Но боль утишила она,
К беде привыкшая калмычка—
О, эта страшная привычка!
«Я нынче плачу не одна,
Сегодня плачет полстраны—
По сыновьям, мужьям и братьям,
Невозвратившимся с войны.
Нет меры горю и проклятьям».

* * *

Забвенья нет такой беде!
Лекарства нет от этой боли!
Она искала их в труде:
Набив кровавые мозоли,
Копала с зорьки дотемна
В совхозе с бабами картошку.
И отходила понемножку,
Лишь гуще стала седина.
Недолгим оказался срок

Душевной этой передышки.
Опять к ней в дом явился Рок,
На этот раз в лице мальчишки,
Который ей письмо принес,
Листок стандартный был в конверте.

Гласил он о геройской смерти:
Погиб Басанг...

Навзрыд без слез
Мать заметалась над бумагой—
Глаза на миг затмила тьма,—
Не оросив священной влагой
Листок казенного письма.
Судьба дала здоровья впрок,
Росла она в степи не даром!
Но все ж сумел проклятый Рок
Свалить ее вторым ударом.
«Всю жизнь растила я сынов—
Двоих не стало в две недели!
И вот сама лежу в постели
Средь горькой яви, страшных снов.
А где-то мой сынок Манджи...
О небо! В чем я виновата?
О Справедливый! Подскажи,
За что жестокая расплата
Со мной?»

За что — напомни мне
Мои грехи в большом и малом!..»

На шатком лежа топчане
Под старым ветхим одеялом,
Старушка-мать шептала вслух,

Срок роковой, отсрочки нет:
«За то, в чем только мать повинна,
Манджи покинет белый свет!»
Всею силой, верой, волей всею,
Чтоб сына не отдать врагу,
Она стремилась к Енисею.
И вот она на берегу.
Развязан узелок.

И вот —
Червонец сгинул в бездне вод.

* * *

Книг все больше, больше – что ни год!
Тот, кто будет только чтением занят,
Не осилив даже части,

тот

С места до седых волос не встанет!

А столетий этак через пять
Не сочтешь томов – тяжелых, славных!..
Удосужится ль наш след сыскать
В этих книжных штабелях наш правнук?!
Сможет ли к нам в душу заглянуть?..
Впрочем, кроме книг, другой есть путь.

Летних трав горячее дыханье,
И цветов весенних аромат,
И таинственное полыханье
В темном небе звездных мириад...

По весне знакомых птиц прилет,
Звук курлыкающий, журавлиный...
В радости ли, в грусти беспричинной,
Может быть, догадка промелькнет?..

Может, через много сотен лет
Здесь-то и отыщется наш след?..

1973

* * *

Это связано жестко,
Хоть в учебник впиши:
Ожирение мозга
С дистрофией души.

1973

* * *

По просьбе некоего поэта
Я взял стихов его тетрадь
И стал с надеждою искать
Таланта свежего приметы.

Сперва порадовался очень:
Он славно формой овладел,
Язык его довольно точен,
Едва ль не каждый образ – смел.

Как будто бы он ценит слово...
Но вскоре мой восторг поблек:
От строк поэта молодого
Шел стариковский холодок.

Для доброго, живого чувства
В тетради места не нашлось.
От сердца – разве только злость,
Все остальное – от искусства.

Но даже лучшего подделкой
Не возместите солнца свет...
Бывал ли на земле поэт
С душой нелюбящей и мелкой?!

И я отбросил прочь невольно
Стихи без сердца, без любви,
Как будто кто-то очень больно
Надежды обманул мои.

1973

* * *

Порой высокое смешно
И вызывает раздраженье,
А в низком – ценное зерно...
Какую выбрать точку зренья?

Всего труднее на пути –
Хоть пройдено уже немало! –
Ту точку зрения найти,
Чтоб с точкой Истины совпала.

1973

Совет

Когда все то, что ты создал,
Воспримут люди без похвал
И, может стать, от обид
Внезапно желчь в тебе вскипит,
Ты отойди на два шага
И сплюнь, в сторонке став от круга,
Чтоб не обрызгать желчью друга
И не порадовать врага.

1973

* * *

Суди о даре и судьбе
Знакомого поэта
Не по крикливой похвальбе:
Другая есть примета.
В душе, которая светла,
Талант цветет победно.
На ядовитой почве зла
Талант сгниет бесследно.

1973

* * *

Затрепетали лепестки тюльпана,
И развернулся медленно бутон,
Как будто вскрылась розовая рана...
Мне кажется, я даже слышал стон.

И мне подумалось: живая клетка,
Когда желает свой продолжить род,
Вот так же – и мучительно и редко –
Двоится и – похоже!– смерти ждет.

Наверно, так страдает все живое,
Когда решится быть живым и впредь!
Чтоб в бытие перешагнуть иное,
Страданье мы должны перетерпеть.

И храбрый знает, что мужаться надо,
Он закаляет разум, дух и плоть,
Чтобы свою преодолеть преграду,
Чтоб собственную боль перебороть...

Но тот, кто, боль преодолев земную,
Подвинул человечество вперед,
Стяжал навеки славу мировую, –
Он, словно светоч, в высоте плывет.

1973

* * *

Кто Правду с Кривдой смешивал в одно,
Лишь грубой силе безусловно веря,
Случалось, был прославлен в полной мере.
Таких имен немало в мире... Но,

Как только притуплялся меч в руках, —
Зловещих слухов поднималась заметь...
Тускнело имя. Рассыпалось в прах,
В народе черную оставив память.

Но тот, кто силой зоркого ума
От Кривды Правду очищал всечасно...
Такое имя глению не подвластно,
И от него бежит в смятенье тьма.

Оно, как путеводная звезда,
Ведет через провалы, через горы.
И, людям став могучею опорой,
Сиянья не утратит никогда.

Пусть поколение за поколением
Сменяется, пусть сменится опять,
Что б ни случилось в мире, —
имя «Ленин»
Все так же будет к новой жизни звать.

1973

* * *

Любуюсь ли отарой пышнорунной,
Одевшей степь, как белые буруны,

Смотрю ли, как степенная корова
Несет ребятам нашим смех здоровый,

И дети, как цветочки в детсаду,
Восходят, окруженные заботой,

Когда рабочих руки
на ходу,
Подобны лебедям, готовым к взлету,

За домом новый воздвигают дом;
Когда гляжу, как по путям бетонным

Машины, нагруженные добром,
Снуют, несутся к городам, хотонам,

Когда мои собратья по перу
С талантом учат правде и добру,

Мне часто кажется, что, жизнью правя,
Явлений этих направляет ход
Владимир Ленин, —
тот, кто в полной славе
В душе у каждого из нас живет.

1973

* * *

Когда багрянцем, желтизной,
Лиловой краскою, пунцовой
Бескрайний наш простор степной
Цветы расцветчивают снова,

Я выхожу и молча пью, –
И вдосталь не могу напиться! –
Нектара сладкую струю...
И тут нежданно узнаю
Средь венчиков – родные лица.

Пришли, друзья?..

Добры. Тихи.

Ко мне склоняя стебель гибкий,
Простили мне мои грехи,
Мои невольные ошибки...

Все собрались, обстали вокруг,
Беззвучно праздную свиданье...
Я чую легких ваших рук,
Вернее – лепестков, касанья...

Цветами стали вы, друзья!
А может, этим днем весенним
Совсем не вы сейчас, но я
Внезапно сделался растеньем!

Свершилось это волшебство...
Но я, не доверяя чуду,
Не осознал еще покуда
Преображенья своего.

И вот, растерян и смущен,
Стою, смотрю в степные дали,
Не зная, что прервался сон,
Который «жизнью» мы считали,

Что на мучительный вопрос:
«Зачем, мол, я живу на свете», —
Блистаньем рос, жужжаньем ос
Дало ответы многоцветье...

И я, простой степной цветок,
Расту, листки свои колебля,
Не мысль во мне, а крепкий сок
Легко взбегает вверх по стеблю.

Я понял: высшей правды вкус
Похож на вкус земного сока,
И смерти больше не боюсь,
Как все, кто в землю врос глубоко...

Впитал я радости настой,
Преобразился и окреп я...
И вот — расту в траве густой,
Неразделим с весенней степью.

Из братиславской
тетради

Однажды утром...

Я жил в старинном замке...

На угоре,

Деревьями густыми осенен,
Вознесся он, как бы из тьмы времен,
Всем обликом с двадцатым веком споря
И на округу глядя свысока.

Примерно километрах в сорока
От Братиславы

щурил этот замок

Глаза-бойницы, величав и строг.
Здесь, на мосту, трубил когда-то в рог
Граф Палфий.

Девяносто девять самых

Богатых замков

Палфию в стране

Принадлежало. (Так сказали мне.)

Эпоха рыцарей давно прошла.
Потомкам графа в замке стало худо,
И времени могучая метла
Безжалостно их вымела оттуда,
А вместе с ними и понятие «граф»,
Надменный этот замок передав
Словакам – тем, чьи деды несомненно
Века назад

вложили в эти стены

И творческий порыв, и горький пот.
По праву получил теперь народ
Владенья графа, парк с высокой крутью...

Метла времен, во славу бытия,
Сметала сор. Трудились честно прутья...
Одним из них, быть может, был и я,
Не ведая о том и мало знача
Сам по себе.

Но так или иначе
Я в замке жил.

В его великолепье
Попал я прямо из калмыцкой степи
И в прошлом оказался наяву,
Руками щупая средневековье...
...И вот с неделю в замке я живу,
Волнуемый и стариной и новью.

С утра меня пленяет новизна
Не менее, чем древнее величье.
Глаза открою – щебетанье птичье,
Как ветерок, сгоняет клочья сна.
И я встаю и выхожу под сень
Дубов...

И, словно колокольчик звонкий,
Хрустально-чистый голосок ребенка
Мне ласково желает:

– Добрый дэнь!

И я, растроганный, стою пред ним,
Мальчишкой этим – маленьким словаком, –
И глажу по волосикам льняным,

Порою слово заменяя знаком
(Непросто нам друг с другом говорить!).
Но с ним меня Добра связует нить,
Все чувства лучшие во мне он будит,
Я верю: день и вправду добрым будет...

Однажды утром, сидя за столом,
Я занят был пожизненной работой:
Писал стихи.

Но приключилось что-то:
Внезапно ритм как будто сбился в ком,
А слово встало на пути преградой.
И понял я: передохнуть мне надо,
Иначе я увязну, словно в тине...
Обидно труд бросать на середине,
Но все ж придется, рад или не рад.
Уж если у тебя в стихах «заело»,
То за столом сидеть – пустое дело:
Вставай, иди куда глаза глядят...

И я спустился вниз, в прохладу парка,
Но по пути немного сахарку
В карман себе припрятал для подарка,
Подумав: «Может, угожу дружку...»

Я шел в досаде: все же неспроста
Заминка эта – чуждые места
Работе не способствовали сроду...
Что может подсказать калмыку, мне,
Тевтонский замок?..

Холодно вполне
Смотрел я на него и на природу...

Над головой шумели деревья –
Косматые деревья вековые,
Внизу сверкала свежестью трава
Так, будто бы сейчас ее впервые
Примнут...

Топтать ее мне было жаль...
По узкой тропке, побежавшей вдаль,
Побрел я, сокрушаясь неустанно,
Что плохо поработал...

На поляну
Я вышел...

Можно ли ее назвать
Поляной?..

Нет, она была сладчайшей,
Наполненной запахами чашей,
Широко разливавшей благодать
Шуршания, жужжания, роенья...
Она была точь-в-точь – стихотворенье,
То, что никто не в силах написать.

И все оттенки зелени и сини,
Вся роскошь красоты ее цветной,
Сгустившись, вдруг предстали предо мной
В одном созданье – сказочном павлине.

Он выгибал лазоревую грудь,
Покачиваясь... Ветром колыхало
Хвоста блистательное опахало,
Которое успел он развернуть
Чуть не вполнеба...

Красок перелив,
Не спорю, был пленительно красив.

Всем поражал павлин: хвостом, короной,
Игрою изумрудов, янтаря...
Но все-таки, по чести говоря,
Я не люблю красы самовлюбленной.
Смешит меня павлинье хвостовство.
Когда он выступает перед павой,
То в этот миг напоминает, право,
Старинного знакомого моего,
Который перед некоей особой
Речист и горделив совсем особо.

Собою так доволен он, павлин,
Как будто облик свой он сам, один,
Создал по гениальности своей
И вот теперь красуется пред всеми,
Мол, «наслаждайтесь мною»...

В это время

В кустах концерт свой начал соловей.

Там,

в глубине,

в тени прохладно-зыбкой,

В благоуханном, лиственном доме,

Прижав к груди невидимую скрипку,

Он заиграл, не зримый никому.

Прикрыв глаза, с древесным слившись

шумом,

Души своей преодолев предел,

Он зазвучал...

Он о себе не думал:

Он просто пел. Он лишь звучал и пел.

В том отречении, в самозабвенье,

Где самой чистой музыки исток...

Разом
Слизнул шершавым теплым языком
С ладони сахар.

И внезапно ток
Тепла
вверх по моей руке потек
И в сердце, до мельчайшего изгиба,
Проник...
Присвистнул странно мой дружок,
Должно быть, это значило – «Спасибо».

А струйка нежности текла, текла,
Душа раскрылась и затрепетала,
И понял я, что этого тепла
Сегодня мне как раз и не хватало.

Дружочек мой!..
Историю его
Мне рассказали...
Как-то, ранней ранью,
Беспомощное это существо
Нашел лесничий рядом с мертвой ланью
Высоко в Татрах
и принес домой
Комочек теплый, влажный, чуть живой.
Взрастил, вскормил из соски сироту,
Став матерью ему в какой-то мере...
Так вырос олененок,
в доброту
И благородство человека веря...

Вдруг оживилась тихая тропа:
Завидев под кустами олененка,
К нам устремилась школьников толпа.
Они его приветствовали звонко,
Быть может, слишком звонко...

Древний страх

В животном пробудился на мгновенье,
Подпрыгнул олененок...

И в кустах

Исчез бесшумно, точно сновиденье.

Но замелькало пятнышко вдали...
Ребята вслед – крикливой вереницей,
Они с собою сахар принесли
И жаждали с любимцем поделиться.

...И это все: щемящее доверье
Зверька лесного. Блеск лучей живых.
Все, – даже пестрые павлиньи перья, –
Цветы и травы. Птицы, щебет их.
Трель соловья. Нестройный детский хор, –
Все это вместе, слившись воедино,
Скопилось и прорвало, как плотину,
В стихах образовавшийся затор...
И слово – то, что стало поперек, –
Поддавшись, сдвинулось.

Стиха поток

Пошел по руслу – плавно и просторно,
Послушный ритму, замыслу покорный.
Как будто кто-то угол осветил,
Где я топтался слепо и несмело.

Душа моя, набравшись свежих сил,
Внезапно распрямилась и взлетела,
И там, в пространстве, подыскал я слово
Для истины, что вдруг предстала новой:

Да если есть хотя б один такой
Блаженный день, когда, взломав преграды,
Свободу обретаешь и покой,
Чего еще, скажите, людям надо?!
Не слишком ли в желаньях мы жадны?..
И, недовольные своею частью,
Неутолимо жаждем новизны,
Не замечая будничного счастья?..

Чего тебе?.. Есть голова и руки.
Глаза, чтоб видеть солнце в вышине.
Есть уши, что готовы в тишине
Ловить едва родившиеся звуки.
Есть сердце у тебя в груди... Оно
Еще безмерно в землю влюблено
И гонит кровь пока без острых болей...
Есть мысль твоя!..

Она твоею волей
Весь мир познать пытается упорно,
Не разъедая самое себя
Бесплодной злобою, людей любя
И слава круг природы животворной,
Вникая пристально во все, стремясь
Нащупать между всем живущим связь,
Полет звезды и вздох травинки слыша...
Да разве есть на свете счастье выше?!

О тайнах жизни думая немало,
Жестоко сокрушался я, бывало,
О том, что столько лет моих прошло,
Что сверстников уменьшилось число,
Да так, что счесть их всех по пальцам
можно,
Причем достанет и одной руки...
Что дни «царя природы» коротки,
А коль сравнить с природой, так –
ничтожны...

И я негодовал. Но, поседев,
Я понемногу усмирил свой гнев,
Взглянул на жизнь спокойнее, свободней,
Во всем пытаюсь высший смысл найти,
Что по частицам растерял в пути
Тысячелетнем...

И нашел сегодня!

Да, нынче в парке, здесь, при ясном свете
Я подошел к разгадке бытия,
Вдруг ощутив, что приобщен к бессмертью
Природы...

Что природа – это я.

И вот, блюдя закон калмыков строгий,
Которому учила в детстве мать –
«Делиться всем, что ты нашел в дороге», –
Другим пытаюсь опыт передать.
Людей мудрейших превзойти не тщась,
Все ж послужить хочу людскому благу...
И потому все это я сейчас
Занес пером на белую бумагу.

* * *

Когда отчизна далека,
Ты вскоре постигаешь, мучась,
Какая тягостная участь –
Не знать чужого языка.
«Зачем я в школе пренебрег
Немецким и английским вместе? –
Ты говоришь себе в упрек. –
Вот – видишь!– грянуло возмездье!»
За рубежом, между чужими,
Нет-нет с тобой столкнется тот,
Кому твое знакомо имя,
Стихов известен перевод.
И, встрече радуясь нежданной,
Он что-то говорит пространно
И от тебя ответа ждет...
А ты вздыхаешь виновато,
Краснеешь («вот она – расплата!»),
Ты тщетно напрягаешь слух.
Увы! Ты так же слеп и глух,
Каких ни прилагай стараний...
И, уподобясь обезьяне,
Прибегнешь ты (в который раз!)
К подмоге жестов и гримас.
Ты, в сущности, бессильней всех,
И дети сдерживают смех,
На жалкие потуги глядя,
И про себя решают так:

«Как непонятлив этот дядя!
Не знает даже слов – бедняк!»
В глазах у взрослых грусть и жалость,
Душа твоя в молчанье сжалась,
Ты потускнел и как-то сник...
А твой язык, родной язык,
Тот, что тебе всего дороже,
На время обесценен, схожий
С монетою – из тех монет,
Каким в стране хождения нет.
Хоть погибай от жажды лютой,
Не купишь на нее в стране
Глотка воды...

И лишь во сне
Она становится валютой,
Лишь ночью, втайне ты богат...

О, слово!.. Драгоценный клад!
Отличие племени людского,
Созданье человека – слово!..
Теперь ты познаешь сполна,
Как высока его цена!

Сон в замке

Тот замок как будто из книги возник,
Белея в зеленой рамке.
Я – в замке. Быть может,
я – первый калмык,
Живущий в старинном замке.

Здесь я окружен и заморожен
Красою средневековья.
Но спать неуютно в месте чужом,
И здесь мне странно и внове.

Стемнело. Деревья в окне черны.
Чуть слышится шорох дальний.
Таинственно бродят лучи луны
По графской опочивальне.

Меняют предметы свой облик дневной,
Окутаны лунной тканью.
Не спится... Проходят передо мной
Рыцарские преданья.

Я вспомнил Артура и круглый стол,
О них я читал когда-то.
Вдруг – топот... По лестнице кто-то взошел.
Гремят тяжелые латы.

И слышу я – рыцарь ступил на порог...
Над пышным моим альковом

Стоит он – большой, с головы до ног
Железной броней окован.

Меня прошибает холодный пот.
Кого мне судьба послала?..

Багровые искры летят из-под
Спущенного забрала.
Он поднял копьё, выставляет щит...
– Сейчас тебя уничтожу!
Посмел ты, о призрак! – он мне кричит, –
Занять мое графское ложе!

«Я – призрак?!»

Мой страх исчез без следа,
И я закипел от злости.
– А сам-то ты кто?.. Что пришел сюда?
Никто не звал тебя в гости!

И только слышался голос мой,
Пришелец упал на колени,
Бормочет в смятенье: – Живой, живой... –
Дрожит, словно лист осенний.

Не искры слетают с железных век, –
Слезинки влажные нити...
– Не знал я, что вы – живой человек...
Простите меня! Пощадите!

Смущенный, твержу ему:
– Встаньте с колен!
Неловко мне, тяжело мне...
Ведь я – не король, не ваш сюзерен.
Я – лишь литератор скромный.

– Как?! Вы – литератор?! –

И новый страх

Из глаз его выбил пламя.

– Волшебная сила у вас в руках,
Король – ничто перед вами!

Король, он с единого раза казнил
Врага своего живого.

А слово... Доходит и в глубь могил
Оружие ваше – слово.

Вонзится, казнит опять и опять
Наш прах беззащитный тревожит.
Живым так легко на мертвых клепать:
Мертвец возразить не может!
Безгласные, молча клянем судьбу,
Нелепым вымыслом внемля,
И в муках ворочаемся в гробу,
Стуча костями о землю.

Заржавели добрые наши мечи,
Сраженья нам не по силам...
Молю об одном: обо мне молчи! –
Как нищий, меня просил он.

...Рассвет разгорался. Исчезла тень,
Во сне приснилась, как видно.
Конечно, приснилась...

Но целый день
Мне было чего-то стыдно.

Песня матери

Без всякой осязаемой причины
Из тайников души, из глубины
Нет-нет да появляются картины
Давно ушедшей в прошлое войны.

Полупрозрачные, они при этом,
Как будто с них покров защитный снят,
Таким особенным сияют светом,
Что плотность яви прочно заслонят

Тем вечным,— тем, что ни старо, ни ново, —
И, вглядываясь в пройденный свой путь,
Уж не былое видишь, а бывшего
Открывшуюся подлинную суть.

Так и сегодня сердце мне стеснило
И пред глазами явственно прошло
Войною разоренное село
На Украине, издавна мне милой.

Мы за него жестоко воевали,
Из цепких лап врага его спасли,
А там захватчиков погнали дале,
Все дале от истерзанной земли...

До мелочей припомнить все могу:
Дымились обгорелые халупы.

На темном, чуть подтаявшем снегу
Навалом громоздились вражьи трупы.

(Смерть, словно жизнь, не терпит
симметрии!),

И мы шагали среди врагов немых,
Не радуясь, что мы убили их,
Но радуясь тому, что мы – живые.

И, счастье жизни ощущая смутно,
С тем чувством, что порой дает война,
Чему-то улыбались поминутно,
Шли трезвые, но словно вполъяна.

...И наконец приотворилась дверь,
И мы – в хатенке, в мазанке саманной.
Вот он – солдатский отдых долгожданный –
Случайный кров... Не помню я теперь,

Что я сперва заметил в теплом доме,
Куда мы шли сквозь леденящий ад,
О чем я думал, глядя на солдат –
Друзей моих, вповалку на соломе

Заснувших тут же... За окном гремела
Война всей какофонией своей,
И все же сладко разомлело тело.
Покой – его не знал я столько дней! –

Одел меня густой, тягучей дремой,
И напряженья долгого костяк,
Сковавший душу, словно бы обмяк...
«Я дома,– мне казалось,– снова – дома».

И я предался зыбким сновиденьям, –
Глубокий сон мне все же не был дан,
Нет, я блуждал меж сном и полубдением,
Похожим на светящийся туман,

Где брезжит явь с мечтою по соседству.
То мне казалось: я перенесен
В начало жизни, в мир уютный детства,
А то куда-то вдаль, за грань времен.

Быть может, в сказочку – где даже черти
Лишь простодушно и смешно хитры,
А может, в край, который вне игры,
Где ночи нет. Нет неизбежной смерти.

Где никогда не проливают кровь,
Не прибегают к хитрому обману...
Короче, я в стране обетованной,
Где обитают дружба и любовь.

Не странно ли, что в это время злое
В реальный рай поверил я вполне,
Как верят в сказку дети всей душою.
Остаться в нем так захотелось мне!..

Но пленка сна внезапно раскололась!
Все ж, пробудясь, я был вознагражден,
Увидев ту, чей задушевный голос
Взрастил во мне чудесный этот сон.

Набросив шубку ветхую на плечи,
Раскачивая старый табурет,

Она сидела возле жаркой печи,
И на нее багряный падал свет.

Он оживлял поблекшую косынку,
На кофточке изношенной блестя...
Я видел молодую украинку,
Баюкавшую малое дитя.

Играл на них обоих свет горячий.
Ко рту младенца грудь прижала мать,
Чтоб дитяtko нежданым взрывом плача
Наш сон солдатский не могло прервать.

Так ласково она, так нежно пела,
Что все казалось продолженьем сна.
Не шевелясь, я слушал онемело...
Где эту песенку взяла она?..

– Дитя беды, мой сын, моя отрада,
Прижмись покрепче к маминой груди...
Не надо плакать, не кричи... Не надо.
Своих уснувших братьев не буди...

Слова с напевом слиты нераздельно.
И, притворяясь, что уснул я вновь,
Я упивался песней колыбельной,
В которой слышалась сама любовь.

Я замирал, я припадал к истокам,
Где сплетены и музыка и речь.
Дохнуть боялся, чтобы ненароком
Родник волшебных звуков не пресечь.

А музыка вилась благословенно,
Как ветерок, меж спящих на полу,
С их лиц угрюмых разгоняла мглу,
И лица прояснялись постепенно.

Вдоль рук и плеч, натруженных оружием,
Струилась чистою прохладой всей,
И головы солдат – моих друзей, –
Мне чудилось! – венчала полукружьем,

И спящие попали, может статься,
В край материнской благодной души...
А может быть, любимые им снятся,
Что поджидают их в тылу, в глуши...

Солдаты спят, во сне вкушая прелесть
Любви, покоя, мирной тишины...
...Чего они в боях не нагляделись!
Чего не натерпелись в дни войны!

Но холод, жажда, рокот ураганный,
Разгар сраженья и его исход,
Когда ладонью зажимают раны,
Как чаши, что расплещутся вот-вот,

Все – даже смерть, что с ними долго-долго
Шагала рядом в дни, когда любой
Во имя Родины, во имя долга
Без колебаний жертвовал собой,

Все отошло по воле песни этой,
Исполненной печали и Добра,

Как будто спала жесткая кора
С души солдатской, песнею согретой...

Когда все время стискиваешь зубы,
То кожа сердца,— что скрывать, друзья! —
Хотя б отчасти делается грубой,
Иначе боли выдержать нельзя.

И теплота твоя и человечность
Забиты в самый дальний уголок...
И чувства эти вдруг на свет извлек
Напев, который породила вечность.

...А женщина, держа рукой сынка,
Шубейку запахнула и привстала...
Сейчас, когда гляжу издалека,
Сквозь толщу лет,— черты ее, пожалуй,
Мне кажутся не столь уж хороши,
Но сквозь обычность личика простого
Так проступала дивная основа —
Сияющая красота души,
Что, право, если б захотел художник
Само Добро представить во плоти,
То и среди красавиц всевозможных
Натуры лучше бы не смог найти!

С младенцем на руке скользила мать,
Меж спящих проходила невесомо,
Кому, склонясь, поправит клок соломы,
Кому со лба волос откинёт прядь,

Чтоб легче, чтоб спокойнее лежалось
Солдатыкам, уставшим от войны...

Казалось, материнства боль и жалость
В ней, в ней одной сейчас воплощены,

В ее крови – подумалось в тот миг –
Наследие украинских прабабок, –
Могучих духом, хоть по виду слабых! –
Что снаряжали в Сечь сынов своих.

Казалось, впрямь родные сыновья,
Кого она вскормила и взрастила,
Здесь на полу лежат...

«А ей от силы –
Лет двадцать, двадцать пять...» – подумал я.

«И ведь сейчас – всех старше,
всех мудрей...»

Кловясь по-матерински к изголовью,
Она напоминала нам с любовью,
Что все мы – дети наших матерей,

Что все мы в мире кем-нибудь любимы
И любящие мыслью к нам летят,
Чтоб исцелить в сердцах у нас, солдат,
Раненья, что чужим глазам незримы...

А колыбельная все длилась, длилась,
И, заглушив раскаты бурь и бед,
Она как будто в сумраке светилась,
Наполнил мир ее волшебный свет...

В тот день, еще не осознав, наверно,
Я ощутил, что женщина смогла
Своею правдой – светлой, милосердной! –
Осилить черную неправду Зла.

Что голосом своим, прикосновеньем
Она осуществляет в тишине
Победу жизни над уничтоженьем,
Над смертью...

О, как сладко было мне

Проснуться, точно от дурного сна,
От зла войны и вспомнить в лихолетье,
Что есть она, есть женщина на свете,
Та, что любви и нежности полна!

Прошла война, а за войной суровой –
Года иных печалей и тревог...
Все описал бы я, когда бы смог,
Но нелегко порой дается слово!

О жизнь!.. Когда, ликуя иль скорбя,
Хоть черточку в твоём изменишь лице,
Тотчас же исказится смысл великий...
Смолчишь, – унизишь Время и себя.

И вдруг возник в уме картиной цельной,
Казалось бы, забытый эпизод...
Перед глазами явственно встает,
Звучит в ушах знакомой колыбельной...

Как будто жизнь ему дана вторая!
И обрастает плотью светотень,
Лучом волшебным душу озаряя
И очищая нынешний мой день.

* * *

– Что для поэта высшая награда? –
Спросили как-то.

И сказал поэт:

– Мне кажется, награды выше нет,
Пожалуй, даже выше и не надо...
Одной наградой я могу гордиться:
Когда-то я читал стихи в больнице,
И вдруг улыбка слабеньким лучом
Пробилась и затрепетала тонко
На мудро-скорбном личике ребенка,
Который сознавал, что обречен.

1975

* * *

В тот день, когда я не увижу дня,
Я верю, сокрушаясь и стеная,
По-матерински примешь ты меня,
Вберешь мой прах, Калмыкия родная!

Явился я безгрешным в твой предел.
Безгрешным – с небом встретился
лучистым,
И попроситься я с тобой хотел,
Калмыкия моя, таким же чистым.

Намеренно не совершал я зла,
А если согрешил неосторожно,
Ты – так великодушна, так светла –
Прости меня, Отчизна, если можно!

1975

* * *

Когда, подобно счетоводу,
Ты станешь подводить итог:
«Тому принес я как-то воду.
Другому хлеба дал кусок...»,

Пред тем, как скажешь эту фразу
И то, что быть должно в тени,
Поднимешь кверху – для показу, –
Себя скорее ущипни!

Баланс твой жалок чрезвычайно,
Он все дела перечеркнет.
Лишь то Добро, что делал тайно,
Умножить может твой почет.

1975

* * *

Порой болтаем мы часами
Законам жизни вопреки,
О чем – потом не помним сами, –
Так просто, чешем языки.

А время птицей мчится мимо,
И дело, нужное всерьез,
Нависнет вдруг неотвратимо,
Как расколовшийся утес.

Берет за горло, гонит палкой
И отдает под свой же суд...
Теперь тебе до боли жалко
Потерянных тогда минут...

И ты себе клянешься, что ты
К себе отныне будешь строг...
А оглянёшься – вновь пустоты,
Опять нарушил ты зарок,

Предался вялости и лени...
И принимаешься опять
Заслуженные обвиненья.
К себе, вздыхая, предъявлять.

1975

* * *

Из нежной красоты цветка,
Взошедшего в пустыне,
Из прелести, что столь сладка,
Из горечи полыни,

По воле тайных сил, пока
Науке неизвестных,
Творится музыка стиха
В пределах сердца тесных.

1975

* * *

Оберегая ум и тело,
Не торопись найти предлог,
Чтоб дома посидеть без дела,
Чтоб лишний подремать часок...

Пойми, чтоб цепенеть безвольно,
Без думы, без огня в груди,
В грядущем – времени довольно,
Ведь вечный отдых впереди!

1975

* * *

Внимательнее, зорче год от года
Смотрю в себя, в привычный круг земной,
И отраженье Вечности – Природа
Иною предстает передо мной.

Волна Грядущего, волна Былого
Теснят
и, подступая с двух сторон,
Того гляди, вернут меня в основу,
С которой я рождением разлучен...

И снова кану я в извечный, чудный
Поток, в котором некогда возник.
И радость скрытая растет подспудно,
В душе вскипает, как живой родник...

И счастлив я, что с крохотной частицей,
Еще не оторвавшейся вполне,
Природа может мудростью делиться
И тайну приоткрыть частице – мне.

1975

Трава амуланга

Разбирая сплетенные травы,
Все ищу между ними одну,
О которой с улыбкой лукавой
Мне рассказывал дед в старину.

– Отыскавший траву амулангу
Постигает природы язык.
Принимайся за труд спозаранку, –
Поучал меня добрый старик.

– Тот, кто полон терпенья и жажды,
Может эту травинку найти,
Но нигде не растет она дважды:
Проторенного нет к ней пути.

Наделенная силою чудной,
Неприметна она, не ярка,
Потому и сыскать ее трудно... –
Тут старик улыбнулся слегка.

...Знаю: дедов рассказ – небылица.
Но ищу с той поры все равно
Амулангу, в которой таится
Суть искусства и жизни зерно.

1975

* * *

Опять жесток небесный свод!
И летом и весною
На степь он без пощады шлет
Одни потоки зноя.

И осень тяжкая, придя, —
Как мы ее ни просим! —
Нам ни единого дождя
Не дарит нынче осень!

Все, даже поздняя трава,
Погибнет из-за жара!
И так уже — не год, не два...
За что такая кара?!

Иль мы привычный ритм земли
Сломали по незнанью
И вот за это понесли
Лихое наказание?

Иль слишком дерзко в мир светил
Вторгаемся, как боги,
И это богу грозных сил
Не нравится в итоге,

И вот незримую дыру,
Откуда влаги литься,

Задраил и наслал жару
На землю
Огнелицый?..

Иль то сбылось, о чем народ,
Страшась, шептал когда-то,
И где-то «он» меж нас живет,
«Он» – человек хвостатый?..

Ох, если б в эти сказки-сны
Я веровал серьезно!
Я о смягчении вины
Молил бы небо слезно.

Но что неверующим – нам –
Осталось?..

Плакать?.. Или
Грозить бесплодно небесам,
Иль землю грызть в бессилье?!

Иль, чтоб не умерла трава,
Чтоб вновь росла пшеница,
Не засучить ли рукава
И крепко потрудиться?..

Что слать проклятья наобум,
Слезами множить муки?!
Надежда наша – ясный ум
Да собственные руки!

* * *

Чтоб Явь правдиво облик свой
В Грядущем увидала,
Источник есть у нас живой, —
Волшебное зеркало.

Огни Грядущего видны
В стекле бывшего зримо:
В нас, в нашу жизнь воплощены,
Горят неугасимо.

1975

Когда ж исчезнут, ослабев, они,
Облей слезами труп любви покойной
И

на погосте памяти

достойно

Любовь усопшую похорони!

1976

* * *

Минувших лет бессчетные века...
Длинна она – Прошедшего река!
Явь по сравненью с нею – столь кратка!

А будущее... Сколько будет их –
Грядущих лет, – наш разум не постиг!
Что наша Явь?
Она – лишь краткий миг!

В своем воображенье
нашу Явь
Между Былым и Будущим поставь,
И Вечность пред тобой забрезжит въявь.

Всю жизнь твою, и мысль твою, и труд,
Соединясь, три времени несут,
Три времени – вот неподкупный суд!

Вот где твоя награда, твой укор!
Что заслужил ты – славу иль позор?..
Никто не отменит их приговор.

Нигде и никогда не позабудь:
Ты – в Вечности. И Вечности цена
Тобою тоже определена:
Творит ее твоя живая суть.

1976

Творчество

Мустаю Кариму

– Не пишется,– грустишь ты,– хоть убей!
Быть может, перестал я быть поэтом?!
Пустынно, гулко в голове моей –
Совсем как в городе перед рассветом.
Все вымерло. Душа мертвым-мертва.
Я разучился отбирать слова.
Где образы?! Где мысли?.. Все – туманно.
И в разуме и в сердце – пустота.
И даже память – это ли не странно? –
Как лист бумаги – девственно чиста.

– Чиста она?.. Что ж ты хандришь, чудак?
Незасоренность – это добрый знак,
А вовсе не предвестье катастрофы.
На лист бумаги скоро хлынут строфы!..

Поверь мне, состояние такое
Порой – благодееянье для души.
Не торопи ее, не тормози,
Не прерывай целебного покоя,
Необходимого в работе трудной!

Нет, не мертва душа твоя!..

Подспудно

Она все так же длит свой честный труд.
В ней лишь иные клетки отомрут

И растворятся, почву освежая
Для всходов будущего урожая.

Свой прежний опыт поблагодари,
Но отодвинь заботливо в сторонку,
Чтоб не был он преградой – даже тонкой...
Никем не сотворенное – твори.
Невиданное подсмотри.

В молчанье
Неслышанное отыщи звучанье.
Тогда души твоей постылый штиль
Нарушится. И, муки вызывая,
Привычки, навыки стирая в пыль,
Колюче хлынет новизна живая.
И, как дитя, рванется в мир оно –
Желанное твое стихотворенье...

Ему, пришельцу, будет все равно –
Понравится ль оно, какое мнение
Те изрекут, чья жизнь – всего лишь миг
(Миг упоенья призрачною властью
Иль горький миг обиды и злосчастья),
И что творенью новому до них?!
Оно вкусило вечности родник
И шепотков не различает, слыша
Один лишь голос – голос правды высшей!
Не подчиняется оно уму,
В котором властвует иль страх, иль мода,
Оно, как птица, как сама природа

Послушно лишь закону своему.

И ты, творец его,— пред всеми прав.
Не зря тебя, из множества избрав,
Оно сплело с Грядущим прочной нитью
И обрекло на риск и на открытья.

...Встречай его!.. Перед твоим порогом
Оно уже смещает даль и близь!
Встань, мастер!

И за новый труд берись.
Как в старину говаривали —
с богом!

1976

Он тратит силы и бумагу
Для пользы собственной своей!

К нему не попадайся в сети!
Подумай о другом поэте.
О том, чьи гневные страницы,
Чье творчество не напоказ,
Не улыбаться, а сердиться
Нередко заставляет нас.

Кто видит скрытый ход недуга
У Множества

и, ухватив

Причину зла,

рукою друга

Вскрывает внутренний нарыв.

Он лечит Множество... Легко ли?
Нужны здесь ум, бесстрашие, воля.

Что значит – «Множество»?

Пойми:

В его числе – отнюдь не боги,
Что вековечные чертоги
Покинули и, став людьми,
Все время излучают свет...
Они... Чего в них только нет?!

Наследственность, привычки, нравы,
И правда, и неправота,
И скромность, и желанье славы...
Вся эта смесь – пестра, густа...

Но все, по мудрому закону,
Со временем места найдет
И медленно, но неуклонно
С годами движется вперед.

Вот – «Множество», вот – наши судьи
Простые люди, просто – люди...

Того, кто, вправду их любя
Таких, как есть, готов без страха
За счастье их пойти на плаху,
Кто может самого себя
Отдать за них без громкой фразы,
Того, кого не ценят сразу,
Кто полновесных слов творец,
Поскольку верит в силу слова, –
Поэта славного такого
Бери себе за образец!

1975

Дети на сцене

Когда на сцене – дети
И звонкий хор поет,
Талант при ясном свете
Пред нами предстает.

Когда на сцене дети
Кружатся, как цветы, –
Дышать, как на рассвете,
Всей грудью можешь ты.

Когда звенит на сцене
Высокий голосок –
Сияет день весенний,
Играет в листьях сок...

Душа омыта светом,
Все чувства вновь кипят,
И мысль моя при этом
Находит с миром лад.

* * *

Чтоб в небесную синь по весне
Стебельком он стремился зеленым,
Я поставил цветок на окне,
Я наполнил горшок черноземом...

Но совсем не в назначенный срок,
Средь зимы – почему неизвестно –
Он расцвел, мой весенний цветок,
Воссияв белизной, как невеста.

То ль щедра оказалась земля,
То ли так ему жить захотелось,
Но расцвел он...

Стоит он, моля
О прощенье за раннюю зрелость.

Он как будто робеет, лучу
Подставляя свою светозарность...
И волнуясь, ему я шепчу,
Бормочу я цветку благодарность:

– Не смущайся! Отважней живи!
Средь зимы посылай мне отраду!
Верь, дружок, красоте, как любви,
Никаких оправданий не надо!

* * *

Мать-Родина!

Как матери пристало,
Средь всех твоих любимых сыновей
Найди несчастного. И обогрей
Того, кого судьба не баловала.

Прости бедняге грех его невольный,
Будь с ним по-матерински сердобольной,
В душе его надежды оживи...
Да расцветет в ней вновь цветок любви!

Слезы

Когда бы слезы тех собрать,
Кто потерял отца и мать,
Все слезы матерей, отцов,
Утративших своих сынов,
Когда бы слить в один сосуд
Все слезы тех, что тщетно ждут, —
Какой сосуд ни выбирай,
Все перельется через край!

От воплей женщин и сирот
Померк бы дальний небосвод
И Солнце бросилось бы прочь,
Навек сокрылось бы во мгле,
Уже не в силах превозмочь
Презренья гневного к Земле!

О, если б будущим векам
Не слышать то, что слышать нам,
Что нам увидеть довелось:
Войною порожденных слез!

Завещание

Где б, какими пути мои ни были,
По чужой ли, по нашей земле,
По железной дороге, по небу ли –
Ты со мною – всегда, ты – во мне.

Нарастают пространства великие,
От тебя я безмерно далек,
Но внезапно лик твой, Калмыкия,
Точно малый блеснет огонек.

И горит в уме, разгорается
Огонек, чуть видный сперва,
И душа моя согревается,
Накипают, зреют слова.

И, путями разными следуя –
На лету, на плаву, на ходу, –
Завожу с тобою беседу я,
Разговор беззвучный веду...

Пусть не раз ты смерчами песчаными
Застилала солнечный свет,
Пусть пугала не раз буранами,
Заметала поземкой след,

Пусть заботой суровой смолоду
Наделила на все года,

Жгла, терзала муками голода,
Справедливой была не всегда, —

Все ж меж чуждых гор, меж столицами,
В распрекрасном любом краю
Без тебя — к кому притулиться мне,
С кем тоску утолить мою?!

Тяжесть мук моих, когда надолго
Разлучен был с тобой судьбой,
Превратилась в легкую радугу,
Только встретился вновь с тобой.

В те года, когда, горе мыкая,
Думал: кто б пожалел меня?
Не к тебе ль я взывал, Калмыкия?..
Ты во всех несчастьях — броня!..

А разлука наступит вечная, —
Верю я! — о смерти моей
Ты заплачешь, хоть не был, конечно, я
Лучше всех других сыновей.

Но за то, что вдали, незримая,
Окрыляла мой каждый стих,
Будешь ты вспоминать, любимая,
Обо мне, о песнях моих...

В пору ясную, в пору грозную,
Будь то солнечно иль темно,
В ночь ли звездную иль беззвездную
Было небо у нас одно.

Пусть огромна земля, которая
Всем нам – родина с первых дней,
Но всегда был моей опорой
Лишь один уголок на ней.

Поздним вечером, ранней зорькою
Лишь тобою душа полна,
Моя сладкая, моя горькая,
Небом данная мне страна!..

Так шуми, цветы степью, нивою,
Белый свой расширяя путь!
Благодатною и счастливою,
Навсегда живою пребудь!

1975

Статьи
Интервью

Фрагменты биографии, начатые давно...

Каждый, кому доводилось писать свою биографию для печати или вообще вещь биографического характера, должно быть, ощущал то чувство неловкости, которое сдерживает бег пера по глади чистой страницы. Невольно приходят мысли: неужели твоя жизнь была настолько безупречной, что можешь ее, без угрызения совести, выставлять напоказ всем желающим глянуть на нее со стороны? Осмелишься ли ты обнажать перед всеми душу, когда воспитанные люди и в зеркало смотрят наедине с собой? Каждый делает свою жизнь сам и неужели ты был так мудр, что сотворил ее примерной для других и пишешь в назидание? Нравственно ли писать автобиографию, если заранее известно, что даже умолчанием чего-то не скажешь всей правды о себе, значит, и об обществе, ибо ты часть его? Ведь, читая «Исповедь» Руссо, и то...

Подобное течение мыслей сменяется другим, давно до тебя, еще в те времена, когда материя, составившая твою плоть, благодаря силе притяжения матери-земли, не улетающая в бесконечность космического пространства разрозненными частицами молекул элементов таблицы Менделеева, то возрастала зеленой травой, то отработанным кислородом выливалась в трелях из соловьиного горла, — еще тогда мудрые люди писали свои биогра-

фии и писали не из гордыни, не для себя, а для других, ибо человек стал человеком с тех пор, как другого осознал в себе и частью себя. Человек беспокоился о том, чтобы другой не споткнулся о ту кочку, на которой споткнулся он, чтобы другой не прошел мимо той радости, которая принесла ему счастье. Он понял, что его жизнь – сумма накопленного опыта удач и неудач, побед и поражений, счастья и горя, – составляет ценность общества, ибо рождение каждого человека и его грядущая жизнь готовятся предыдущими поколениями, тысячами поколений, жившими до него.

Несколько лет тому назад, почти через двадцать лет, я вновь приехал в свой родной хотон – калмыцкое селение. За эти годы он передвинулся километров на пять влево, и его прежнее место было запахано под хлеб. Но все же меня неодолимо потянуло именно в ту точку земли, где я родился, словно я позабыл там что-то очень важное. Я взял с собою старика Андрэ – моего дядю. Как из далекого сна возникали знакомые ложбины и холмы, но странно – все было поразительно меньше размерами, чем сохранилось в моей памяти. Огромный курган был всего лишь небольшим бугорком, величиной с горб верблюда, а гора, с вершины которой, как казалось в детстве, можно было доставать звезды с неба, была лишь махоньким пригорком. Дядя показал мне едва заметную, обросшую травой насыпь – след нашего дома.

Она была сплошь изрыта мелкими норками полевых мышей. Мы подошли ближе. Тут, на бурых колючих стеблях полыни, я увидел повисшую сухую шкуру змеи, а чуть выше, на насыпи, – хозяйку этого платя, большую степную гадюку. Она угрожающе подняла голову, высунула острый, блестящий темно-коричневый язычок и зашипела. Я быстро схватил валявшийся под ногами, почерневший от времени обломок черепицы и замахнулся, но кинуть не успел – дядя торопливо и, как мне показалось, испуганно отвел мою руку в сторону.

– Зачем! – укоризненно покачал он головой. – Такая хорошая примета!

– Чем же она хороша? – изумленно спросил я.

– Да ведь это не какая-нибудь лягушка, а могучая гадюка стережет место твоего рождения, охраняя твой *кишиг*, твоё счастье, которое началось вот отсюда! Здесь ты впервые приподнял свои веки и увидел небо и солнце, землю и людей, а это и есть начало человеческого счастья, – философски заметил дядя.

– Дядя Андрэ, ведь вы знаете, какое у меня счастье, – с усмешкой ответил я ему.

– Знаю, знаю, – сказал Андрэ, взглянув на меня. – Ты воевал за правду, был на остриях миллионов крепких пик, горел в огне войны, а, видишь, остался жив. Разве это не есть счастье? Мужики не хуже тебя погибли. Ты много лет был в тюрьме. Старички говорят:

«Пусть лучше жизнь умрет, чем имя». Разве сохранить свою честь, пройдя через столь трудные испытания, не есть счастье? – несколько торжественно воскликнул мой дядя и повел меня в сторону холмика, метрах в двухстах от нас.

– Это – могилка твоей тети, которую ты не видел, она умерла за несколько дней до твоего рождения.

Я безразлично глядел на осевший, почти сравнявшийся с землей холмик. Это задело и рассердило дядю.

– Ты послушай, что я тебе скажу, настоятельно продолжал он. – Был голодный год. Дед твой всей многочисленной семье нарезал равными долями по тоненькому ломтю хлеба. Ты был тогда еще в материнской утробе. Твоя тетя знала, что скоро умрет. Она не ела свою долю, а по праву старшей заставляла есть твою мать. Мама твоя отказывалась, но та ей приказывала: «Я не тебе даю, а тому, кто в тебе... Что пользы оттого, что я лишний месяц проживу? Зато пусть он живет сто лет за месяц, недожитый мною. Бери!» – говорила твоя тетя. А теперь подумай: если бы тогда твоя мама не получала лишний кусок хлеба, – может, и тебя не было бы на свете?

Рассказ дяди взволновал меня. Так, оказывается, еще не родившись, я впервые принял помощь человеческую, жертву во имя того, чтобы я жил и видел свет.

Я родился в 1922 году, в семье сельского

учителя в хотоне Абганер Гаханкин Сладковского сельсовета Западного улуса Калмыцкой АО. Помню, жили мы при школе. С шести лет вместе с учениками первого класса, с которыми играл во время перемен, я стал ходить на занятия. Так «вольнослушателем» научился читать и писать. Любил читать. Первой книжкой, которую прочитал самостоятельно и которая на всю жизнь пробудила во мне огромное любопытство ко всему напечатанному, был рассказ «Нелли и Патраш». До этого мне читали и тут же переводили «Робинзона Крузо». Замечательные иллюстрации были вторым языком книги, и я почти все понимал.

Из дошкольных лет ярко запомнился приезд к нам в гости двух калмыцких писателей и общественных деятелей: Антона Амур-Санана и Карвина Лиджи.

Приезд двух уважаемых в народе мужей был большим событием в нашем хотоне. В доме стояла суета. Резали барана. Созывали на вечер почтенных односельчан. Я любил, когда у нас собирались люди. Много интересного рассказывалось тогда, а слушать необычайные истории я был готов всю ночь напролет. Но на этот раз было скучно. Все собравшиеся с серьезными, сосредоточенными лицами внимали гостям. Гости говорили о многих для меня непонятных вещах, часто упоминая имена Ленина и Троцкого. А потом внимательно слушали наших, и Амур-Санан что-то записывал. Это меня удивило. Такой

ученый человек записывал слова Манджи, Явана, Эрдни. Я должен был читать стихи, но к концу вечера вышло так, что остался незамеченным, — видимо, не до меня было. Лишь, отъезжая, ласково погладив мою голову, Амур-Санан спросил:

— Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

— Ученым, — ответил я, не задумываясь.

Мой ответ ему понравился. Он покопался в кармане, вытащил горсть мелочи и сказал:

— Если сосчитаешь — все деньги будут твои.

Я схитрил. Считал очень долго, хотя про себя и знал, что не сосчитаю. Уж больно не хотелось возвращать то, что попало в руки.

— Ну, ладно, когда станешь ученым, тогда и сосчитаешь, — сказал он, смеясь, — учись, чтобы быть ученым.

Я в самом деле хотел быть ученым. Только нужно иметь в виду, что ученым в то время у нас считался тот, кто умеет бегло читать и красиво, каллиграфическим почерком писать. Пользуясь случаем, хочу сказать, что у нашего народа всегда было глубочайшее уважение к науке. Это подтверждают многочисленные пословицы и поговорки, такие как «сокровища казны исчерпаются, сокровища знаний — никогда!».

Я любил слушать и рассказывать школьным товарищам о богатырях «Джангара» и волшебниках. Обычно мы уходили в степь, находили укрытие от ветра и просиживали до вечера — мы жили в мире чудесных ле-

генд о фантастических странах, созданных народным воображением. Тот, кто знал фольклор, пользовался почетом и уважением не только среди детей, но и среди взрослых. Бывало, в зимние вечера почтенные дяди, одобрительно кивая, внимательно слушали мои выдумки о подвигах степных богатырей. В знак благодарности угощали меня сладостями.

Из детских лет хорошо помню период коллективизации. Мужчины хотона часто собирались в школе и в сплошном дыму крепкого самосада, при свете двух семилинейных керосиновых ламп допоздна говорили, обсуждали, что к чему. Мне не запрещали бывать почти на всех собраниях. После всего слышанного создавалось впечатление, что это очень хорошее дело, все желают колхоза, но при этом каждый хотел, чтобы лично его хозяйство (из тех, кто имел) было сохранено, а у всех других – обобществлено, а он посмотрит со стороны – как пойдет жизнь. Особенно стремились к обобществлению хозяйств те, разумеется, у кого не было ни коровы, ни лошади. И все же у них чувствовалась боязнь нового.

Когда вводили со двора нашу пегую кобылку – я убежал в сарай и долго плакал. Не потому, что во мне было так сильно чувство собственника, а потому, что мы с ней крепко дружили. Я часто разговаривал с ней и, может, поверял ей то, что никому не говорил. Мне было жалко лошадку и себя. Каза-

лось, теперь она стала ничьей. Во всяком случае, моей уже не будет.

После окончания пятого класса случилось важное для меня событие. В ту пору мы из своего хотона переехали в другой район, в совхоз. Учился я хорошо, был ударником. Рабочком совхоза № 107 совместно с руководством школы премировал меня отрезом на рубашку и вторым томом «Капитала» Карла Маркса, как было указано в приказе «за активное участие в общественно-политической жизни и ударную учебу». К тому были основания. Незадолго до окончания учебного года в многотиражной газете политотдела нашего совхоза появилось мое первое, напечатанное типографским шрифтом стихотворение под длинным названием «Успешно проведем отелочную кампанию». Помню, в нем было очень много вопросительных и восклицательных знаков, и я, определяя политические задачи, давал практические указания. Но каким бы ни было это стихотворение, оно, напечатанное в газете, давало мне повод считать себя поэтом. Я даже стал хуже учиться, создавая каждый день графоманские поэмы о чем угодно.

То были годы, когда лозунг о необходимости бдительности начинал приобретать свой последующий зловещий смысл.

Комсомольцы и пионеры старшего возраста нашего совхоза организовали боевые посты ночного наблюдения, «направленные против вылазок классовых врагов». По приказу

помощника начальника политотдела по комсомолу старший конюх скрытно готовил на ночь для нас лошадей. Перед рассветом группами по 4-5 человек, от 13 до 16 лет, мы садились на оседланных коней и веселой кавалькадой галопом мчались вперегонки по ковыльным прериям калмыцких степей, совершая свой ночной «героический» рейд. Удивительно, выполняя задания комсомольской и пионерской организаций, в пути каждый из нас воображал себя героем «Дубровского» или «Всадника без головы», «Тараса Бульбы» или «Ричарда Львиное Сердце».

Мы появлялись на гуртоправских точках неожиданно, в период сладчайшего сна скотоводов, проверяли работу, выполнение директив, которые сами знали туманно, бдительность гуртоправов. Мы доискивались: не пользуются ли они молоком государственных телят для своих собственных детей, не сбивают ли тайком масло на калмыцкий чай. И вот что странно: взрослые люди беспрекословно выполняли наши требования, и оттого почему-то мне, мальчику, было почти стыдно то ли за них, то ли за себя. Я смутно догадывался, что мы поступаем нехорошо. Правда, бывали случаи, когда отдельные гуртоправы довольно в резкой форме давали нам «от ворот поворот». Но их на другой день вызывали в политотдел. В следующий раз они предпочитали держаться смирно.

Однако, как бы там ни было, явного антагонизма, враждебности между нами и гур-

топравами не было, напротив, кажется, они даже проявляли к нам уважение, смешанное с недоумением – почему это нужное дело делается именно так, при помощи детей. А в нас по отношению к гуртоправам шевелился червь гордыни превосходства. Ведь и ребенок – человек.

Нас поощряли руководители, но я тогда не понимал, почему старики, поглядывая на нас, укоризненно качали головой, горестно вздыхали и говорили в чей-то адрес: «И кого они выращивают?».

Выше я упомянул о своем первом напечатанном стихотворении, название которого, вероятно, вызвало у читателя улыбку. Разумеется, оно было лишь ученическим подражанием некоторым образцам поэзии тех лет, в основе которой лежала «классовая борьба».

Крушение моих литературных иллюзий началось после того, как я переехал учиться в Элисту – столицу нашей республики. При образцовой школе №1 (тогда были образцовые школы) был литературный кружок. Разумеется, я сразу записался туда. И тут в смятении начал догадываться о том, что стихи мои – далеко еще не стихи. Руководителем нашего кружка был наш преподаватель русского языка и литературы, один из самых образованных калмыцких писателей Бата Манджиевич Манджиев. Все мои одноклассники знали, что я был у него на «особом учете». Он был тот, кому я первому давал читать каждое новое стихотворение, и он,

собственно, сформировал мою первую книжку стихов – «Стихи юности». В то время я заканчивал 10 класс.

Во второй половине тридцатых годов я начал печататься довольно активно. Хотя в те годы лучшие калмыцкие писатели не по своей воле находились далеко от родных краев (Санджи Каляев, Гаря Даваев, Константин Эрендженев и др.), в литературу входила группа талантливейшей молодежи: Басанг Дорджиев, Морхаджи Нармаев, Намру Ванькаев, Михаил Хонинов. Активно работали уже члены Союза писателей: Баатр Басангов, Церен Леджинов, Лиджи Инджиев, Пюрвя Джидлеев, Санджи Эрдюшев, Михаил Тюлюмджиев и др. Калмыцкая литература явно находилась в преддверии подъема.

В ту пору мне было семнадцать лет. По просьбе директора издательства Бата Манджиев сдал в печать мою первую книжку стихов. Сам бы я, разумеется, тогда не осмелился на такой шаг. Много работал над рукописью Лиджи Инджиев. Книга вышла в свет в 1940 году. Не буду говорить о чувстве несказанной радости, охватившей меня, когда я взглянул на обложку сигнального экземпляра со своим портретом – оно понятно. Читатели и пресса приняли сборник. Некоторые стихи из этой книжки, переведенные Д. Г. Бродским, в том же году были напечатаны в Москве в альманахе «Творчество народов СССР» (ныне «Дружба народов») и в общем сборнике «Поэзия Калмыкии», вышедшем в издательстве «Советский писатель».

В 1940 году я стал членом Союза писателей СССР. Судя по этому факту, в те годы, видимо, довольно смело в Союз принимали молодых, и они на самом деле, имею в виду возраст, были молодыми. .

В сентябре 1940-го года широко отмечалось 500-летие «Джангара». В Элисте состоялся VIII пленум Союза писателей СССР, посвященный юбилею калмыцкого эпоса. Здесь я впервые увидел многих известных писателей страны, познакомился с ними. Приехали Фадеев, Новиков-Прибой, Павленко, Сельвинский, Инбер, Караваева, Кочин, Шефнер, Бажан, Танк и многие другие. Личное знакомство и беседы с выдающимися писателями оставили неизгладимое впечатление на всю жизнь. За несколько дней праздника я, кажется, стал старше.

Как водится, в дни таких торжеств гостей возили по колхозам и совхозам — знакомили с «жизнью народа». Всем запомнилась поездка в колхоз им. Городовикова, где на глазах у восхищенных зрителей молодые калмычки-табунщики арканами ловили из табуна необъезженных коней и тут же укрощали их. Действительно, единоборство между человеком и полудиким степным неуком вызывало чувство гордости. Картина укрощения калмычками необученных лошадей отлично описана в книге И. Е. Репина «Далекое близкое». После зрелища нас пригласили к обеду. Столы были расставлены на улице, на воздухе. Я оказался рядом с Миколой Бажаном, чье творчество за год до этого изучал в школе.

В той местности, где нас угощали, когда был центр буддийского духовенства. Здесь было нечто вроде академии, в которой обучали будущих гелюнгов-священников, астрологов, врачей. Она имела богатейшую уникальную библиотеку, состоящую из книг не только духовных, но и по тибетской медицине, философских, светских на тибетском, древнемонгольском, калмыцком языках. Основной фонд этой библиотеки был вывезен калмыками из Джунгарии еще в начале XVII века, а затем пополнялся в последующие века. Среди книг были и произведения выдающегося калмыцкого просветителя первой половины XVII века Зая-Пандиты, который в 1648 году провел реформу калмыцкой письменности, согласовав алфавит с требованиями фонетики живого языка. К сороковому году нашего века академии уже не было, а книги ее библиотеки были выброшены из хранилищ, так как хранилища стали собственностью местных властей и были употреблены, с их точки зрения, более полезно. Калмыки не жгли эти книги из суеверия, а, может, по другим причинам, но разорванные, разрозненные продолговатые листы с таинственными письменами, шедшими сверху вниз, неразумные ветры долго носили по окрестным полям.

Мы о чем-то говорили с Миколой Платоновичем, когда крутящийся степной вихрь неожиданно подкатил целую стопу этих листов к нашим ногам.

— Что это такое? — спросил он меня.

Я рассказал, в чем дело. Лицо его стало сразу грустным, он помрачнел и, печально глядя на уносящиеся вдаль листки, не скрывая гнева, шептал: «Какое варварство! Какое варварство!» Причины, вызвавшие эти слова, я понял значительно позже. Тогда же я в своей святой простоте полагал, что мы ведем решительную революционную борьбу с «религиозным дурманом», за цивилизацию.

В эти дни мне довелось единственный раз в жизни беседовать с А. А. Фадеевым, который в своем выступлении на митинге по поводу юбилея «Джангара», говоря о калмыцкой литературе, добрым словом упомянул и мое имя.

Со второго курса пединститута меня призывали в армию. В годы войны был офицером-политработником, работал в дивизионной газете 252-й стрелковой Краснознаменной Харьковской дивизии. На фронте пришлось испытать все, что доводится испытывать солдату. Штат дивизионной газеты был небольшой. Редактор, его заместитель да я, самый младший по возрасту и по должности. Заместителем был поэт Сергей Тельканов. С ним мы, в буквальном смысле, укрывались одной шинелью, другую подстилали под себя, ели из одного котелка, делили все военные невзгоды. Я уже отметил, что был самым младшим по должности. У калмыков есть пословица: «Последнему верблюду — поклажа потяжелее». Мне чаще приходилось

бывать на передовой, а иногда неделями не уходить оттуда.

Война оказалась совсем не такой, какой она представлялась мне раньше. Только на фронте, мне кажется, в какой-то степени я постиг ее.

На войне, я думал, не роняя достоинства, я прохожу труднейшие испытания судьбы на верность Родине. Но я ошибался – худшие испытания были впереди. Я ошибался, ибо за годы жизни убедился – человек каждый день испытывается перед совестью своею и людьми на право ношения этого высокого звания – Человек.

Весной 1944 года, после разгрома Корсунь-Шевченковской группировки, меня отозвали в штаб 2-го Украинского фронта. Там я встретил много знакомых офицеров-калмыков. Было ясно, что собирают нас по национальному признаку. Здесь мы узнали о трагедии, постигшей наш народ. Эта весть не могла втиснуться в наше сознание – до того была страшна и нелепа. Она была вне разума. Никогда никто из нас, коммунистов, не мог допустить мысли о том, что можно репрессировать целый народ. Позже мы узнали детали.

Я оказался в Алтайском крае. Стал работать преподавателем автомобильного техникума в г. Бийске. Писал стихи. Читал. Не писать не мог. Я знал, что могу заплатить за них. Может, головой. Но разве можно было молчать? Кто бы я был тогда? Я написал письмо на имя Сталина, которому все еще верил,

и через своего товарища Константина Жемчуева отослал в Москву. Может быть, мой поступок по тем временам был наивным, но чрезмерная мудрость, выражающая себя в благоразумной свехосторожности, иногда превращается в обыкновенную подлость и почти всегда – в трусость. Однако трусость никогда не реабилитирует подлости.

В письме я сообщал о положении своего народа. Сообщал правду. Просил облегчить его участь. Считал, что обвинение, предъявленное калмыцкому народу, – клевета, и просил собрать всех нас, фронтовиков, в одну особую часть, послать на самый опасный участок фронта, а затем делать вывод о том, каковы мы.

Письмо явилось поводом для возбуждения «дела». Но до сих пор я не пойму одного: как написанное мною в единственном экземпляре оно распространялось в списках? Многие мне потом говорили, что читали это письмо, в том числе, как сказал мне сам журналист, Бембет Бакаев, живший в то время в Казахстане.

В 1945 году я был арестован и осужден. При обыске изъяли стихи и семь глав поэмы, в которых был протест против несправедливости по отношению к нашему народу.

Я был тогда молод – мне было 23 года. Офицер-фронтовик, повидавший всякое в жизни, физически сильный, я выработывал норму и дополнительный паек. Но, оказавшись в необычной среде, наблюдая факты,

исключительные по трагичности, я, вероятно, мог бы пасть духом, потерять веру. Если бы в беде был один. Если бы не поддерживали меня могучие люди, крестьяне и рабочие, интеллигенты, партийные работники, военные, даже чекисты.

В 1956 году, после XX съезда КПСС, я был реабилитирован и восстановлен в партии. Как бы трудно ни приходилось в жизни, я никогда не терял веру в правду. Эта вера дала мне силы перенести тягчайшие испытания жизни.

В 1957 году я выехал на учебу в Москву. Поступил на Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Должен сказать, что курсы помогли мне во многом. Ведь, по существу, у меня не было того минимума образования, который давал бы право заниматься литературой, писать. Я отлично понимал – читатель вырос и, чтобы писать вещи, которые бы удовлетворили его требования, пишущий сам должен быть на уровне стремительно движущегося времени. Я много читал, но читал без системы, без руководства, без своего угла зрения.

Высшие литературные курсы систематизировали мои знания. Хотя и пришлось многое из прочитанного раньше перечитывать здесь заново, но я открывал для себя то, что до этого оставалось вне моего внимания. Теперь при чтении к книге я относился не просто как читатель, идущий вслед за сюжетом, вникая в философию произведения, а

как подмастерье, которого больше интересуют тайны писательского ремесла.

Помимо теоретических знаний Высшие курсы дали мне литературную среду, в которой я так нуждался. Здесь я застал Кайсына Кулиева, Чингиза Айтматова и многих других видных писателей.

При всем желании назвать всех, кто учился со мной, не могу, но общение с каждым из них обогатило меня. Наш творческий семинар вели такие поэты, как Михаил Светлов, Ярослав Смеляков, Сергей Наровчатов. Их имена говорят сами за себя.

В 1960 году экстерном с отличием закончил Литературный институт имени Горького, несколько позже аспирантуру. Я в эти годы не только учился, но и много работал.

В 1958 году, после долгого перерыва, вышла моя новая книга на родном языке – поэма «Моабитский узник». Прототипом героя поэмы был Муса Джалиль, которого я люблю и перед которым преклоняюсь. Он был в моих глазах истинным поэтом, ибо он во имя своего слова взшел на эшафот. Тогда же в издательстве «Советский писатель» вышел мой сборник «Глазами сердца». Добрым словом на страницах «Литературной газеты» отметил эту книгу Михаил Аркадьевич Светлов. После моего возвращения в литературу мои стихи первым перевел на русский язык Владимир Луговской. Стихотворение «Высота» в его переводе было напечатано в журнале «Огонек» в 1956 году. Оно принесло большую

радость калмыкам, все еще жившим за пределами земли отцов, ибо оно было первой ласточкой родной литературы за много-много трудных лет, предвестницей долгожданной весны.

Вспоминая первые годы своего возвращения в нормальную жизнь, я ищу слово, которое объединило бы в себе имена всех, кто так сочувственно отнесся ко мне, понимал меня, помогал во всем. Всех тех, кому хотелось бы высказать самую сердечную благодарность, и, кажется, я нашел это емкое, великое слово, оно – «Москва».

Годы пребывания в Москве дали мне много новых добрых друзей, у которых я учился.

Большой удачей в жизни считаю встречи и беседы с Самуилом Яковлевичем Маршаком. Наше знакомство состоялось на одном из литературных вечеров в Доме творчества в Ялте. Поэты читали свои стихи, в том числе Самуил Яковлевич. Читал и я. После вечера он пригласил меня к себе «на арбуз», просил прочесть еще свои стихи. Я читал, разумеется, с удовольствием. Он внимательно слушал и смотрел на меня.

– Пусть вас не удивит мой вопрос, ибо он покажется вам по крайней мере странным, – обратился он ко мне к концу моего чтения, – я знаю, вы – калмык, но скажите, есть ли в вас что-либо еврейское?

– Ничего, кроме имени, – ответил я действительно недоуменно.

– Сейчас я вам объясню, в чем дело, –

грустно улыбаясь, сказал Самуил Яковлевич, — когда вы читали стихи на вечере и вот сейчас у меня, я все время открывал в чертах вашего лица, в очерке лба удивительное сходство с моим покойным большим другом — Михоэлсом. Вы, наверное, помните его печальную судьбу. А, может быть, есть какое-то неуловимое внутреннее сходство в вас, но я так ярко вспомнил его.

... Странно я чувствовал себя при беседах с ним. Он запросто говорил: «Помню, как-то Алексей Максимович...», «Илья Ефимович Репин...», «Владимир Васильевич Стасов говорил...», «Владимир Владимирович Маяковский...», «Алексей Николаевич Толстой...» и т. д., он говорил так, будто и для меня они были те же, что для него, а ведь все они для меня — история! В Самуиле Яковлевиче я чувствовал огромную живую глыбу классической русской культуры, которую я люблю, почти обожествляя, перед которой преклоняюсь. Он был в моих глазах живым, необходимым звеном, соединяющим великую культуру прошлого с нашими днями.

Самуил Яковлевич хорошо знал калмыцкий фольклор и высоко ценил его — он был редактором первого полного издания «Джангара» на русском языке в отличном переводе Семена Липкина.

В 1959 году в «Детгизе» вышел сборник сказок «Бамба и красавица Булгун», написанных мной на русском языке по мотивам фольклора. Позже на калмыцком языке я стиха-

ми написал ряд сказок: «Равные солнцу», «Золотое сердце», «Песнь чудесной птицы». «Равные солнцу» перевел на русский язык Лев Минаевич Пеньковский, две другие – Юлия Моисеевна Нейман.

Я познакомил Самуила Яковлевича с переводами Ю. Нейман. Сказки ему понравились. О переводчице он сказал: «Вот и еще одна сереброгорлая явилась».

После сказок Юлия Нейман в основном переводила все, что я считал достойным перевода на русский язык. Я почувствовал, что ее творческий почерк наиболее близок моему.

В ту пору я завершал работу над большой поэмой «Сар-Герел». Сначала она называлась у меня сказкой. Познакомившись с ней, Самуил Яковлевич стал убедительно возражать против такого определения жанра. «Это у вас поэма, а не сказка, – сказал он. – Вы говорите, что в основе вашей вещи лежит фольклор. Хорошо, но что вы скажете тогда о «Руслане и Людмиле», «Демоне»? Как вам известно, авторы этих произведений называли их поэмами. Ведь они через сказочный сюжет выразили свое отношение к современной им жизни, свою философию! Нет, голубчик, что ни говорите, у вас не сказка, а определенно лирико-философская поэма!» Я согласился с его доводами.

Самуил Яковлевич дал мне ряд очень важных советов по композиции поэмы.

Общение с выдающимся поэтом нашего времени дало мне очень много.

Мне довелось видеть многих знаменитых людей. Но есть у калмыков пословица: «Чем видеть лица ста человек, узнай имя одного». Я счастлив тем, что узнал имя Маршака. Я посвятил ему стихотворение без названия, начинающееся строками:

Никто не помнит

Своего рожденья.

Никто не вспомнит

Свой последний час.

Два рубежа,

две грани,

два мгновенья

Не ведомы ни одному из нас.

(Пер. Ю. Нейман)

Понимая, что пишу не воспоминания, а наброски, фрагменты биографии, удерживаю себя от соблазна сказать о своих друзьях Кайсыне Кулиеве, Мустае Кариме, Расуле Гамзатове, Михаиле Дудине, Чингизе Айтматове, Аркадии Кулешове, и ... тут я не могу обойтись без сакраментального «и др.». Но в данном случае это «и др.» для меня огромное количество имен дорогих, близких, благородных людей, составляющих вместе с солнцем и землею мой мир, дни моей жизни. Удерживаю себя от желания написать о творчестве и личности Александра Твардовского, Алексея Суркова, Константина Симонова, Ярослава Смелякова, Сергея Михалкова, Павла Нилина, и снова, «и других», выдающихся деятелей нашей многонациональной литера-

туры, культуры, с которыми подарила мне встречи на путях-дорогах жизни моя не очень милостивая судьба. Удерживаю себя от желания и соблазна говорить о друзьях - издателях, критиках, о всех добрых людях — и думаю в то же время: прав ли я? Могла ли состояться моя биография без всех них? Где-то почти уверен, что рассказ любого человека о себе есть непременно рассказ о людях, с которыми он встречался, работал, радовался, горевал, ибо без этого не было бы самого рассказчика.

За прошедшие годы напечатано мной довольно много поэтических сборников на родном, русском и других языках.

Сборник «Я твой ровесник», изданный в 1966 году «Советским писателем», был удостоен Государственной премии РСФСР им. Горького, а в 1976 году сборник «Зов апреля» — Государственной премии СССР. В 1969 году мне было присвоено звание народного поэта Калмыцкой АССР.

Человек, который видел последнюю войну, пережил все её ужасы и последствия, не может не думать о будущем человечества. Я долго готовился к тому, чтобы сесть за стол и начать работу над давно задуманной поэмой. Активно начал обдумывать ее после полета Юрия Гагарина. Человек в космосе... Я отчетливо, совершенно ясно понимал, что человечество вступило на новую ступень своего развития и я как частица человечества тоже поднялся выше. Во мне было гордое

чувство сопричастности к этой величайшей победе Разума, как и у каждого человека на земле. Человек в космосе... и невиданная гонка вооружений, накопление огромного количества атомных и водородных бомб, каждая из которых способна взорвать земной шар... Угроза была реальной. Человечество никогда не забудет Хиросиму и Нагасаки. Теперь уже и Чернобыль поставил перед человечеством новые проблемы...

Я задумал написать большую поэму о времени. Она первоначально имела название «Адам Крейзи», по имени главного героя, но потом почувствовал, что такое название как-то сужает диапазон замысла. Я отказался от первоначального названия, уже в процессе работы родилось новое – «Бунт разума». Пришлось прочитать большое количество литературы о Японии и Соединенных Штатах. Ведь главный герой – Адам – американец, а действие происходит в вышеназванных странах.

У каждого времени свои тревоги, свои боли. Невосприятие их писателем ведет к ожирению мозга, что вызывает дистрофию души.

Мы живем в век поразительных достижений науки и техники, но нужно помнить, что сила воздействия на жизнь произведений литературы и искусства более устойчива, чем влияние современных этим произведениям достижений науки и техники.

Первый паровоз, сделавший переворот в технике, давно уже стал экспонатом музея, а

Шекспир все еще даёт активные импульсы мыслям и чувствам человека.

Человек двигает науку и технику, а литература и искусство улучшают самого человека. И ничто не может их заменить.

Художники изображают иногда жизнь в виде дерева. Подземные воды не видны так же, как не видно воздействие книг, искусства, философии. Но вот уходят подземные воды, и деревья высыхают. Когда увядает древо жизни, мы также невольно вспоминаем об источниках, которые его питали.

Наша эпоха с момента атомного взрыва в Хиросиме приобрела иные критерии понимания жизни и смерти. Я видел две войны, я офицер в прошлом. Мне уже много лет. Я могу умереть завтра или через несколько лет, но это не значит, что я совсем исчезну из жизни. Подобно тому, как зерно, разорвав свою оболочку, из глубин почвы устремляет к солнцу стебель с будущим колосом, я останусь в жизни делами своими, помыслами своими.

Каждый раз, бывая в Хиросиме, я испытываю потрясение, встречаясь с ее многочисленными жертвами. Наверное, оттого, что я человек и этот кошмар был совершен отнюдь не инопланетянами, не жестокими пришельцами из неведомых космических сфер. Человек разумом своим вызвал апокалиптические силы, и потому сама Хиросима, улицы ее, площади, деревья, травы, небо Хиросимы и река Ота, воды которой кипели, — все они как бы являются полноправными,

многоголосыми участниками всех мероприятий в защиту мира в этом городе.

До сих пор передо мной стоит образ женщины по имени Мицуко, в ее рассказе – живая картина ужасов...

... 16-летняя девочка, она в 8 часов 10 минут утра 6 августа 1945 года вышла из дому и пошла на автобусную остановку, чтобы поехать в центр Хиросимы. И вдруг увидела нечто необычайное: столбы высокого напряжения, словно подпиленные, попадали, оборванные провода стали подпрыгивать, дергаться, разбрасывая искры, словно маленькие дракончики... На нее бежал человек, лишенный лица... Из пустых глазниц лилась кровь. Он упал и умер, и тогда она ощутила, что сама горит... Мицуко показала мне свой обожженный, в рубцах затылок. Упавший человек к волне стоял лицом, а она – затылком, что и спасло ее.

В Японии я обратил внимание на то, что моя переводчица часто употребляла слово «варэ-варэ», и спросил ее, что это значит. Оказалось, слово «варэ» – это по-японски «я», а «варэ-варэ» означает «мы». «Мы» – есть многократное «я». Подумайте, если бы калмыцкое «би» – «я», «бидн» – «мы» мы сумели внушить это каждому человеку! Ибо это и только это может проложить нам солнечную дорогу в завтра.

Невольно я вспоминаю слова Ф. Достоевского: «Красота спасет мир». Да, спасет, но ведь надо научить людей понимать язык

красоты, иначе, как говорят калмыки, затопчут коровы красоту.

Задача литературы – красотой, гармонией слов и чувств наших создавать такой нравственный климат, который не позволит человеку поднять руку к зловещей кнопке, оставит тех, чью точную характеристику дал еще Диккенс в 1870 году. Как не вспомнить некоторых нынешних деятелей, читая в шестой главе романа «Тайны Эдвина Друда» о мистере Сластигрохе: он «всегда-то был вроде чирья на лице общества» и «возгласил однажды, обращаясь к своим ближним: «Ах, будьте вы все прокляты, идите сюда и возлюбите друг друга!» – все же его любовь к ближнему настолько припахивала порохом, что трудно было отличить ее от ненависти... Нужно прекратить войны, но сперва завоевать все прочие страны, обвинив их в том, что они чересчур любят войну... Нужно добиваться всеобщего согласия, но сперва истребить всех, кто не хочет или по совести не может с вами согласиться. Надо возлюбить ближнего как самого себя, но лишь после того, как вы его оклеветаете (с не меньшим усердием, чем если бы вы его ненавидели), оболыете помоями и осыплете бранью».

Мы почти 70 лет с лишним творили, строили, возводили социализм, а пришли к тому, что люди обозлены друг на друга...

Не так давно прокурор республики вручил мне документ о реабилитации моего деда, погибшего на Урале, который был выслан

туда как кулак. Я не могу без слез вспомнить бабушку, которая умерла в голодном безумии, поедая золу из печки, думая, что там есть остатки пицци, крошки хлеба...

Я вспоминаю день раскулачивания. Вроде описывали наше имущество... Но один из тех, кто это делал, надев волчий тулуп, не вписанный в описываемое, ужасно радовался, улыбался... Но другой щеголял тут же в не вписанном в опись costume... А ведь это все были люди нерабочие. Не любившие работать. Дед мой ночами не спал — работал. И днем работал. И конечно, мы жили гораздо богаче, чем лодыри. Нажравшиеся, зарезав нашу корову. Напившиеся... ликовали. Недолго. Все они или почти все богу душу отдали от голода в 1933 году или, сотворив доносы друг на друга, померли в концлагерях... Что же, теперь мне радоваться этому? Они были «продуктами» эпохи. Ну ладно, хватит об этом.

... Я знал много сказок, притч от деда и бабушки. Гораздо позже я узнал, что народ, теряя письменность, сохранял мудрость в фольклоре и в очень доступной форме воспитывал детей в тонкостях сложнейшей философии Конфуция, сутр Будды и, может быть, заповедей христианства (в какой-то нашей газете я прочел недавно любопытную статью о проникновении в среду калмыков несторианского христианства). И вот, оказывается, философия Востока, передаваемая пастухами из уст в уста, освобождаясь от не то

чтобы ненужного, но мешающего пониманию сути вещей, во главу существования человека ставила самую жизнь и труд.

Люди никогда не рождались равными. Всеобщего равенства быть не могло. Можно было уравнивать всех только в глупости и бедности. Но в мудрости и богатстве – нет... Это должен был знать человек. Он должен был хорошо знать, что он может, не в смысле того, чтобы обладать, а в смысле того, чтобы мочь. И когда я размышляю с высоты своего возраста, изучая Библию и сутры Будды, Талмуд и Коран, я вижу, что извечной мудростью всего человечества было внушение человеку осознания им своих возможностей. Он должен мочь, уметь и достигать в этом совершенства. Тогда он будет счастлив...

Каждый раз, когда сажусь писать, во мне присутствует далеко спрятанное смутное чувство страха. Ведь высказать всего себя невозможно... И не только потому, что стыдно обнажаться – будто лежишь оголенным на операционном столе, но и потому, что ощущаешь: обнажившись, можешь оказаться совсем не таким хорошим, каким мечтаешь казаться, каким мечтаешь быть. А так хочется, чтобы тебя любили...

Передо мной чистый лист бумаги... Да разве это бумага? Это стекло, по которому пишешь алмазным кончиком пера, а стекло-то прозрачное, и по ту сторону – тысячи и тысячи устремленных на тебя глаз. Одни понимают тебя, другие упрекают, третьи снис-

ходят до тебя, четвертые – пронизательные – видят тебя насквозь, и в них – чувство жалости к тебе: зачем пишешь?.. И в молчаливой безропотности и терпении чистого листа есть великая сила слабости женщины. Он может стерпеть многое, чистый лист, – все зависит от совести пишущего.

Разговор о взаимоотношениях читателя и писателя ведется с незапамятных времен. И всегда оказывался прав читатель. Конечно, я имею в виду порядочного читателя. И все же, все же... Возьмите у меня то, что делает меня писателем, – я буду тем же читателем. И, зная себя, конечно, посмею ли я утверждать, что этот читатель прекрасен?

Как это не горько, но я думаю – нынешний читатель, несмотря на все свои неоспоримые достоинства, на огромные культурные обретения, может быть уступает читателю прошлого века в силе эмоционального восприятия художественных, особенно поэтических произведений, ибо склонен скорее чем прочувствовать – проанализировать. Возможно, это объясняется влиянием бурного технического прогресса, который человечество сегодня переживает, – ведь у современного читателя больше выбора для восполнения своих духовных потребностей (телевидение, радио, кинематограф сегодня активно конкурируют с книгой). Но чем бы такое влияние мы ни объясняли, знаю одно – его надо опасаться.

Давно замечено, что читатель в какой-то степени – соавтор писателя. Если же этого

нет, если читатель чужд тому, что читает, — писатель становится преступником. Да, да — преступником. А как же иначе? Представьте себе рассказ, напечатанный тиражом пять миллионов экземпляров. На чтение его, допустим, нужно пять минут. А теперь перемножьте эти 5 минут на 5 миллионов и переведите минуты в деньги...

Конечно, я сейчас шучу, но тем не менее от этой своей шутки не отказываюсь. Ведь речь идет об ответственности писателя перед читателем! Мы, пишущие часто допускаем ошибку, наивно полагая, что наши читатели просыпаются с мыслью: ах, как бы почитать творения наших писателей!.. Мы словно забываем, чем живет наш человек, — он работает, варит сталь, пашет землю, воспитывает детей... Не потому ли порой, забывая об этом, и пишем мы немало слабого, необязательного? Мне могут возразить: любая информация ценна. Согласен. Но с оговоркой — если она первая. Человек, открывший, что дважды два четыре, гениалец, но человек, который миллионный раз говорит мне, что дважды два четыре, просто болван.

Читатель и писатель — без их союза, со творчества, без их совместных раздумий о жизни, о человеке, о будущем может быть очень трудно не только нам, но и меньшим братьям нашим, и цветам, и травам — всему тому, что живет, дышит, делая планету нашу — мыслящую планету — прекрасной.

Стихи рождаются, чтобы улучшить мир

...Иногда я думал: если бы вдруг каким-то чудесным образом Александр Сергеевич явился в наше сегодня и спросил меня: «Что главное Вы хотели бы сказать людям не как поэт, а как обычный, не пишущий стихов человек?» Я бы ответил, что сказал бы в качестве кого угодно: «Читайте Пушкина, потому что стихи его растут в человеке благородство, побуждают его совершать красивые, достойные человека Поступки». И еще я сказал бы Пушкину: «Дорогой Александр Сергеевич! Моему маленькому народу было бы гораздо тяжелее выжить, если бы не было одной Вашей строки: «...и друг степей калмык». Потому что в самые тяжелые минуты мы осознавали: творения величайшего поэта вечны, а значит вечны и мы.

Я написал немало стихов и, признаюсь, думал порой – уж поймите и простите за такую нескромность: а что сказал бы о них Он, Александр Пушкин?.. Вот почему я очень волновался, встретившись с недалеким потомком поэта по прямой, отцовской, линии, Григорием Григорьевичем Пушкиным. И когда он сказал, что давно хотел познакомиться со мной, знает и любит мои стихи, и при этом стал называть их, я, скажу откровенно, был безмерно счастлив. Потому что пусть в самой малой степени, но гены самого Пуш-

кина говорили, возможно, устами его правнука. К сожалению, на Григория Григорьевиче закончился род Пушкиных по мужской линии. Других прямых потомков поэта нет и не будет.

Подписывая книжечку, Григорий Григорьевич пояснил, что давно думал написать мне, когда доведется встретиться, эти слова: «Великому поэту калмыцкого народа...»

Эпитет «великий», знаете ли, очень обязывает. От великого и требуется великое, величие надо оправдывать. Поэтому из скромности ли, или боязни думаешь: пусть не будет этих слов, этих ожиданий – и я буду вроде как на свободе. А свобода – хорошая вещь... Но теперь, когда мне исполнилось 80 лет, когда я знаю, что скоро обрету абсолютную свободу, чего мне бояться? Никто ничего в силу моего возраста у меня уже не отнимет – ни того, чего достиг, ни того, главное, что постиг...

Можно, конечно, гордиться тем, что написал много стихов, что их читают по всему миру. Но я больше бываю доволен, когда получаю письма, подобные тому, что пришло от старинного друга, Григория Гретнева. В нем он напомнил мне о том, как я помог ему когда-то оспорить несправедливый приговор суда. Обыденная семейно-бытовая история чуть было не завершилась драмой, если бы моему другу пришлось ни за что оказаться на долгие годы в тюрьме.

Не имеет отношения к стихам и история моей дружбы с бывшим фронтовиком Чимдя Умадыковым, умершим в прошлом году. В начале 1945 года мы встретились с ним на вокзале в Бийске, где я был проездом в Новосибирск. Скорчившись, он сидел на скамейке у здания, ничего не замечая вокруг.

Совсем юный и весь в бинтах калмычок. Я подошел к нему, встряхнул: «Ты кто, откуда?». Он мне в ответ: «Давай иди себе, какое тебе дело?» Нетрудно было догадаться, что ему очень и очень плохо. Я не стал ему надоедать с расспросами, а дал пару купюр денег и поспешил к поезду. Вторая наша встреча состоялась уже в Элисте, после возвращения из ссылки. Чимдя пришел ко мне в гости с сыном и, представив его, сказал очень дорогие слова: «Если бы вы не встретились мне тогда, его, возможно, не было бы на свете». Тогда, оказывается, он пошел на базарчик рядом с вокзалом, купил на те деньги, что я ему дал, вареной картошки, молока и, взбодрившись, пошел к коменданту с кирпичом в руке требовать работу. Мол, если не устроишь, получишь по голове. Смешно, наверное, выглядел против вооруженного пистолетом коменданта. Но он вошел в положение фронтовика и определил его на конюшню ухаживать за лошадьми.

Тот мой поступок оказался значительным по последствиям, и его мог совершить, конечно, не обязательно поэт. Но не имея

способностей к подобного рода поступкам, не сможешь писать стихи. А они, в свою очередь, рождаются для того, чтобы сделать мир гуманнее, добрее, чище. Все искусство, все достижения в творчестве во все времена были направлены на то, чтобы люди становились лучше.

В своем стремлении к техническому прогрессу человечество шагнуло далеко вперед. С помощью космических спутников можно в считанные минуты оглядеть всю землю, увидеть любую ее точку. Необозримые просторы открывают для миропознания информационные технологии, всемирная сеть Интернет. Но каково при этом состояние нашей нравственности, духовности, так ли далеко мы ушли в своем развитии? Порой кажется, что многовековая история цивилизации не смогла нас по-настоящему облагородить, поднять в этом смысле на соответствующую прошедшим векам высоту. Я думал об этом, наблюдая недавно за ходом размышлений отдельных участников телепередачи о воссоединении России и Белоруссии. Особенно произвел на меня впечатление довод одного известного обозревателя, заявившего, что в случае, если это произойдет, белорусы получат в 12 раз больше материальных благ, а россияне столько же потеряют. Почему? Потому лишь, что население РФ во столько раз больше. И напрочь отбросил экономист другие, гораздо более важные категории, примени-

мые для характеристики того или иного народа, нации. Масса для таких, как он, — определяющий аргумент, и им не понять, что не могут народы быть не равными между собой.

Когда не спится ночами, думаешь: а что же я узнал, что понял за эти 80 лет? Наверное, то, что по-прежнему, сколько ни прожито лет, каждый наступающий день несет в себе открытие, если ты готов его совершить и осмыслить новое на основе уже имеющихся знаний. Потому что и с высоты возраста, с его самой высокой точки, как бы далеко ни видел, не увидишь того, что будет всего через миг, через одно мгновение.

Как-то, наблюдая за представлением, я удивлялся: каким образом человек в состоянии гипноза способен в считанные секунды решать сложнейшие математические задачи, в уме возводя в степень многозначные числа? При этом сам не понимая, как это ему удается. Теперь мы знаем о клонировании, о том, что одна клетка живого организма несет в себе всю информацию о том, что знал и видел его родитель, донор. Мы знаем уже многое о процессе мобилизации генной памяти... Журавль с берегов Маньча абсолютно точно находит в Африке место, где зимовали его предки. А затем, когда настает пора, вновь возвращается к родному гнездовью. И мы понимаем, что весь этот путь журавль знал до рождения, и знала его каждая клеточка.

Недавно американские ученые открыли: в

одной клетке содержатся 100 тысяч геном, которые могут сказать все о состоянии организма. Наверное, у человека, который неожиданно для себя вдруг начинает свободно оперировать сложнейшими числами, вступают в работу, призванные силой внушения мага, миллионы и миллиарды этих его геном. Но опять-таки, утверждать, что особь клетки, которая имеет 100 тысяч геном, есть то, что есть человек в данный момент, — это, конечно, правильно, однако то, что будет через доли секунды, — это совершенно другой вопрос. Состояние организма определяется местом каждого из геномов. Переместятся они — и получится нечто совсем иное: иное качество, иное состояние. Во времени, в пространстве, в еще не известных нам измерениях постоянно идет движение к новому. И чем больше мы обо всем узнаем, тем больше остается непознанного. Как сказал еще Сократ, я знаю теперь, что я ничего не знаю.

Каждый год, прожитый человеком, каждый день добавляют к его знаниям объем, прокладывающий дорогу в завтра, послезавтра. Вот в этом заключается польза восьмидесяти лет. А неполезьа их будет в том, если они уйдут вместе со мной, не сделав людей, окружающий мир хоть на чуть-чуть, на молекулу, богаче и лучше. Каждому человеку дано в этом смысле право дарить свой возраст, а дальше — как Бог даст. Так вот я хотел бы подарить свой возраст всем, кто

моложе меня. Чтобы каждый дожил до моих лет, а сверху – непременно даст Бог за добро, за то, что сделал человек для других...

Газета «Известия Калмыкии», № 82; 25 апреля 2002 г.

«Чувство хозяина жизни»

...Номто Очирову, образованнейшему русскому интеллигенту, ученику В. Л. Котвича, наша культура обязана очень многим. Именно он, – это было в 1908 году, – записал у знаменитого джангарчи Овлана Эля – и для калмыков, и для мировой культуры – десять песен нашего великого эпоса «Джангар», текст, который считается ныне каноническим.

Я познакомился с Номто Очировым в 1958 году, мы с ним одновременно были возвращены в жизнь (надо сказать, что в период с 1925 по 1956 год Номто Очирова арестовывали трижды). Разговаривая с ним, я удивился не только его широкой образованности, но и его духовной высоте. Я вообще заметил, что люди большой культуры, даже пройдя через немислимые испытания, словно обретают новый уровень духовности. Культура, усвоенная ими через книги, университеты, науку, становится как бы исконной, глубоко личной принадлежностью обладателя. Так правота

утверждается над неправдой и правда обретает тот высокий и мудрый покой, который не позволяет человеку стать на один уровень со своими мучителями. Ибо возненавидеть их – значит опуститься до их уровня. Как сказал Мандельштам: «Потому что не волк я по крови своей // И меня только равный убьет».

Говоря о Номто Очирове «русский интеллигент», я не обмолвился. Он, несомненно, был человеком, синтезировавшим в себе обе культуры – калмыцкую и русскую. Поднявшись на вершину русской культуры, с высоты Пушкина и Достоевского он мог полнее и глубже понимать и наш эпос «Джангар», и философию «Ромаяны» и «Субхашиды», которые печатно существовали в нашей литературе уже в течение трех веков, придя к калмыкам вместе с принятием буддизма и подняв на новый уровень духовную культуру народа, как это было и с принятием христианства на Руси.

Вообще вопрос о принадлежности человека к тому или иному народу, нации, культуре довольно сложен и многогранен. Осталось, например, в истории имя графика Федора Калмыка. Его, четырехлетнего, подобрали казаки и подарили русской императрице, а та передала его немецкой принцессе. Воспитанный в Германии и усвоивший все ее обычаи, язык, культуру, он стал впоследствии известным художником. Чувствовал он себя

немцем. Сохраняя внешние этнические черты калмыка, калмыком он уже не был.

Номто Очиров же, овладев русской культурой, не терял своего, калмыцкого, – он стал носителем двух духовных начал («дважды человеком», как сказал кто-то из великих). Освоив русский, Номто Очиров обрел духовное богатство, которое приходит с отличным знанием каждого нового языка, а это значит он обрел и ощущение русского мира. Человек ведь не помнит, какие слова родного языка он произнес впервые и что значат эти слова. Но когда он проникает в суть другого языка, уже имея известный жизненный опыт, – дело иное. Помню, как я узнал русское слово «хлеб». Вытащив горячий каравай из печи, мне отрезали и подали душистый ломоть: «На, поешь хлеба с медом». И сколько бы лет ни прошло с тех пор, когда произносят слово «хлеб», я слышу запах, вкус и ощущаю все, что связано с этим словом, вплоть до понятий мудрости и отчизны.

Слово, рождаясь, аккумулирует и цвет неба, и черты ландшафта той точки земли, где оно было выдохнуто из груди человека. И поэтому наличие множества языков на нашей планете обогащает то, что Вернадский назвал ноосферой, – сферу разума.

Я так подробно говорю о Номто Очирове, потому что не будь этого человека, его записей, вряд ли сохранились бы, дошли до нас десять глав этого великого памятника в дра-

матических «перепадах» жизни калмыков, в их трагической судьбе. Подумайте, сколько незаписанных гениальных творений народа исчезло бесследно, ушло в небытие с последним их знатоком, может быть, гениальным!..

И тогда, и теперь я думал о Ленине – о человеке, для которого и дело всегда были едины. Возвращая для привлечения «к делу строительства калмыцкой жизни» Номто Очирова (и вообще «как можно больше... самих калмыков» из стана белогвардейцев), Ленин не боялся, что тот может оказаться «агентом» и «проводником вражеской идеологии», ибо знал притягательность и силу идеала народного счастья. Он был уверен, что умный и образованный человек непременно станет на сторону этого идеала.

В 1919 году на заседании Политбюро РКП(б) была утверждена ленинская резолюция о том, что в первую очередь необходимо дать автономию бурятам и калмыкам.

...Так было при Ленине. А 28 декабря 1943 года бериевские солдаты, предводительствуемые генералом Серовым, вошли в кабинет тогдашнего председателя Совнаркома Калмыцкой АССР Нальджи Гаряева, объявив: «Заберите свои личные документы, остальное мы опечатаем – и на выезд». Нальджи Гаряев, с которым мы встретились в 1957 году, когда калмыки возвращались из ссылки, рассказал мне тогда, как, забирая свои личные бумаги, он, чувствуя, что совершает-

ся что-то совсем не ленинское, незаметно спрятал у себя ленинские декреты о землепользовании и скотоводстве, «Обращение» к братьям-калмыкам, будучи уверен, что документы эти не потеряют своей силы, несмотря ни на что.

Летом 1944 года, когда наша 252-я Харьковская Краснознаменная стрелковая дивизия подошла к Кишиневу, меня отозвали с фронта (я работал в дивизионной газете «Боевая красноармейская») и зачитали приказ о моем отчислении из армии, начинавшийся словами: «За принадлежность к калмыцкой национальности...» Приказ был подписан начальником ГЛАВПУ РККА А. С. Щербаковым. Я был оглушен и раздавлен. Если бы меня обвинили в том, что я что-то украл, я мог бы утешить себя тем, что своей безукоризненной честностью я сумею доказать ложность этих наветов. Если бы меня обвинили в трусости, я мог бы надеяться, что в следующем бою проявлю храбрость и своей кровью смою позорное пятно. Но чем я мог утешить себя, что изменить, когда речь шла о моей национальности?! Когда целый народ был объявлен врагом, предателем, а все его существование зачеркивалось без всякой надежды на будущее?! Утешало единственно то, что немецкий расизм и фашизм, стремившийся уничтожить целые народы только за то, что они не «арийцы», — уже почти побежден (1944 год!), что бесчеловечный за-

кон, карающий меня и мой народ, также будет сметен правой силой.

Сосланных калмыков расселяли в разные места. Другие народы жили все-таки вместе, компактно, а калмыки были разбросаны по всей Сибири – и на Алтае, и в Новосибирске, и в Забайкалье... Молотов подписал постановление правительства о спецпереселенцах, по которому без суда и следствия давали двадцать лет каторжных работ за самовольную отлучку в другую деревню, если даже там умирали родственники. Я встречал немало калмыков, отбывавших, кроме ссылки, еще и каторгу...

Да, Сталин на словах декларировал дружбу и братство народов. Но его глобальная политика, которая покоилась на внушении страха сначала своим политическим противникам, затем отдельным социальным группам или целому слою, – например, интеллигенции, затем крестьянству как классу, а затем и целым народам, – никак не соотносилась с тем, что он провозглашал, как «верный ученик Ленина».

Любил ли он свою родину – Грузию? Я не говорю об истреблении замечательных грузинских поэтов – Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, арестах и расстрелах старых большевиков, преданных народу общественных и культурных деятелей. В 1949 году привезли в Дудинку на Таймыре в полном составе население двух районов южной Грузии: ста-

рики, дети, мужчины, женщины. И все население: старики и дети – вымерло в тех суровых условиях почти полностью...

На поселение я много думал о судьбе своего народа, не мог не думать, писал стихи. И поплатился за это годом и восемью месяцами одиночного тюремного заключения. Вот выписка из приговора. (Привожу с сохранением грамматических и стилистических перлов сталинского суда. Не буду называть имена: в тех условиях, возможно, не все могли выдержать нажим властей).

«Обвиняется по ст. 58 – 10 ч. 2 УК.

Материалами предварительного и судебного следствия УСТАНОВЛЕНО:

Что обвиняемый Кугультинов в 1944 году был отчислен из Красной Армии на основании постановления Советского правительства. После отзыва из армии Кугультинов поселился на место жительства в г. Бийск на правах поселенца. Находясь в г. Бийск, Кугультинов, являясь враждебно настроенным к существующему строю в СССР, на протяжении 1944-45 гг. среди спецпоселенцев калмыков проводил антисоветскую агитацию в форме высказывания контрреволюционных измышлений и в стихах под его авторством.

1. Как факт в начале августа 1944 года в беседе со спецпоселенцем Д(...) возводил клевету на проводимые мероприятия Советского правительства по вопросу переселения калмыков.

2. В том же месяце 1944 года в квартире С(...), в присутствии Ж(...) клеветал на мероприятие по поводу переселения калмыков, проводимые Советским правительством.

3. В ноябре 1944 года в квартире С(...) в присутствии Д(...), С(...) Кугультинов наносил клевету на одного из руководителей Советского правительства. Подобные антисоветские провокационные измышления высказывал спецпоселенцу Ж(...).

4. 8 февраля 1945 г. в приемной горотдела НКВД г. Бийска в присутствии С(...), П(...) и Ж(...) возводил клевету на постановление Советского правительства о спецпереселенцах.

5. В марте 1945 года на квартире С(...) в присутствии П(...), их жен читал написанное им стихотворение антисоветского характера, в котором клеветал на жизненные условия спецпереселенцев калмыков, на правовое положение спецпереселенцев.

6. Помимо этого Кугультиновым, в период проживания в г. Бийске, была частично написана поэма, в 7 главах этой поэмы содержание было изложено антисоветского характера, которая была изъята на квартире Кугультинова.

Проверив материалы дела, суд находит, что состав преступления по ст. 58 – 10 ч. 2 УК в отношении Кугультинова вполне доказан изъятием в его квартире стихов антисоветского характера, свидетельскими показаниями С(...), П(...), Д(...).

Да, год и восемь месяцев одиночки. К счастью, я выдержал. И я благословляю и это испытание: как бы я мог смотреть в глаза своему народу, вымершему наполовину в годы изгнания, после того как я наивно писал письма товарищу Сталину, уверенный, что он ничего не знает, надеясь на его помощь...

Была ли эта политика геноцида следствием войны? Тогда я так и думал – идет война. Но я ошибался – все началось раньше.

...Осенью 1958 года, когда народ мой вернулся на родину, я вместе со своими товарищами – калмыцкими писателями Лиджи Инджиевым и Бембе Джимбиновым – встретился с Маризэттой Сергеевной Шагинян. Она жила тогда на Арбате. Нам очень хотелось с ней повидаться, чтобы узнать о судьбе ее книги «Билет по истории». Эта книга была напечатана в 1938 году – сначала в журнале «Красная новь», потом вышла отдельным изданием. О ней хорошо отзывалась Н. К. Крупская, она получила несколько положительных рецензий (в газете «Известия» о ней тепло написал Дмитрий Ильич Ульянов). Больше книга не издавалась, а ведь речь шла о семье Ленина, в том числе о его бабушке по отцовской линии, которая вышла из «уважаемого в астраханском мещанстве крещеного калмыцкого рода». Шагинян долго работала над этой книгой. Она рассказала нам, что знала семью Ульяновых, рассказала и о том, как Мария Ильинична, с которой у

нее были хорошие отношения, невольно навела ее на этот сюжет:

Однажды Мария Ильинична подала калмыцкий чай – с молоком, с маслом и солью – питье непривычное незнатоку, но чрезвычайно сытое, «пицца бедняков», которые не имели возможности есть мясо. Я спрашиваю: – Откуда это у вас калмыцкий чай? – Как откуда? – отвечает Мария Ильинична. – Вы разве не знаете, что наша бабушка была родом калмычка! Я говорю: – Мария Ильинична, дорогая, я же пишу книгу о Владимире Ильиче, вы понимаете, как мне это важно, мне же недостаточно одного устного заявления, нужны документы. Можно ли об этом узнать поподробнее? – Конечно, можно, поезжайте в Астрахань, там сохранился бабушкин дом, остались, верно, и метрические записи.

В 1938 году, рассказывала дальше Мариэтта Сергеевна, меня вызвал к себе Жданов. Он выбежал навстречу – коренастый, сердитый, с воловьими глазами: – Правда, что вы написали книгу о Ленине? – Да, – ответила я. – Правда, что вы нашли у Ленина калмыцкую и всякую там кровь? – Правда. Ведь я все брала из документов. – Кому нужна эта ваша правда? Кому она служит? – И он швырнул мне в лицо газету «Volkischer Beobachter». Жданов тогда топал ногами, кричал: – Исправляйте немедленно, а то не будем печатать!

Книга Шагинян не печаталась до 1956 года, когда Президиумом ЦК КПСС было принято специальное постановление печатать ее без купюр. Однако во времена Брежнева – Сулова ее опять стали печатать с купюрами, купюровались и другие произведения, в которых были ссылки на эту книгу. Сознание тех, кто считал себя интернационалистом и марксистом, кто провозглашал высокие слова дружбы и братства, долго отравляла мысль о составе крови, ее «чистоте».

Как не вспомнить здесь мудрые слова А. И. Герцена: «Мы выше зоологической цепетильности и совершенно безразличны к вопросу о расовой чистоте, что не мешает нам быть вполне славянами. Мы очень довольны, что в наших есть и финская, и монгольская кровь; это ставит нас в родственные и братские отношения с теми расами-париями, о которых гуманная демократия Европы не может говорить иначе, как тоном оскорбительного презрения...»

Почему я вспоминаю эти черные страницы нашей истории? Мы должны помнить о тяжелых испытаниях, которые порой оставляли незаживающие рубцы в душах людей или принижали, унижали эти души, вгоняя в гены страх, пассивность, рождая философию «моя хата с краю»... Иначе наша дружба лишится фундамента правды. Я убежден: надо вскрыть все большие и малые гнойники, омрачавшие эту дружбу, очистить души

людей, помочь каждому человеку осознать свое право называться этим высоким именем. Ведь до сих пор мы не сказали во весь голос о трагических последствиях гонений на целые народы, об этом лишь глухо, между прочим упоминается в наших научных трудах и солидных энциклопедиях...

А как пагубно сказались на развитии культуры каждого народа СССР широкие проработочные кампании, навешивание ярлыков, обвинения в национализме, безыдейности, в воспевании патриархальности и, конечно, в абстрактном гуманизме... Таких обвинений не избежали и многие крупные писатели: М. Рыльский и В. Соссюра, Айбек и М. Ауэзов, И. Друцэ и И. Чендей, Н. Думбадзе и Г. Матевосян, П. Севак и Василий Быков... И было это не только в годы культа личности, но и позже. А сколько тех, кто был незаконно репрессирован и погиб в тюрьмах и лагерях?!

...Но хотелось бы вспомнить здесь и страницы жизни более радостные. Нас, калмыков, как и другие сосланные народы, вернули после XX съезда партии. И так хотелось, чтобы весь мир узнал о том, что правда наконец восторжествовала, как можно больше узнал о моем народе. Приближалась дата – 350-летие добровольного вхождения Калмыкии в состав России, и был поставлен вопрос о том, чтобы отметить ее. Но Академия наук СССР дату не подтвердила, и юбилей праздновать не разрешили...

В декабре 1958 года после Первого Учредительного съезда писателей РСФСР был дан прием в Кремле. На таких приемах, как обычно, все было расписано заранее, все рассчитано по минутам, утверждено, кто подходит, кто говорит, кто задает вопросы... Но я все надеялся, что мне удастся поговорить с Н. С. Хрущевым о праздновании юбилея, — я воспринимал это как поручение мне от всего калмыцкого народа.

Я считаю Н. С. Хрущева умным и решительным человеком, выдающимся политическим деятелем, которому потомки еще поставят памятник. Да, у него были ошибки, и ошибки серьезные. Но подумаем: кто мог бы тогда сделать то, что сделал он, — смело разоблачить культ личности Сталина и тем самым повернуть на новые пути всю жизнь страны. Событие это, я убежден, имело всемирно-историческое значение. И нам не следует уподобляться Хаму, который посмеялся над Ноем, увидев, что тот пьян, но умудрился не заметить Ковчег, который он построил.

Мы видим и ныне, что начало перемен лежит в решениях XX съезда партии. И что греха таить, мы часто не замечаем, что в нас все еще живы рудименты прошлого, когда в каждом руководителе мы хотели бы иметь Христа, Будду или Аллаха, которые чисты, светлы и непогрешимы. И какое наступает горькое разочарование, когда за-

мечаем в ком-то, даже достойном, черты, не соответствующие кумиру, созданному нашим воображением.

...Итак, во время приема я все время думал о своем. Наконец, улучив момент, когда Хрущев остался один, я и подошел к Никите Сергеевичу.

– Хочу сказать вам огромное спасибо за то, что вы вернули наш народ.

– Ну как там настроение? – оживился Хрущев.

Я стал рассказывать, как после одного писательского выступления в калмыцком колхозе, уже поздно вечером, почти ночью, я увидел старую женщину, которая истово молилась перед чьим-то изображением. Я удивился: неужели после ссылки у нее сохранились бурханы (изображение Будды)? Подошел ближе, смотрю – молится на портрет Хрущева. Я говорю: нельзя молиться на живого человека, наша религия запрещает, это не бог. А она мне: – Он вернул меня к костям моих предков. – Так это партия вернула, – говорю я. – Когда нас ссылали, партия тоже была, – возразила она в ответ.

– Да, человек так уж устроен, что он должен получить ответ на вопрос, который его волнует. Когда их ссылали, они не понимали – за что. Когда их вернули, они тоже не понимали – почему.. Они решили искупить свою вину. Но какая была у них вина? Надо душу их лечить... – задумчиво сказал Хрущев.

Помня о цели своего разговора, я сказал о предстоящем юбилее. — Жаль только, праздника у нас не будет и вас не увидим на нашем празднике. — Как так? — спросил Хрущев. — Да так, Академия наук не подтвердила дату. — Ну, тогда ничего не поделаешь... Авторитета выше, чем Академия, в этом деле нет. — Есть, — говорю я. — Кто же? — Его Императорское Величество царь Николай II. Вот книжка И. Ульянова (однофамилец В. И. Ленина), где сообщается, что в 1909 году Николай II произнес благодарственную речь в ознаменование 300-летнего верного служения калмыков России. В церквах по решению Святейшего Синода тогда же отслужили по этому поводу благодарственные молебны. Хрущев расхохотался: — Раз уж Николашка праздновал, нам и сам бог велел.

Через неделю Академия подтвердила дату.

В 1959 году мы торжественно отпраздновали 350-летие добровольного вхождения Калмыкии в состав России. 350 лет калмыки защищали южные границы страны, верно неся свою сторожевую службу. Калмыкию посетил Петр I и, по преданию, самолично накиннул соболью шубу на плечи хана Аюки, вспомнив эпизод Полтавской битвы, когда калмыцкая конница едва было не захватила в плен Карла XII и Мазепу.

Но кроме «милости царей» была еще и гуманистическая традиция русской классичес-

кой литературы, всей русской культуры. Здесь, конечно, я прежде всего буду говорить о Пушкине. «Друг степей калмык» известен всему миру, о калмыках вспоминает он в «Евгении Онегине», «Капитанской дочке», «Истории пугачевского бунта» и многих других своих произведениях, как бы оставив заветом последователям свое отношение к угнетенным, бедным и слабым... Защищать слабого – признак благородства духа, и мы видим, как следовали Пушкину его славные продолжатели.

Гоголь с глубоким убеждением писал о том, что Россия – это не только русский народ, но все народы, живущие в ее пределах, и надобно изучать их жизнь, обычаи, историю, верования, места, где они обитают... И сам стремился осуществить такую программу.

Читая лекции по истории в Патриотическом институте, затем в университете (да и на протяжении всей его жизни сохранился этот интерес), он собрал большой исторический материал, включающий сведения о народах, которые населяют Россию, – и не только о славянах. У него сохранилось шесть тетрадей разного объема, содержащих записи по географии России, где наряду со сведениями о вотяках, татарах и других народностях есть и этнографический очерк о калмыках, с подробным описанием почв, земельных угодий, животного и растительного мира,

социального устройства, образа жизни и быта, их религии, верований и нравов.

Вот описание животного мира, населявшего калмыцкие земли, – удивительное свидетельство былого изобилия черных прикаспийских степей: «Звери: барсуки, чекалки, волки, лисицы, зайцы и тушканчики... хорьки, суслики, водяные крысы... кабаны... сайгаки, бродящие целыми стадами... Птицы: беркуты, балабаны, ястребы, скопы, мышеловы, коршуны, белые луни, совы, филины, сычи, вороны, скворцы, журавли, фазаны, дрозды, крохали, лебеди... дикие гуси..., утки, бабы, бакланы, колпики, мартышки, чайки, цапли...»

А вот что пишет Гоголь о нравах этого народа: «Нравом калмык гостеприимен и поделчив. В обращении ровен и с богатым, и с бедным. Бедный может зайти в любую кибитку и подсесть к хозяйскому котлу, ему поднесут чашку наравне с другими».

«Чистота понятий о добре и зле, заключающаяся в правилах их религии, стоит глубокого внимания. Грехи следуют в таком порядке. Приписываемые произволу: убийство, всякое насилие, всякое телесное осквернение. Грехи, происходящие от слов: злословие, празднословие, клевета и ложь, смуты и подстрекания. Грехи душевные: зависть, мщение, безбожие или непризнание святости закона».

Да, русские люди – писатели, ученые –

немало сделали для развития культуры калмыцкого народа, для того, чтобы познакомить с ней другие народы.

Еще один рядовой пример. Помню, на одном из заседаний Комиссии по литературному наследию Велимира Хлебникова покойный Борис Слуцкий передал мне две папки с надписью «Калмыки» – записи Владимира Алексеевича Хлебникова, отца поэта. Он был орнитологом, природоведом. И вот среди его рабочих материалов есть и описание игр калмыцких детей, и своего рода программа: «Что надо сделать, чтобы поднять этот народ». Надо сказать, что в поэзии Велимира Хлебникова его детские впечатления о калмыцких степях, о прикаспийских озерах со стаями лебедей откликнулись тягой к Востоку, такими образами, как «конечарствие», «Лебедия».

Наверное, каждый из нас может привести примеры глубинного интереса русских людей, русских интеллигентов к жизни других народов, их культуре, их стремления сделать все, чтобы поднять эти ранее угнетенные царизмом народы к сознательному творчеству новой жизни.

А какую огромную роль сыграл Горький в нашем взаимоузнавании, в расширении художественных горизонтов всех литератур народов СССР, в том числе русской! 30-е годы – это был подлинный взрыв взаимного интереса друг к другу, годы большой практической, глубоко творческой работы –

переводческой, издательской... Да, сейчас – сравнительно с первыми литературными писательскими бригадами, отправлявшимися тогда в республики, – масштабы иные, не несколько человек, а мощные «десанты». «Мероприятия» Союза писателей приобрели монументально-фундаментальные формы, но велика ли творческая отдача? Эта официальная заштампованность – и энтузиазм Тихонова, Луговского, Пастернака, их переводы и собственные стихи, рожденные впечатлениями от жизни других народов, их культуры, народного творчества, от радости обретения новых друзей – верных на всю жизнь...

Горький редактировал альманах «Творчество народов СССР», он предложил Семену Липкину перевести для альманаха одну главу из «Джангара» и говорил ему: «Если же вы сделаете перевод всего эпоса, вы оставите свое имя в истории культуры».

В 1940 году впервые эпос был издан на русском языке в замечательном переводе Семена Липкина. На юбилей «Джангара» в том году в Калмыкию приехали Фадеев, Новиков-Прибой, Микола Бажан, Анна Караваяева, В. Фаворский, который сделал иллюстрации к эпосу.

Народ, его история, его земля... О земле сейчас особенно много думаешь, нельзя не думать: так мы ее запустили, с такой варварской безответственностью к ней относились. И поплатились за это – сейчас не уйти

уже от грозных вопросов самого бытия, существования нашей планеты, если будет продолжаться это хищничество.

Чувство хозяина! Сколько было потрачено сил, чтобы уничтожить его! А мертвое чувство уже не может родить ничего созидательного, доброго, оно способно лишь разлагать и распылять уже накопленное, порождать пустыню души человеческой, не менее страшную, чем пустыня песков...

...Многими годами настойчивого и упорного истребления чувства хозяина в людях мы породили странное, когда-то презираемое чувство слуг. Помните, как было сказано у Пушкина: если сзади кто-то плюнет на мое платье, то дело моего слуги его вычистить, а не мое. И эта презренная психология слуги, вытирающего плевки и норовящего схитрить, пустить пыль в глаза, урвать побольше у хозяина, прельщала, видимо, той легкостью обретения благ, которые доставались в отсутствие хозяина. Ведь слуги часто воруют именно в отсутствие хозяина, а в данном случае, когда хозяина не было вовсе, жизнь их была чрезвычайно вольготна, они и воровали от имени хозяина, и прикрывали другого слугу, который, мол, в случае чего прикроет и меня.

И если в утверждении психологии слуги наша литература сыграла немалую роль, то сейчас о возвращении психологии хозяина она обязана сказать свое слово правды, хотя гово-

рять правду всегда сложнее, чем кривить душой. Ведь хозяин ничего не берет, а создает. Создающий же, безусловно, сложнее, чем берущий: он неудобнее, ибо он может сказать – «Я сам!», а не «Чего изволите?»...

Мне кажется, мы еще не понимаем значения того, что происходит вокруг нас. Развал экономики, разгул бюрократизма, командно-силовые приемы, превращение лжи в обыденное явление, которое даже не замечают, – ведь все эти недуги с ходу не вылечишь. Новое мышление необходимо выработать, укоренить в обществе, – и происходит это не без борьбы, острой и бескомпромиссной.

Помню, в Италии, в одном из университетов, нашей делегации был задан вопрос: мол, чего вы хотите? Почему вы со своими обычаями и порядками, со сделанными вами многочисленными ошибками, со своими традициями, своим настоящим и прошлым приехали к нам? Чтобы мы изменили вдруг свое мировоззрение по вашему образу и подобию, по вашим стандартам? Что же тут для нас притягательного?

Я ответил, что в вопросе, который поставил наш оппонент, отсутствует самое главное из того, с чем мы приехали, – будущее. Оно вне территорий и социальных систем, оно не признает границ и не считается ни с чем, кроме единственного условия для претворения в явь – сохранить существование самой жизни на Земле. В век ядерной энер-

гии мы не можем не понимать, что существование с мышлением века механики Ньютона уже невозможно... Мы должны сохранить главное условие для претворения будущего в реальность, и тут у нас, и у вас, итальянцев, как и у всех людей, населяющих нашу планету, путь один – соответствовать уровнем нравственности уровню разбуженной человеком энергии. Любовь человека к жизни, к человеку, ненависть к войне должны быть чувством подкорковым, таким же, как отвращение к каннибализму, которое не позволяет последнему сильному съесть последнего слабого и тем самым положить конец истории человечества.

Потребность в новом мышлении давно назрела, она витала в воздухе, кричала об этом, как и любая истина, еще не провозглашенная, не облаченная в слово. Новое мышление было рождено не нехваткой мяса и масла и плохим качеством советской обуви, а расщепленным атомом, который уже дважды ударил в колокол: сначала в Хиросиме и Нагасаки, затем в Чернобыле... Оно потребно всему человечеству, и когда мы говорили об этом итальянцам, нам показалось, что они были согласны с тем, что мы как бы размышляем с ними вместе, вслух. Этим я объясняю, что католический епископ Джузеппе Маролдини в соборе св. Петра читал с амвона прихожанам мои стихи, переведенные на итальянский. Вот они:

*Везде, в любые времена
В своих приливах и отливах
Не воплощала жизнь сполна
Мечтаний даже*

у счастливых.

*Мне ль на такую благодать
Рассчитывать?..*

Скажу заранее:

*Мне не приходится мечтать
Об исполненье всех*

желаний.

*Нет у меня на это прав!
И я склоняюсь пред тобою,
О жизнь, с единственной*

мольбою:

*Казни за все, в чем я не прав,
Но близких мне и дорогих
Не позволяй судьбе обидеть,
Страданий никого из них
Не дай глазам моим увидеть!*

Я человек самолюбивый, я бы не хотел, чтобы меня упрекнули в нескромности, в том, что я занимаюсь саморекламой, но рождается чувство радости от сознания того, что есть общее для всех людей на Земле – и для христиан, и мусульман, и буддистов, для капиталистов и коммунистов – понимание необходимости сохранения жизни, несмотря на кажущуюся правоту каждого, в этом нашем противоречивом и прекрасном мире.

Газета «Известия Калмыкии», № 81, 82; 24, 25 августа 2004 г.

Здравствуй, мой брат...

– Близится ваше 85-летие. Что видится вам с вершины этого почтенного возраста?

– Смотрю я на мир, на жизнь несколько скептически. Стал иначе видеть и понимать глобальные вопросы. Я не знаю, к примеру, правильно ли причислять к богам тех, кто сотворил бомбу, за одну секунду уничтожающую 100 тысяч человек. А ведь уже изобретают новые бомбы, которые уничтожают 200, 300 тысяч – степень награждения и возвышения их творцов зависит от того, сколько людей могут уничтожить их страшные детища. Был такой Клод Изерли, американский летчик, который вел эскадрилью бомбить Хиросиму. Свой самолет он назвал именем своей матери – Энола Гей; позывными, с которых должна была начаться бомбежка Хиросимы, он выбрал музыку, может быть, самую красивую, – «Болеро» Равеля; бомбу, которая должна была уничтожить сотни тысяч людей, он назвал «Малыш» – так матери и отцы нежно называют своих детей. А когда бомба была сброшена, в Нью-Йорке два дня ликовали. Я не могу представить, что по такому поводу можно торжествовать. И я не знаю теперь, что же такое хорошо, а что такое плохо!

– И все-таки вам открылся смысл жизни?

– Смысл нашей жизни, на мой взгляд человека уже уходящего (по возрасту своему), в том, что нам надо понять истину: человек рождается не для того, чтобы умирать (хотя в свой час он, конечно, умрет), а для того, чтобы жить. И все президенты будут чего-то стоять только в том случае, если они направят свои усилия на то, чтобы человечество было счастливо, чтобы оно выжило. Я был очень рад, что наша страна не вошла в число держав, которые бросили свои войска на Ирак. Я никогда не был поклонником Саддама Хусейна, но показать пальцем на Ирак с кличем: «Уничтожить!» – как это сделал Буш, заявив, что есть данные о том, будто Ирак производит ядерное и бактериологическое оружие, – это невообразимо! Я был в ужасе, что среди тех, кто кинулся на Ирак, оказалась Украина, моя, родная, ибо я освобождал ее. (Переходит на украинский язык). Я колысь гарно разумив українську мову, українських письменників перекладав на рідну мову... Стыдно побеждать такую страну такой силой: Соединенные Штаты, Великобритания, Испания и так далее. А ни ядерного оружия, ни сибирской язвы у этой нищей страны не оказалось. Стыдно...

– Давид Никитич, какое у вас любимое занятие?

– Рыться в книгах. (С горечью). Я ответил вам неверно: всю жизнь это было моим лю-

бимым занятием, когда я видел. И то, что я перестал видеть, – самая большая для меня трагедия. Самая большая... А сейчас я нахожусь в удовольствии в осмыслении разных событий, фактов...

– Соблюдаете ли вы какую-то диету?

– Нет. Я считаю, что самый мудрый подсказчик того, как нужно себя вести, – это клетки твоего организма, ты сам. Я никогда не был переборчив в еде. В детстве мы очень трудно жили. Одиннадцать человек на зарплате школьного учителя, в совхозе № 107 Приютненского района... Я с братом уходил в 5-6 часов утра на речку Чекалду и до 12-ти было уже ведро рыбы. Помню, и сусликов выливали...

– Однако я слышала, что вы из зажиточной семьи...

– Да, дед мой считался зажиточным человеком. Когда в 30-м году его раскулачивали, в справке написали, будто он имел 500 дойных коров. Да врал все: 500 дойных коров не было во всем селе! А писалось все это для того, чтобы показать, какие они рьяные борцы с «кровососами»!

– Давид Никитич, есть ли в вашей жизни страницы, которые вы хотели бы переписать?

– Думаю, нет таких страниц. Даже если речь идет о том, что я убивал людей – я имею виду фашистов. Но это было необходимо: шла война... Хотя я считаю, что любое убийство есть подлость.

– Вы всего в жизни добились, чего вам хотелось?

– Лия, я ничего не добивался. Поэтому вот лучшая постановка вопроса: «Как вы прожили жизнь?».

– Хорошо, пусть так...

– Считаю, я прожил ее правильно. Я не предал, не продал ни одного человека. Я никогда не радовался унижению ближнего. Я не шел на пролом, раздвигая людей локтями. Все, что я имею, – заработано нелегким писательским трудом, заслужено талантом. Вот сегодня готовится к изданию собрание моих сочинений в 3-х томах. Я работаю над ним. Мне читает вслух мой референт... А знаете, когда читают твои стихи, написанные 30, 40, 50 лет назад, – так приятно встречаться с ними, будто ты родного человека встретил!

– Скажите, Давид Никитич, кого вам больше всего не хватает из тех, кто ушел из жизни?

– Васи не хватает, с которым мы, в буквальном смысле, одной шинелью укрывались, а утром, военные корреспонденты, мы шли в роты. Нам было по 19-20 лет. И если бы меня спросили, за что вы могли бы благодарить войну, я бы сказал: война родила миру великого писателя – Василя Быкова. Он письма свои ко мне начинал: «Здравствуй, мой брат!» Он умер в позапрошлом году, 22 июня. Утром, проснувшись сказал: «Сегодня я умру».

А я с ним говорил по телефону за шесть месяцев до того – он тогда лежал в госпитале во Франкфурте-на-Майне. И он сказал мне: «Давид, знаешь чувствую, последний раз с тобой говорю». Жизнь наградила меня дружбой со многими великими людьми: Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Александр Твардовский – это же поэты, Богом данные. Ну разве это не счастье иметь таких друзей? А Смеляков, а Светлов?.. Да если я начну перечислять! А Валентин Глушков, который вместе с Сергеем Королевым запускал в космос Гагарина? А Михаил Сергеевич Горбачев? Простите, я знаю, многие сегодня, скептически посмеиваясь, оценивают его деятельность, но людям, подобным ему, истинную оценку предстоит получить через 100 – 200 лет. Я мог бы еще назвать многие широко известные имена – математиков, физиков, военных, политиков и бесчисленное число тех, кого мы привыкли называть «простыми» людьми, забывая порой об их роли в нашей жизни, как забываем о том, что простой хлеб – самая первая наша пища. Могу ли я не упомянуть и Семена Липкина, которого я называю своим Учителем!..

Очень я обязан отцу своему – он очень любил и знал литературу, русскую и мировую. А более всего я обязан своему деду, тому самому кулаку, которого в 31-м году убило на лесоповале спиленной и падающей сосной. Возраст утрат... Ушли все, с кем

было мне так радостно и так счастливо общаться.

– *Вы боитесь смерти?*

– Нет, только я бы хотел умереть во сне. Пусть будет, как я писал в одном из своих стихотворений:

*Никто не помнит
своего рожденья;
Никто не вспомнит
свой последний час –
Два рубежа, две грани,
два мгновенья
Не ведомы ни одному
из нас.*

Газета «Степная мозаика». № 30; 30 июля, 2005 г.

Содержание

Весенняя ночь. Перевод Д. Бродского	7
Девушка-джангарчи. Перевод Я. Козловского	9
Джангарчи. Перевод Д. Бродского	11
Весна. Перевод Ю. Вронского	14
Яблоко. Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова	15
«Над Волгой отпылал закат...» Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова	17
«Это явь или сон мой радостный...» Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова	18
Мой знакомец. Перевод М. Шехтера	20
Матери – степи (Из фронтовой тетради). Перевод Н. Матвеевой	21
Девушке, победившей пустыню. Перевод Ю. Нейман	23
Песнь осеннего ветра. Перевод Н. Матвеевой	25
«О милая, ты, как весна...» Перевод Ю. Нейман	27
«Уже зимы холодной покрывало...» Перевод П. Карпа	29
Над колыбелью мальчика. Перевод А. Голембы	30
Ночью в окопе. Перевод Ю. Вронского	33
Любовь Лели Шапиро. Перевод В. Луговского	35
Высота. Перевод В. Луговского	38
Зов родного края. Перевод Ю. Вронского	40
«Жду тебя...» Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова	41

«Печь пожарче разожги...»	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	42
«Ты счастье мне пророчишь взглядом...»	
<i>Перевод Н. Матвеевой</i>	43
Солнце. <i>Перевод Ю. Вронского</i>	44
«Разве могут жить поэты...»	
<i>Перевод Ю. Вронского</i>	45
«Ты в глаза мне, как зеркало, долго смотрела...» <i>Перевод Ю. Вронского</i>	46
Рождение любви. <i>Перевод Ю. Вронского</i>	47

Четыре стихотворения, написанные на русском языке

«Нет, нет! Я вовсе не жалею...»	49
«Гармонию мелодий без звучаний...»	50
«Улыбкой ласковой привет...»	50
На день рождения	51
Лето в Норильске. <i>Перевод Ю. Вронского</i>	52
Непогода. <i>Перевод А. Голембы</i>	53
Голос Москвы. <i>Перевод С. Липкина</i>	54
Поэт. <i>Перевод С. Липкина</i>	56
Лицо старого друга. <i>Перевод Ю. Вронского</i>	57
Награда. <i>Перевод Ю. Вронского</i>	59
Рассвет на Ай-Петри. <i>Перевод А. Голембы</i>	60
«По озеру в камышах...» <i>Перевод Ю. Разумовского</i>	62
В оружейной палате. <i>Перевод В. Луговского</i>	63
Точная трасса. <i>Перевод С. Липкина</i>	64
Возвращение Ботяна на родную землю. <i>Перевод М. Светлова</i>	65

В Библиотеке имени Ленина.	
<i>Перевод М. Шехтера</i>	67
Радость. <i>Перевод Ю. Вронского</i>	69
Время и желание. <i>Перевод Я. Козловского</i>	70
В Эссентуках. <i>Перевод И. Френкеля</i>	71
Солнце в Заполярье.	
<i>Перевод Н. Матвеевой</i>	72
«Черное море, играя волной...»	
<i>Перевод В. Щепотева</i>	74
«Я помню прошлое...»	
<i>Перевод Н. Матвеевой</i>	75
Хадрис! <i>Перевод С. Липкина</i>	76
«Приму ли ошибку за истину...»	
<i>Перевод Н. Матвеевой</i>	78
«Газет встревоженные строки...»	
<i>Перевод А. Голембы</i>	79
«Как железные кабаны...»	
<i>Перевод Ю. Лучанского</i>	80
«В аллее парковой не мог...»	
<i>Перевод А. Николаева</i>	81
Очищение. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	82
Баран. <i>Перевод А. Голембы</i>	84
На смерть друга. <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	85
Счастье. <i>Перевод А. Голембы</i>	88
День моего рождения.	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	89
Труд. <i>Перевод Э. Иодковского</i>	91
Желание. <i>Перевод А. Голембы</i>	93
Золотая земная звезда.	
<i>Перевод А. Голембы</i>	94
Аршан-Зельмен. <i>Перевод Я. Козловского</i>	95
Бахчисарай. <i>Перевод С. Липкина</i>	97
Орден Босхомджи. <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	99
Мысль. <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	101
Шпага Городовикова. <i>Перевод Д. Долинского</i> <i>и В. Стрелкова</i>	102

Новая весна. Перевод С. Липкина	104
«На прошлое, на то, что позади...»	
Перевод Ю. Нейман	106
«Когда иссякнут сил моих остатки...»	
Перевод Н. Матвеевой	107
«Весной ли зовется это...»	
Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова	109
«Схватит искру ветер...»	
Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова	110
«Небо синее внезапно почернело...»	
Перевод Н. Матвеевой	111
«Размышленьями полон пустыми...»	
Перевод К. Алтайского	112
«Мне нынче друг во сне явился снова...»	
Перевод Н. Матвеевой	113
«Фанерными щитами прикрываясь...»	
Перевод Н. Матвеевой	114
«Прочел я вашу книгу...»	
Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова	115
Зной. Перевод А. Голембы	116
Скончался мой друг.	
Перевод Н. Матвеевой	118
Шторм на море. Перевод Ю. Нейман	119
Волга. Перевод Ю. Нейман	124
«Мудреца обычные слова...»	
Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова	127
«Нежная весенняя трава...»	
Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова	128
Сердцу. Перевод Ю. Разумовского	129
Слово к человеческому слову.	
Перевод Ю. Нейман	130
Скульптор. Перевод Ю. Нейман	131
Душа слова. Перевод Ю. Нейман	134

«Могу ль усомниться, однажды изведав...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	135
«Поэту, широко известному повсюду...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	136
Зерно. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	137
«Никто не помнит...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	138
Смерть сайгака, или Расстрелянное утро.	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	139
Спой, Валя! <i>Перевод Д. Долинского и</i>	
<i>В. Стрелкова</i>	144
Рождение нового обычая.	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	146
Добро и зло. <i>Перевод С. Липкина</i>	148
«Демокрит и Платон за себя говорят...»	
<i>Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова</i>	149
Маленькая ложь. <i>Перевод С. Липкина</i>	150
Зерно и космос. <i>Перевод С. Липкина</i>	151
«Передвигая ноги через силу...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	153
Памятник предкам.	
<i>Перевод А. Николаева</i>	155
Поэт и время. <i>Перевод А. Николаева</i>	156
Храбрый заяц. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	159
Рассказ о потерянном имени.	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	163
Кусок хлеба. <i>Перевод Г. Ладонщикова</i>	169
Степная быль. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	173
Пушкин. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	178
Дальние сигналы. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	181
Свет женщины. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	182
Портрет. <i>Перевод С. Липкина</i>	184
«В те дни, когда ты мне сказала «да»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	186

«Только наша калмыцкая флейта...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	187
«Жизнь на лицах вяжет узелки...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	188
«Отсвечивая блеском лака...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	189
«Насыщен воздух влагою ночью...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	191
«Осенний лист на длинном черенке...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	192
«Приехал друг в родимые края...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	193
Встреча через много лет.	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	194
Чабаны. <i>Перевод Д. Долинского и</i>	
<i>В. Стрелкова</i>	196
«Его считают честным и прямым...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	201
«Как деревянный ножик ни точи...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	202
Другу. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	203
Мысль и время. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	204
«Ты, кто прежде...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	205
Друзьям. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	206
«Он объявил, волнуясь, что билет...»	
<i>Перевод С. Липкина</i>	207
«Я вижу, как с восторгом неустанным...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	208
О природе. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	209
Москве. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	210
Поэзия. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	211
Начало дня. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	213
Москва. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	215
Работа. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	216

«Верьте, я не слишком рад...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	218
«Когда другой в прозрачном небе...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	220
«Вы детей растите в холе...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	222
«Искусству различать заранее...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	223
«Когда бы, друг, на ум тебе пришло...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	225

Жизнь и размышления

(1963 – 1975)

Солнце – Человек. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	229
Родина. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	230
«Не как теленку-сосунку тугие...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	231
Счастье и горе. <i>Перевод С. Липкина</i>	232
«Жизни мира, длящейся века...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	233
«Еще не зазвучавших песен звук...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	234
«Когда давно желанные слова...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	235
«Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!..»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	236
«Когда средь степи одинок...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	237
«Бегут на берег из глубокой мглы...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	238
«Проходят дни, зовут меня вперед...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	239
«Под благодатными лучами...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	240

Разум. Перевод Ю. Нейман	241
«По океану времени вперед...»	
Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова	242
Помощь. Перевод С. Липкина	243
«С утра поливал я деревья в саду...»	
Перевод Ю. Нейман	244
«За то, что втайне ты принес краюху...»	
Перевод Ю. Нейман	245
Цветы Норильска. Перевод Ю. Нейман	246
«Похвалите меня, друзья!..»	
Перевод Ю. Нейман	247
«Завтра» – как похоже на улыбку...»	
Перевод Ю. Нейман	248
«Когда я замечаю с чувством боли...»	
Перевод Ю. Нейман	249
«Когда вдали, как слабый огонек...»	
Перевод Ю. Нейман	250
«Из сегодняшнего дня в минувшее...»	
Перевод Ю. Нейман	251
«Когда бы вдруг машина счетная...»	
Перевод Ю. Нейман	252
«О время щедрое!..» Перевод Ю. Нейман	253
Сквозь века. Перевод Ю. Нейман	254
Время. Перевод С. Липкина	256
«Одно твое недоброе деянье...»	
Перевод Ю. Нейман	257
«Метель беснуется... Беда, беда!..»	
Перевод Ю. Нейман	258
«О жизнь!..» Перевод Ю. Нейман	259
«Устало сердце гнать по жилам кровь...»	
Перевод Ю. Нейман	260
«Когда б к исходу странствия земного...»	
Перевод Ю. Нейман	261
«Жизнь! Сурово душу проверяя...»	
Перевод Ю. Нейман	262

Капли. Перевод С. Липкина	263
«Разъяренного ветра порыв...»	
Перевод Ю. Нейман	264
«Не попирайте мертвыми живых!..»	
Перевод Ю. Нейман	265
«Когда тебя осудит друг...»	
Перевод Ю. Нейман	266
«Что им стоило казнить Джалиля...»	
Перевод Ю. Нейман	267
«Прошу, друзья, не истолкуйте вкось...»	
Перевод Ю. Нейман	268
«Я верю: клетки сердца не умрут...»	
Перевод Ю. Нейман	269
«Когда ученый, устремив свой разум...»	
Перевод Ю. Нейман	270
«Он человечеству служил как верный друг...» Перевод С. Липкина	271
Огонь. Перевод С. Липкина	272
Воспоминание. Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова	273
«А где-то учиняют самосуд...»	
Перевод Ю. Нейман	274
«Верь опыту всей жизни, друг...»	
Перевод Ю. Нейман	275
«Давным-давно залеченная рана...»	
Перевод Ю. Нейман	276
«Друзья познаются в несчастье...»	
Перевод Ю. Нейман	277
«Огромный непроточный пруд...»	
Перевод Ю. Нейман	278
Первый снег. Перевод Ю. Нейман	279
«Любой из нас, кто трудится во имя...»	
Перевод Ю. Нейман	280

«Только домчится весть об удаче...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	281
«С каждым годом больше их число...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	282
«На горы глядя, думал я не раз...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	283
«Старикки сказали мне...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	284
«Я видел тех, кто никогда не плачет...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	285
«Что жизнь покажет, открывая двери...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	286
Единственное счастье	
<i>Перевод С. Липкина</i>	287
«Почему со мной несмело...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	288
«...Когда подумаешь, вся жизнь была...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	289
«Зачем тащить весь город на руках?..»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	290
«Слово одно приказа...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	291
«Погляжу очарованным взглядом...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	292
«С тех пор как я люблю тебя, с тех пор...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	293
«Когда любовь...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	294
«Когда, ошибки не поняв моей...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	295
«Как раз в те дни, когда струистый дым похвал...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	296
«В юности, в далекие года...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	297
«В детстве на поблекшей иллюстрации...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	298

«Сколько свежести в народном слове...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	299
Слово. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	300
«Создавший Гамлета бессмертный гений...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	301
«Не брядай оружием напрасно!..»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	302
Мой стих – владыка мой	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	303
«Одолевая труд высокий...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	304
«Едва за книгой руку протяну...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	305
«Над стройкой солнце мрело еле-еле...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	306
«Вечен времени океан...»	
<i>Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова</i>	307
«Ты прав, мой друг...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	308
«Почитателей Гамзата я встречал у нас везде...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	309
Возвращение праха Огарева	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	310
«Рисунки на скале или на чаше...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	311
Книга. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	312
«Утрами, если не было тумана...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	313
«Благополучнейший поэт...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	314
«В живую ткань стиха, в его нутро...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	315
«Склоняясь к трубке телефонной...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	316

«А я любил поэзию твою!..»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	317
«О том, что есть, скажи, что нет...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	318
«Талантливо, талант!..» Не щедро ль раздаем...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	319
«Солнцем напоен досыта воздух...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	320
«Если вдруг возникнет сила злая...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	321
«О судьба!.. За то, что по незнанию...»	
<i>Перевод С. Липкина</i>	322
«Мы провожали друга до могилы...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	323
«Друг, душой мне преданный вполне...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	324
«Зачем – скажи! – ты растравляешь снова...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	325
«Обиду – злосчастье того, кто рядом...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	326
Жизни вечное продление	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	327
К людям будущего	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	328
Истина. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	329
«Под мерзлым настом, где земля черна...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	330
«Когда поймешь...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	331
«С тех пор как вертится Земля...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	332
«Я знаю твердо: сбудутся мечты...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	333
«Когда я вижу в солнечной аллее...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	334

«Решиться – значит победить...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	335
«Да», «нет» – два этих слова – острия...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	336
«Когда душе не хватает сил...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	337
«Если ты чего-нибудь достиг...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	338
«Картины романтической земли...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	339
«Когда толпа жестоких бед...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	340
«Если мысль твоя глубока...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	341
«Парнишка напоролся на стекло...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	342
«Малыш игрушку бросил дорогу...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	343
«Под окнами квартиры незнакомой...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	344
«Застыл внезапно дождик моросящий...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	345
Соблазн. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	346
«Три вида сплетников известны мне...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	347
«У каждого – свой нрав, своя душа...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	348
«В заветах нашей старины...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	349
«Обидевший зазря кого-нибудь...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	350
«Два друга – те, что до сих пор...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	351
«Если ты о старом друге...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	352

«Тому, кто погибал в огне...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	353
«Без всякого стеснения и страха...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	354
«Тот, кто, себя всех выше ставя...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	355
«Молодые, берегитесь зависти!..»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	356
«Доценту строгому сдают зачет...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	357
«Не верь, что взгляды и черты...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	358
Бедняги. <i>Перевод С. Липкина</i>	359
«Тот, кто ошибку совершил одну...»	
<i>Перевод С. Липкина</i>	360
«Тот, кто и вправду был душой высок...»	
<i>Перевод С. Липкина</i>	361
«Если вновь заведешь ты рассказ...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	362
«Когда свершивший славные дела...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	363
«В работе ты и впрямь мастак...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	364
«Кто хочет обойтись в работе...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	365
«С завидным знаньем шахматных законов...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	366
«При мне насмешливый бездельник...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	367
«Известный пьяница – лентяй...»	
<i>Перевод Д. Долинского</i>	368
«Одолевая неудачи...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	369
«Вот так картина вдалеке...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	370
«И когда двадцать лет спустя...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	371

«Досыта наглотавшись мяса...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	372
«Во всей своей новешенькой красе...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	373
«Один не самый мудрый из мужчин...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	374
«Гудя, пчела металась по стеклу...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	375
«С трудом неся свое тугое вымя...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	376
«Пред неким ханом...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	377
«Неделю среди песков блуждая даром...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	378

Из индийской тетради

Махатма Ганди. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	381
Краски Рериха. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	384
В тени дерева бо. <i>Перевод С. Липкина</i>	387
Читая. Ганди. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	389
Письмо на пальмовом листе.	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	390
«За то, что светом и любовью...»	
<i>Перевод В. Еременко</i>	391
«Хлынул ливень предрассветный...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	392
«Ласкающие волны океана...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	394
«Под пальмою индийским душистым днем...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	395
«Свернувшись в мягкий шелковый клубок...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	396
Голубое сари. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	397

Двустипшия: 1–16.	
Перевод Я. Козловского;	399
17–35. Перевод Д. Долинского и	
В. Стрелкова	401

Стихотворения

Перевод с калмыцкого Ю. Нейман

Обращение к словам	405
Мой юный друг	407
Тополь	409
«Свой голос – будто бы не свой...»	411
«Друзья похвалят, не перечая...»	412
«Когда играю с детворой...»	413
Размышления	414
«Нет счета открытиям...»	416
«За годом год уходит в никуда...»	417
«С тем, что жизнь – лишь на	
Земле цветущей...»	418
«Быль, что ты видал глазами...»	420
О шамане	421
«Когда б глаза людей – весь	
пестроцветный шелк...»	423
Тело	424
К солнцу	426
Далекое	427
«Предосторожность, говорят...»	430
Размышления о жизни и смерти	
во время болезни	431
«Человек я современный...»	435
«Чем я тебя порадовать могу?...»	436
«Все время думать о тебе – давно...»	438
«В космической пучине ледяной...»	440
«Не веря и немного веря...»	442

«В папиросном сизом тумане...»	443
«Когда ты возразишь мне горячо...»	444
«Опьянив меня с рассвета...»	446
«С неба видел я полей квадратики...»	447
«Чтоб лучшие слова найти для вас...»	448
«К самому красивому тюльпану...»	449
Взгляд	450
Зимой лютой	452
В цирке	454
Смотрю на мир	457
Восход солнца на Аю-Даге	459
«Зеленое платье степей обвила...»	461
Весна («Смотрите, как меняются деревья...»)	462
«Доверье – в этом дружбы суть...»	464
Монолог благодарности	465
«Когда я вижу, как цветок в апреле...»	468
«Трепеща, купаясь в тепле...»	469
«Ветерок раздул занавеску...»	470
«Постойте! Вы были в стране Апреля?...»	471
«Апрель, апрель желанный...»	472
«На улицах и на бульваре я...»	473
«Как песни лимбы – трепетной свирели...»	474
«Под деревьями густого парка...»	475
«Тучи появились в небе чистом...»	476
«То, что воздух душистый, степной...»	477
«Когда, уйдя от суеты...»	478
«Глянцевитой лазурью плотной...»	479
«И безветренна даль и тепла...»	480
Полынь	481
«Опять свершилось чудо...»	482
«Как вчера, приоткрыл ресницы...»	483
«Зеленая, еще не колосится...»	484
«Когда я стоял, упиваясь игрою...»	485

«Кудрявый, на ножках точеных...»	486
«Ребята, не пришедшие с войны...»	487
«День двенадцатого апреля...»	488
«Я, прошагавший от начала...»	489
«Весна... Мне кажется порой...»	490
Скворцы	491
Запахи весны	492
Друзьям детства	494
Сказка	496
«Когда вхожу в степной простор...»	497
«На землю нынче мягко, споро...»	498
«Когда лютует злой мороз...»	499
«Лишь о тебе в безмолвии, впотьмах...»	500
«Что было «до...»	501
«Бывало, к домбре прикасалась ты вдруг...»	502
Баллада диких тюльпанов.	
<i>Перевод М. Дудина</i>	504
Гениям прошлого. <i>Ю. Нейман</i>	506
Везде, в любые времена.	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	508
Золото матери. <i>Перевод В. Стрелкова</i>	509
«Книг все больше, больше – что ни год!..»	515
«Это связано жестко...»	516
Живой – с живыми	517
«По просьбе некоего поэта...»	522
«Порой высокое смешно...»	523
Совет	524
«Суди о даре и судьбе...»	525
«Затрепетали лепестки тюльпана...»	526
«Кто Правду с Кривдой смешивал в одно...»	527
«Любуюсь ли отарой пышнорунной...»	528
«Когда багрянцем, желтизной...»	529

Из братиславской тетради

Однажды утром... ..	533
«Когда отчизна далека...»	543
Сон в замке.....	545
Песня матери	548
«Что для поэта высшая награда?..»	556
«В тот день, когда я не увижу дня...»	557
«Когда, подобно счетоводу...»	558
«Порой болтаем мы часами...»	559
«Из нежной красоты цветка...»	560
«Оберегая ум и тело...»	561
«Внимательнее, зорче год от года...»	562
Трава амуланга	563
«Опять жесток небесный свод!..»	564
«Чтоб Явь правдиво облик свой...»	566
«Когда Ее, чей образ, чей портрет...»	567
«Минувших лет бессчетные века...»	569
Творчество	570
«Поэту, чей язык остер...»	573
Дети на сцене	576
«Чтоб в небесную синь по весне...»	577
«Мать – Родина!..»	578
Слезы... ..	579
Завещание	580

Статьи. Интервью

Фрагменты биографии, начатые давно	585
Стихи рождаются, чтобы улучшить мир	616
«Чувство хозяина жизни»	622
Здравствуй, мой брат	645

Кугультинов Д. Н.

К 886 Явление слова: избранное в двух томах:
Т. 1: пер с калм. / Давид Кугультинов.– Эли-
ста: Калм. кн. изд-во, 2007.– 650 с.

ISBN 978-5-7539-0561-1

В избранном в двух томах Давида Кугультинова, народного поэта Калмыкии, лауреата Государственных премий, вошли произведения, написанные в 1930 – 2000-х годах.

В первый том вошли стихотворения.

Издается к 85-летию поэта.

УДК 82-1(470.47)

ББК 84 (2Р 37)

Литературно-художественное издание

Кугультинов Давид Никитич

ЯВЛЕНИЕ СЛОВА

Избранное в двух томах
Том I

Редактор Л. М. Менкенова
Художник С. А. Бадендаев
Техническое редактирование Л. Е. Гермашевой
Компьютерный набор В. А. Соломовой
Компьютерная верстка Т. И. Мухариновой

Сдано в набор 17.12.2007.

Подписано в печать 28.12.2007.

Бумага офсетная. Формат 84 x 108^{1/32}.
Гарнитура Schoolbook Eurasian. Печать офсетная.

Усл. печ. л. (35,28+вкл. 1,68).

Уч. изд. л. (17,44+вкл. 1,84).

Тираж 2000 экз. Заказ № 3164.

ГУ «Калмыцкое книжное издательство»
358000, Республика Калмыкия,
г. Элиста, ул. Ленина, 243. Дом печати.
ЗАОр «НПП «Джангар»,
358000, Республика Калмыкия,
г. Элиста, ул. Ленина, 245.

